

[Хвосторожка](#)



Жара, летающие ковры, Александрийская библиотека и две недели до свадьбы Гарри. Снарри.

Приключения/ Роман/ Юмор || слэш || R || Глав: 7 || Прочитано: 5059 || Отзывов: [30](#) || Подписано: 60

Начало: 28.08.09 || Последнее обновление: 13.09.09

Источник:



[Все главы](#)

Османская кампания П.С.

1. Каир. Ресторан отеля

Османская кампания П.С.

Автор: Хвосторожка

Бета: Эсперанса

Пейринг: основной - ГП/СС, намек на СС/ЧУ

Рейтинг: в дальнейшем поднимется до NC-17

Жанр: романс/юмор и немного приключений

Саммари: Жара, летающие ковры, Александрийская библиотека и две недели до свадьбы.

AU относительно эпилога, некоторых частей маггловской истории и реалий Востока.

И спасибо таутак за помощь с сюжетом!

1. Каир. Ресторан отеля

Гарри был из тех людей, которые, придя домой после тяжелого дня, сняв обувь, заварив себе свежий чай и сев в кресло, внезапно обнаруживают, что в их чашке утонула муха. Несмотря на то, что день был нерабочим, чай заварил официант, а ноги почти не ныли – муха в чае присутствовала, и Гарри решил, что это – та самая последняя капля.

– Меня достал Каир, – сказал он Чарли, отставляя чашку в сторону. – И чай без сливок достал. И... вообще, – «вообще» продолжалось уже две недели, а возмущаться Гарри начал только теперь. Имел он в виду традиции волшебников, свой двухмесячный отпуск, рекомендации Кингсли и... вообще. – Поехали в Париж, а? Или хотя бы в Берлин. Куда угодно, где продают шоколад, а не пахлаву и засахаренные фрукты.

Чарли хмыкнул и покачал головой.

– У нас османская виза. А если вернемся в Лондон за французской или немецкой – сам знаешь, что будет.

Гарри знал. Молли, уперев кулаки в бока, сообщила Гарри, что если он появится в Британии раньше обещанного двадцать первого августа, то ночевать будет на улице, потому что традиции нужно соблюдать.

Сранные традиции, думал Гарри, взяв ложкой по тарелке с салатом. Какой идиот придумал, что жених с невестой перед свадьбой должны жить отдельно? И почему именно жаркий пыльный Египет? Он мог бы переехать на Гриммо – там давно было пора навести порядок, но нет: Кингсли, как и Молли, был непреклонен. Старший аврор Поттер, который три года подряд отказывался от отпуска, был насильно награжден путевкой и выдворен за пределы страны в сопровождении будущего шурина. У Гарри иногда проскальзывала параноидальная мысль, что весь мир против него: не могло случайно получиться так, что и свадьба, и отпуск, и Чарли, который вдруг оказался в Лондоне – это летом-то, когда у драконов кладка? Что-то во всем этом было неправильное.

– Мы уже всё здесь видели, – сказал Гарри упрямо. – И пирамиды, и мечети, и база-ар. А еще две недели отпуска.

– Можем просто погулять, – пожал плечами Чарли. – Побродить по городу.

– Ага. Напомнить, что было, когда я в прошлый раз пошел погулять?

Чертовы арабы и сраный Египет, снова подумал он, но на этот раз не озвучил, зная, что Чарли нытьем не проймешь. В первый же день Гарри решил прогуляться, но рекомендациям надеть что-нибудь закрытое не внял. И мало того, что обгорел, так еще и благодаря кулону-переводчику узнал о себе множество интересного: арабы, оскорбленные видом голых ног Гарри, в выражениях не стеснялись, а кулон все исправно переводил. Судя по сальным шуткам, из Гарри вышел бы неплохой наложник... или как там они называются.

– Позагораем?

– Я и так уже черный, – Гарри задрал рукав рубашки. – На свадьбе буду выглядеть внебрачным сыном Кингсли. Особенно рядом с Джинни, – вспомнив о невесте, он чуть повеселел и наконец оставил в покое тарелку с салатом. – Я вообще не понимаю, как кому-то может нравиться лежать кверху пузом и потеть.

– О, да, ты у нас деятельная натура, – Чарли едва заметно улыбнулся и убрал упавшую на лоб медную прядь. – Ты бы с большим удовольствием троллей из Запретного леса изгонял.

– Меня Макгонагалл попросила! – возмутился он. – Сдались мне эти тролли... – и осекся.

– Ладно. Ты меня уел. Почти.

– Можем в Грецию рвануть.

– И смотреть на развалины в Греции? Мне их и тут, – Гарри провел ребром ладони по горлу, – вот так уже.

– В Стамбул?

– И там тоже.

– И в Сирию ты тоже не хочешь, – Чарли взял со стола стакан с гранатовым соком, сделал глоток и тут же поставил на место, скривившись. – Кислятина.

– А у меня муха в чае, – пожал плечами Гарри. – И гнилой помидор в салате. Сегодня явно не наш день.

– Тебе говорили, что ты зануда?

– А тебе говорили, что ты слишком спокойный для Уизли?.. У меня такое чувство, будто я на отработке у Снейпа. И сбежать нельзя, и смириться сложно. Никогда больше не поеду в Египет... и отпуск буду проводить дома. Из Англии – ни ногой.

– Кстати, я еще не рассказывал, что с ним трахался?

Гарри, расслабленно полулежащий в мягком кресле, застыл и уставился на Чарли, не мигая.

– Ч-что?

– Ага. До того, как он... до Дамблдора.

– Со Снейпом?

– Рот прикрой, – улыбнулся Чарли, – муха, утонувшая в твоём чае – не единственная.

– Со Снейпом, – сказал Гарри, кивая, как китайский болванчик. – Со Снейпом. Со...

– ...со Снейпом, именно. Мы оба были пьяные, встретились случайно в «Дырявом котле». Я как раз домой приехал, а мама снова начала вслух мечтать о доме, полном внуков. Ну, ты знаешь нашу маму. В общем, мы оба были пьяны, а Снейп там остановился на пару дней.

– И?..

Не то чтобы Гарри интересовался гомосексуальным сексом или тем, с кем Чарли предпочитает проводить ночи. Но когда ты заперт с кем-то в одном номере на целый месяц – сложно делать вид, что не догадываешься об ориентации сожителя. Которую он, в общем, и не скрывает.

– Мне понравилось. Он... хорош. На удивление.

Гарри проглотил вопрос о том, кто был сверху, попытался представить себе Снейпа с Чарли в постели, поежился и снова подвинул к себе тарелку с салатом, надеясь, что разговор закончен.

– Я потом ему предлагал повторить, – продолжал Чарли. Судя по хитрым искоркам в глазах – намеренно испытывая терпение Гарри. – Но он отказался и сообщил, что предпочитает длительные отношения. Представляешь, Снейп меня отшил!

– Не представляю, – буркнул Гарри. – Что ты там говорил о Стамбуле?

– Я вот всё думаю... Может, он просто выпендривался? Хотел, чтобы я за ним поухаживал? Или боялся, что я кому-нибудь расскажу, что он по мальчикам?

– Чарльз! – Гарри почти взвыл. – Заткнись, а?

– Что такое? – улыбнулся тот широкой улыбкой.

– Я ем! Х... хватит.

– Мне казалось, что ты всегда рад поговорить о профессоре, перед которым не успел извиниться. Разве нет? – улыбка Чарли стала почти издевательской, и Гарри не выдержал:

– О нем, а не о его заднице! Официанта мы не дождемся, так что я пойду в бар и попрошу стакан сока! Без мухи!

Он схватил чашку, подошел к стойке, грохнул об нее кулаком и громко фыркнул, привлекая к себе внимание стоящего за стойкой араба. Тот повернулся, смерил его оценивающим взглядом и кивнул:

– Мистер желает еще чая?

– Мистер желает чай без насекомых!

– Одну минутку.

Гарри фыркнул еще раз и отодвинул чашку подальше, чтобы иметь возможность пристроить на стойке локти. Он бы с удовольствием заказал что-нибудь покрепче, но Чарли наверняка прокомментирует это желанием утопить тоску по Джинни в вине, и придется оправдываться.

На самом деле Гарри привык видеться с Джинни нечасто: у него – Аврорат, у нее – сборы и тренировки; обоих устраивала любовь на расстоянии. По крайней мере, они друг другу не успевали надоест и не ссорились, как Рон с Гермионой. Но объяснять это Чарли, который считал институт брака устаревшим, а длительные отношения – пережитком прошлого, не хотелось.

Вообще ничего не хотелось. Разве что в Лондон и шоколадного пудинга.

Гарри обернулся посмотреть на выход из ресторана – профессиональная привычка – и уставился на мужчину в белой галабее* и с тюрбаном на голове. Что-то в его лице было знакомое. Излом бровей, морщина на переносице, нос...

– Снейп, – сказал Гарри и улыбнулся. – Прямо как в поговорке.

– Пот...терр.

Первый слог Снейп почти выкрикнул с изумлением и радостью, на «т» запнулся, а «еэр» произнес привычным для слуха сухим серьезным тоном, будто вспомнил, что на Гарри нужно реагировать именно так.

– Здравствуйте, профессор. А я знал, что вы живы.

– Знали?

– Ну, если честно, то меня Гермиона убедила, что тело не могло исчезнуть бесследно... Отдыхаете?

Жизнь резко перестала казаться Гарри скучной. Где Снейп – там проблемы, а решать проблемы куда интереснее, чем осматривать достопримечательности.

– Нет.

– Живете здесь? Кстати, вы непохожи на араба. У вас цвет кожи не такой. Они коричневые, а у вас оттенок более... розовый, да. Хотя глаза и нос – вполне арабские. Прячетесь от кого-то? Вас ищут? Помощь нужна?

– Поттер, я копт**, – рявкнул Снейп, прерывая поток вопросов.

– Коп? Полицейский, что ли?

– Копт. Христианин. Таких здесь много. Мерлин, и кому я объясняю? – Снейп закатил глаза и громко вздохнул. – А что здесь делаете вы, Поттер?

* – традиционная мужская одежда: длинная верхняя обычно белая или синяя шерстяная рубаха (Wikipedia)

** – Кóпты – египетские христиане, составляют около 8-9 % населения Египта. Принадлежат, главным образом, к Коптской православной церкви из числа дохалкидонских церквей. (Wikipedia)

2. Каир. Номер отеля

Гарри чувствовал себя лишним, сидя на неудобном диване с кричащей обивкой под золото и упираясь локтем Чарли в бок.

Снейпа даже уговаривать не пришлось: увидев Чарли, тот расцвел, почти заулыбался и с радостью принял приглашение выпить в номере. А Гарри довольно быстро понял, что принять участие в разговоре не получится: эти двое говорили о войне, смакуя каждую деталь так, как нормальные люди вспоминают свадьбу или падение лицом в торт на крестинах любимого племянника. Гарри же подобные беседы терпеть не мог – тем более, что любой разговор сворачивал сначала на поминки погибших, а потом на его подвиг. Подвиг, блин.

Чарли и Снейп пока добрались только до воспоминаний о веселом общении на Гриммо, а он уже всю сдерживался, чтобы не зевать.

– Выпить не хотите? – спросил Гарри, когда смог вставить слово. – В баре есть виски и водка. И пиво – если кто-то хочет пива.

– Водку, – Снейп вытянул ноги, и Гарри смог оценить его фиолетовые туфли без задников и тонкие костлявые щиколотки. – В этой стране невозможно купить приличный алкоголь. Импорт огневиски запрещен, а местное пиво напоминает забродивший тыквенный сок.

– Мне тоже водки, – хмыкнул Чарли и снова повернулся к Снейпу. – Северус, а помнишь, как мы напились в «Дырявом котле»?

Гарри, который как раз присел на корточки перед баром, мысленно выругался и решил, что если так пойдет дальше, то он отправится спать. Благо, в номере две спальни. Не хватало еще наблюдать за брачными играми двух геев.

Он открыл резную дверцу, вытащил бутылку и отлевитировал ее на журнальный столик, опустив рядом с графином.

– Смутно, – Снейп поморщился, глядя на попытки Гарри трансфигурировать из стопки журналов стаканы. – Поттер, вам помочь?

Это тоже раздражало. Почему Чарли он звал по имени и на «ты», а Гарри оставался Поттером?

– Спасибо, сам справлюсь, – буркнул он.

– Могу напомнить, – продолжил Чарли, глядя на Снейпа с легкой полуулыбкой.

Гарри посмотрел на рыжего и скривился: тот уже пристроил руку на спинке дивана. Общий для всех людей жест, предшествующий настоящим объятиям и... прочему.

– О чем? – уточнил Снейп, явно потерявший нить беседы.

– О том, как мы замечательно провели время.

Гарри фыркнул, сел напротив на низкий пуфик и снова взмахнул палочкой. Стаканы получились с неровными гранями, но зато без шевелящихся крысиных хвостов.

– Налить? – спросил он, откручивая пробку, когда пауза слишком, по его мнению, затянулась. – Профессор?

– Спасибо.

– У тебя кто-то есть? – спросил неугомонный Чарли, повернувшись к Снейпу.

– Нет, никого...

Гарри случайно капнул на стол пару капель водки, задумавшись о том, что он здесь делает. Если этим двоим хочется побыть наедине, то какого черта Чарли звал Снейпа в номер, а не прогуляться? И почему не пытается намекнуть Гарри, что пора бы удалиться, оставив их вдвоем?

– Поттер, вам помочь?

– Спасибо, я сам справлюсь, – Гарри чертыхнулся, натянул рукав рубашки на кулак и мазнул им по столу, вытирая пролитую водку. Нормальный человек не обратил бы внимания на какие-то капли, когда его так обхаживают. Но не Снейп. Этому педанту обязательно нужно было указать на оплошность Гарри. – Ваше здоровье, профессор, – произнес Гарри с ноткой явного сарказма, взял стакан и опрокинул привычным жестом. Водка обожгла глотку и прокатилась по пищеводу горячей волной.

– И ваше, – Снейп вежливо кивнул – хваленая шпионская выдержка – отсалютовал и пригубил стакан. Гарри впервые видел, чтобы кто-то пил водку не залпом, а мелкими глотками, при этом даже не морщась.

Некстати подумалось, что в белой галабее Снейп выглядит почти привычно – будто приоделся для Святочного бала в Хогвартсе. А голубой тюрбан казался вполне уместным элементом праздничного наряда.

– Вам не жарко?

– Нет, Поттер.

– Просто ваша чалма... Она, должно быть, тяжелая.

– Мне вполне... комфортно. Но если настаиваете – могу снять.

– Да я просто так спросил. Не стоит, – начал протестовать Гарри, но было поздно: Снейп махнул рукой – не сложно, мол – вытащил из ткани булавку с бирюзой и принялся разворачивать голубой хлопок слой за слоем.

У него всегда мастерски получалось заставить Гарри почувствовать свою ущербность. Вот и сейчас: ответ Снейп какой-нибудь колкостью – он бы посчитал себя отмищенным и расслабился. Но подчеркнутая вежливость лишний раз напомнила Гарри о том, насколько ненормально он реагирует на самые невинные провокации.

Однако досада довольно быстро испарилась, когда он засмотрелся на изящные и точные движения профессорских рук: казалось, словно Снейп не чалму разматывает, а играет на арфе. Зрелище, привычное для любого араба, завораживало. Когда из-под тюрбана показалась черная тканевая шапка, Гарри ощутил укол разочарования: он ожидал увидеть что-нибудь необычное. Не зря ведь арабы носят на голове столько ткани?

– А можешь на мне ее замотать? Раз уж это недолго. А мне пригодится – вдруг в пустыне заблужусь? – Чарли придвинулся ближе к Снейпу и улыбнулся. – Ты не возражаешь, Гарри?

– Нет, – пожал плечами он, мысленно ставя зарубку при случае напомнить об этом маленьком одолжении. Тем более, что Чарли чуть из штанов не выпрыгивал, пытаясь привлечь внимание бывшего любовника. Это могло бы быть забавным, если бы не ощущение того, что Гарри здесь явно третий лишний.

Снейп согласно кивнул и приложил ткань к виску Чарли. Его руки снова запорхали, наматывая тюрбан, а Гарри делал вид, что пытается запомнить, на самом деле лихорадочно придумывая новые вопросы. Снейп был не против поговорить – значит, чуть позже можно будет его спросить и об остальном. Например, собирается ли профессор вернуться в Англию. Чем занимается. Почему именно Египет. И – главное – не злится ли он на Гарри за всё сказанное и сделанное. Только с чего начать, Гарри не знал: сейчас Снейп был спокоен и слегка нетрезв, но, зная его сложный характер, можно было легко представить вероятную реакцию на неуместный или слишком личный вопрос.

Очнувшись от размышлений, Гарри взглянул на Чарли и поперхнулся первым же вопросом: тот тяжело дышал, на его лбу выступили капельки пота, а рот был приоткрыт. Даже Гарри, неискушенный в подобных вещах, понял, что тот возбужден. Снейп же, закончив заворачивать чалму, отсел на диване как можно дальше и схватил стакан, слегка побледнев.

– Налъете, Поттер?

– С радостью. Спасибо, профессор, это было... поучительно.

Если в начале вечера Гарри чувствовал себя лишним, то сейчас стало уже очень и очень неловко. Плевать на вопросы – еще успеется. А даже если и нет – черт с ними. В последний раз настолько неудобно он чувствовал себя, наблюдая, как Рон и Гермиона сплетают руки, засыпая в гостиной на Гриммо.

Вот он – он никогда не позволял себе таких вещей на публике! И дело было вовсе не в газетчиках, отслеживающих каждый шаг Гарри. Просто нужно ведь думать о комфорте окружающих!

Он вздрогнул, осознав, что рассуждает, как тетушка Петунья.

Сранный Египет.

Чертов Чарли.

Стало чуть полегче, но ненамного.

Молчание становилось гнетущим, а задавать вопросы Гарри не спешил, испытывая мстительное удовольствие от мысли, что мешает Чарли и Снейпу слиться в порыве страсти. Могли бы и отдельный номер снять, раз настолько не терпится.

Он допил водку и встал, потянувшись.

– Я, пожалуй, спать пойду. Надеюсь, еще увидимся, профессор?

– Вероятно.

– В таком случае – спокойной ночи.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Проснулся Гарри от грохота в соседней комнате. Ему хватило двух секунд, чтобы вскочить, выхватить из-под подушки палочку, посадить на нос очки и метнуться к дверям. Никто, кроме членов семьи, не знал, в какой гостинице они с Чарли остановились, но это Гарри не волновало: аврорская выучка была хороша тем, что напрочь отключала мозги в опасных ситуациях, позволяя действовать на полном автомате.

Он открыл двери, уже готовясь выкрикнуть «Петрификус тоталус», и тут же застыл, увидев фигуру в белом: Снейп едва слышно шептал заклинания, возвращая разбитому стеклу первоначальный вид.

– Уже уходите?

– Простите, что разбудил. Забыл, что тут столик, и вот... Извините.

Гарри щелкнул выключателем, и комнату залил теплый желтый свет.

– Помочь?

– Я уже закончил, – Снейп снова взмахнул палочкой, расставив на столике графин, бутылку и стаканы. – Простите еще раз, что потревожил.

– Не извиняйтесь, – Гарри прислонился к косяку двери и сложил руки на груди. – Чарли спит?

– Полагаю, что да.

Захотелось отпустить какую-нибудь колкость. Спросить, например, как это – снова очутиться в одной постели, и не удивил ли Чарли профессора новыми умениями. Но лицо у Снейпа было настолько хмурым и сосредоточенным, что Гарри решил тему отношений не затрагивать: судя по всему, гость был не в духе.

– Мы тут еще две недели будем. Заходите в гости.

– Хм. Спасибо за предложение, – Снейп подошел к дивану, на котором лежала смятая голубая ткань, и стащил черную шапку.

Гарри охнул и в который раз за день удивленно приоткрыл рот: под ней вместо ожидаемых длинных неровно остриженных прядей обнаружилась короткая стрижка. Гарри вспомнил о курсах авроров, своей беззаботной жизни в казарме с такими же стриженными курсантами, и рот сам собой закрылся.

Если бы Джинни не настаивала на том, что он должен выглядеть прилично, то Гарри с большим удовольствием побрился бы наголо.

– Я серьезно. Заходите. Я... буду рад.

– Постараюсь, – Снейп, заматывающий чалму, закрепил ткань булавкой, повернулся к Гарри и церемонно ему поклонился. – Благодарю за гостеприимство.

– Не стоит благодарностей.

– Стоит, – уже от двери Снейп обернулся и кивнул в сторону комнаты Чарли. – Мистеру Уизли понадобится Антипохмельное зелье. К сожалению, у меня с собой нет, но в холле отеля я заметил аптеку, там наверняка можно купить что-нибудь маггловское.

Гарри вежливо улыбнулся и подумал о том, что Чарли пойдет и за таблетками, и за всем прочим сам. Так ему и надо! Гарри надеялся поговорить с профессором, извиниться, загладить прошлые обиды, а Чарли умудрился все испортить. Пусть теперь страдает, сволочь.

Дверь с тихим щелчком захлопнулась, а Гарри смотрел невидящим взглядом в стену и задавался вопросом, почему он так и не спросил у Снейпа, как с ним связаться в случае надобности, и с какой стати волшебник подался в копты.

3. Стамбул

Полдня мучений будущего шурина Гарри посчитал достаточной расплатой: тот сидел в обнимку с бутылкой холодной воды, снова и снова охлаждая ее заклинанием, чтобы приложить ко лбу. И почти всё время молчал, что в случае с веселым разговорчивым Чарли означало крайнюю степень похмелья. Таблетки если и помогали, то слабо, а попросить через камин зелье у Молли, зная о любви матери к чтению нотаций, Чарли отказался наотрез.

Гарри, сполна насладившись зрелищем – он-то после единственного стакана водки чувствовал себя прекрасно – предложил на следующий день прогуляться в Стамбул.

– Если не можешь изменить ситуацию – измени отношение к ней? – уточнил Чарли вялым голосом.

– Ага. Что-то вроде.

На самом деле в Египте было не так уж паршиво – просто его никто не спросил, хочет ли

он сюда ехать, а ворчание примиряло с этим обстоятельством.

– Ну наконец-то... – пессимистический тон противоречил смыслу сказанного. – Насколько я понимаю, ты тоже не спросил адрес Северуса?

Вот черт. Мало Гарри было жары, мух и слишком жирной пищи – теперь еще придется терпеть влюбленного Чарли.

– Не записал.

– Ладно.

– Но мы можем...

– ...нет, – оборвал его Чарли. – Не стоит.

Гарри пожал плечами и решил, что добывать и без того лежащего не стоит. На самом деле после недолгих размышлений он решил, что, вернувшись домой, обязательно попробует разузнать контакты профессора через британский Аврорат. Вряд ли Снейп живет под другим именем, раз уж настолько свободно разгуливает по улицам. Если получится – поделится адресом с Чарли, чего уж там.

– Не хочешь рассказать, что случилось после того, как я пошел спать? – спросил он осторожно. Даже с учетом похмелья Чарли был непривычно тихим и молчаливым.

– Тебе с подробностями? – хмыкнул тот.

Шутит – значит, все не так плохо, решил Гарри.

– А ты бы рассказал?

– А тебе интересно?

– Ну... – на самом деле Гарри бы никогда не признался, но само осознание того, что у Снейпа есть личная жизнь, уже делало образ бывшего преподавателя более цельным. – Нет, неинтересно, – соврал он, нажимая на телевизионном пульте красную кнопку.

Нужно было прекратить этот разговор. Раньше они как-то умудрялись обходить в беседах тему геев и секса – Гарри даже ни разу не пошутил про гомосексуалистов, опасаясь ненароком обидеть Чарли. Появившаяся на экране картинка с прогнозом погоды оказалась очень кстати.

Местные каналы показывали какую-то нудную муть, но некоторые британские спутниковые программы оказались очень познавательными. Особенно Гарри позабавило объяснение учеными того, почему лето в Великобритании оказалось настолько жарким: глобальное потепление, экологическая ситуация, тающие ледники, бла-бла. Ха. Просто в этот раз стадион для Чемпионата по квиддичу был открытым, а никто не хотел мокнуть – вот и закликали погоду, чтобы дождей не было. Бедные, бедные... наивные магглы, сказал Чарли.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Стамбул отличался от Каира так, как Лондон – от Кардиффа. На первый взгляд – то же самое, но после пяти минут пребывания в Турции разница становилась очевидной: безумная смесь языков, культур, видов одежды, шум большого города – если в Египте время текло медленно, словно патока, то здешний ритм жизни ничем не отличался от лондонского.

Гранд базар обрушился на них смесью запахов, звуков и цветов: здешняя суматоха оглушала не хуже «Ступефая». Рынок был огромным, куда больше любого торгового центра из тех, в которых Гарри бывал с Джинни, любящей маггловскую одежду; Гарри даже немного повеселел. Он не хотел признаваться самому себе, но дело было не в скуке и праздном времяпрепровождении: просто не хватало ритма большого города и – Джинни, конечно же.

– Впечатляет? – спросил Чарли, оттаскивая Гарри в сторону, когда мимо них пронеслась толпа немецких туристов.

– Не то слово. Уф.

– Вот и чудесно, – улыбнулся тот, – но я хотел показать тебе кое-что другое.

Гарри вопросительно приподнял брови.

– Здесь есть волшебный квартал. Я только вспомню, как туда добраться... Кажется, нам налево. Да, точно. Видишь вон тот указатель?

– Четырехлистный клевер? В Турции? Да уж, замаскировались здешние маги паршивенько.

– Тем не менее, магглы их до сих пор не обнаружили... Так мы пойдем выбирать ковры-самолеты, или ты хочешь купить... сувенирную паранджу?

Гарри отшатнулся от дверей магазинчика, обернулся, оценил разодетый в пестрые одежды манекен и хмыкнул:

– Разве что в подарок Джинни. Как думаешь, она оценит?

Чарли щелкнул Гарри по носу и улыбнулся:

– Скорее, она напялит паранджу на тебя. Кстати, тебе пойдет.

.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....

Кафе с непроизносимым названием напомнило Гарри «Дырявый котел»: те же низкие потолки, деревянные столы без скатертей, неудобные стулья и стойка – только лица сидящих здесь были куда более смуглыми, а на стенах висели не портреты волшебников, а виды дворцов.

– Выход – там, – Чарли потянул Гарри за руку в сторону неприметной двери с большой металлической ручкой в форме головы гиппогрифа.

Гарри недоверчиво осматривался по сторонам: выйдя наружу, они снова оказались на шумной улице со множеством лотков и прохожих – только Гранд базар был крытым

рынком, и солнечного неба здесь быть попросту не могло.

– Мы ведь в помещении? Это – наколдованный потолок, как в Хогвартсе?

– Нет. Искривление пространства... Вернешься домой – спроси у Билла, он в этом наверняка разбирается... Как тебе?

– Потрясающе!

Это было правдой. Справа от них мужчина с роскошными усами продавал диковинных животных. Птицу в клетке Гарри узнал – это была жар-птица, ближайшая родственница феникса; кот с острыми ушами напоминал Живоглота, а трехголовая собака – хагридового любимца Пушка. Дальше продавали разнообразные флаконы для зелий, а слева был большой прилавок со сладостями. Шоколада на нем не обнаружилось, но, увидев пачку «Шипучих шмельков», Гарри почувствовал себя почти дома.

Полчаса спустя в руках у него было три пакета, карманы были забиты всякой всячиной, а кошелек наполовину опустел. Чарли снисходительно посмеивался, взирая на восторг Гарри с высоты своего опыта – он-то был здесь уже второй раз.

– Я обязательно расскажу дома, как ты чуть не купил голема.

– Но он же неживой! Если арабы их используют в качестве прислуги – почему не купить?

– Потому что завтра твой голем застынет статуей или рассыплется на осколки, а ты даже компенсацию за некачественный товар не выбьешь... если вдруг найдешь того, кто тебе его продал. Вообще я вел тебя сюда, – он махнул рукой в сторону небольшого магазинчика со свежеекрашенными стенами, который на фоне окружающего цветового сумасшествия выглядел очень скромно. – Ковры-самолеты.

Гарри сначала не собирался покупать ковер-самолет, но Чарли, который вторую неделю расписывал преимущества ковра перед метлой, почти убедил его в необходимости такой покупки. «Это безопаснее и удобнее: на одной метле могут лететь два человека, ну пусть трое, а на ковре – хоть десять».

Магазин оказался куда больше, чем казалось снаружи – чары, как же иначе – и почти пустым. Продавец, молодой турок с едва заметным мягким акцентом, долго водил Гарри по рядам, выясняя, какая расцветка ему больше подойдет, и это продолжалось бы несколько часов, если бы Гарри, почти озверев от потока вопросов, не рявкнул, что хочет самый большой.

– Ты уверен? – шепнул Чарли, наклонившись к нему. – Там же цена от размера зависит.

– Ты сказал, что ковер-самолет должен быть большим. Если на него должны поместиться все Уизли, то...

– ...чтобы на ковре поместились все Уизли, ковер должен быть размером с гектар.

– Вся твоя семья!

– Погоди, сейчас тебе покажут большой, назовут цену, и ты поймешь, насколько ошибался.

Однако, увидев предложенный ковер, Гарри ахнул. Он был потрясающего глубокого бордового цвета, с тонким, не пестрым узором, и идеально вписался бы в большую гостиную на Гриммо.

– Сколько?

– Семь миллионов лир, – ответил продавец, поклонившись.

– Семь миллионов – это... – Гарри задумался, переводя лиры в галеоны. – Почти двенадцать тысяч!

– А я что говорил, – самодовольно усмехнулся Чарли.

– Беру за тысячу галеонов, – послышался сзади знакомый голос.

Гарри обернулся и уставился на Снейпа, возмущенно сопя.

– Надо же, как вы вовремя. И почему-то именно здесь, в Стамбуле!

– Неисповедимы пути господни, – ответил тот, понутив голову. Знай Гарри Снейпа чуть хуже – поверил бы в его набожность.

– Две! – рявкнул он.

– Три.

Продавец растерялся, не зная, кому из покупателей улыбаться, а Чарли даже не старался скрыть злорадство. Пикировки Гарри и Снейпа стали легендарными еще во время учебы Поттера в Хогвартсе, по рассказам Рона, и он не собирался упускать возможность увидеть это воочию.

– Четыре! Вам не нужен этот волшебный... микроавтобус!

– Нужен. Четыре сто, – хмыкнул Снейп. – Заплачу прямо сейчас.

– Пять!

– Пять с половиной.

– Шесть!

– Поттер, вы хоть умеете им управлять?

– Научусь!

– А знаете, что такое ковер-самолет?

– Средство для полетов! И... какая разница?! Я его первым увидел!

– А я – вторым, – Снейп сложил руки на груди в знакомом жесте. – Поттер, вы всё такой же поверхностный ограниченный малообразованный мальчишка. Ковры, по мнению арабов – это не просто средство, как вы изволили выразиться. На коврах-самолетах в

здесь сказки принцы увозят принцесс, чтобы жить с ними долго и счастливо. Их дарят любимым и передают из поколения в поколение. Ковер – свидетельство любви, а не просто средство... для полетов, – перекинул его Снейп. – Возможность его купить нужно заслужить.

– Я... заслужил! – Гарри сделал паузу и перевел взгляд на продавца. – Десять тысяч.

– Поттер, – Снейп сделал шаг, приблизившись почти вплотную, и Гарри вдруг понял, что стал выше своего преподавателя – всего на полдюйма, но это оказалось приятной неожиданностью. – Я не уступлю вам ковер. И зарубите себе на носу: не всё можно купить за деньги!

– Это мы еще посмотрим!

Полчаса спустя разъяренный донельзя Гарри провожал его взглядом, сжимая в карманах кулаки, а Чарли вовсю веселился – разумеется, снова не взяв у Снейпа адрес.

– Двадцать тысяч галеонов! Откуда у него такие деньги? Это зарплата Министра за год!

– Тебе не все равно? Тут тысячи ковров, купи другой.

– Это был вопрос принципа, – Гарри обернулся и посмотрел на продавца, нахмурившись.
– Так бизнес не ведут.

– Господин, – залебезил тот, – вы неправы! Вы ведь торговались не со мной, а с...

– ...плевать! – рявкнул Гарри. – Я пришел первым! А вы позволили С... другому человеку купить мой ковер!

– За двадцать тысяч, – напомнил Чарли.

– Да хоть за сто! – Гарри развернулся и гордо удалился, прижимая к груди пакеты и напоследок громко хлопнув дверью.

Чарли нагнал его только на выходе из волшебной части рынка. Гарри стоял у клетки с жар-птицей, разглядывая ее с необъяснимой тоской.

– Даже не вздумай.

– Я не собираюсь ее покупать, просто... вспомнил кое-что.

– Джинна не желаешь?

– А они правда существуют? – изумился Гарри. – Желаю!

– Я пошутил, – Чарли подошел к двери, ожидая, пока Гарри оторвется от созерцания радужной птички. – Последний из найденных джиннов сотворил на месте прекрасной страны Сахару, так что...

– ...ясно. Я понял – я необразованный идиот. Или как там Снейп говорил?

– Не злись, – улыбнулся тот. – Он ведь так не думает...

– Да мне всё равно! – буркнул Гарри.

И снова соврал.

4. Каир, отель

Гарри пытался убедить себя, что лежащая у него в тарелке еда – действительно настоящая яичница и тосты, а не сладковатый омлет и лепешки.

– Почему здесь нет бекона? Я мечтаю о жирном толстом куске бекона.

– Тише, – шикнул Чарли. – Бекон делают из свинины.

– Но это они не едят свинину, а мы-то – туристы! Я бы... Черт. Хочу бекон, – подошедший к столику официант не смог сдержаться и брезгливо поморщился, услышав последнюю фразу Гарри. – Мы клиенты! – он обернулся к парню и посмотрел на него умоляюще. – Бекон. За деньги. За любые, – добавил Гарри шепотом, так и не дождавшись обычного подобострастного поклона. – Нет?

– Есть свинину – харам, – бросил тот и поджал губы.

– Что такое «харам»? – не унимался Гарри.

– Это позор, – одернул его Чарли. – Простите... Ахмед. Мы вас позовем.

Официант ушел, напоследок окинув Гарри полным презрения взглядом.

– Откуда ты знаешь, как его зовут?

– У него бумажка на нагрудном кармане, – Чарли отложил вилку в сторону и выставил на стол локти. – Я так понимаю, что тебе снова скучно? Хочется приключений?

– Угу, – ответил Гарри мечтательно, глядя в янтарные глаза Чарли.

– Хм?

– Что?

– Ты смотришь на меня, как на праздничный пирог.

Гарри кашлянул и отвернулся. Он вдруг понял, что впервые засмотрелся на мужчину. И дело было даже не в том, что Чарли напоминал Джинни: просто у него были совершенно потрясающие губы. Вот черт! То ли местная жара так действует, то ли гомосексуальные флюиды летают в воздухе, заставляя Гарри любоваться – любоваться! – мужиком.

– Я не смотрю! – выпалил он, ощущая, как начинают гореть уши. – То есть, смотрю, но не как на пирог!

Чарли недоверчиво улыбнулся и откинулся на стуле.

– Правда! – добавил Гарри.

Улыбка Чарли стала еще шире, но вместо ожидаемой колкости послышалось короткое:

– Снейп!

– Что «Снейп»? – Гарри проследил за его взглядом и насупился, увидев знакомую тощую фигуру и голубую чалму. – Ну конечно. Мне кажется, что он за нами следит.

– Сомневаюсь.

– А я – нет... Я вам не рад, – сообщил он подошедшему к их столику профессору.

– А я не к вам пришел, – Снейп бросил на стол «Ежедневный пророк» и приподнял бровь, заставив Гарри вновь почувствовать себя провинившимся студентом. – Чарльз, у тебя проблема.

– Что? Какая проблема? – тот схватил газету и вчитался в заголовок. – Разве что... да, проигрыш «Гарпий» имеет к нам с Гарри непосредственное отношение. О чем ты, Северус?

– Третья страница.

Чарли раскрыл «Пророк», бегло просмотрел указанную страницу и чертыхнулся.

– Что такое? – спросил Гарри.

– Мне придется уехать. Арестовали нашего директора за нелегальную продажу компонентов для зелий. Вот гад!.. Мне нужно вернуться в Румынию.

– Тебя же не вызывали!

– Вызовут. Если это уже в «Пророке» – сюда наверняка летят совы... Прости.

– Ничего страшного, я тоже вернусь домой, – сказал Гарри преувеличенно весело.

На самом деле уезжать ему уже не хотелось: если забыть о мухах – тут было вполне сносно. Особенно в волшебной части Стамбула, куда он собирался вернуться за големом, хочет того Чарли или нет.

– Матушка Уизли, – напомнил ему рыжий, – улица, скандал, голодный Рон...

– Хорошо, хорошо. Я понял. Я остаюсь тут. Один.

– Спасибо, Северус, – Чарли повернулся к Снейпу, который всё еще стоял у их столика. – Не могу сказать, что новость хорошая, но всё же... спасибо.

– Пожалуйста.

Профессор поправил свисающую на плечо ткань, отодвинул стул, сел напротив Гарри – у

того самопроизвольно приоткрылся рот – и подзвал официанта щелчком пальцев. Этот европейский жест совершенно не вязался с его внешним видом.

– Вы бы хоть спросили, не возражаем ли мы, – сказал Гарри, глядя на свой омлет.

– Вы возражаете?

– Хм... нет.

– Вот и замечательно, – Снейп закатал рукав и, взяв в руку вилку, постучал по хрустальному бокалу. – Официант! Я жду!.. Кстати, Поттер... Если желаете – могу составить вам компанию в прогулках по Османской империи.

– По Египту? – скривился он.

– Нет, по всей Великой Порте.

Гарри представил себе две недели одиночества на чужбине и решил, что компания Снейпа в качестве альтернативы его вполне устраивает... а ковер-самолет он профессору еще припомнит. Обязательно.

.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....

Чарли отлевитировал чемодан из своей спальни в гостиную, уменьшил заклинанием до размеров кошелька и засунул в карман.

– Хочу успеть до темноты, – сказал он Гарри, будто оправдываясь. – Ты точно справишься?

– Мне двадцать четыре! – буркнул тот. – Справлюсь как-нибудь.

– Ну... хорошо.

Гарри не представлял себе отдых со Снейпом. Тот Снейп, которого он знал раньше, вряд ли бы захотел составить ему компанию во время отпуска, но тот Снейп не носил чалму и не считал себя коptom.

Гарри потер переносицу, приподняв очки, и плюхнулся на золотистый диван.

Вдруг это в самом деле будет не так скучно, как пирамиды и мечети?

– Но я тебе страшно благодарен, – добавил он. – Жаль только, что нескоро увидимся.

– Я постараюсь вырваться на мальчишник... Правда, постараюсь.

– Угу, – он не знал, что еще сказать. Тишина начала казаться неловкой, когда Чарли громко вздохнул, взял дымолетного порошка из банки и присел на корточки у камина.

– Нужно маме сообщить... Черт, этот камин настолько маленький, что придется ползком переползать в румынское Министерство.

Гарри соорудил сочувствующую мину и забросил ногу на ногу. Среди волшебников считалось невежливым слушать чужие разговоры через камин, но не сбегать же в коридор, в самом деле?

Пока Чарли объяснялся с матерью, он смотрел по сторонам, разглядывая узор на обоях и отвлеченно думая о том, что Джинни так и не ответила на вопрос, где они будут жить после свадьбы. Гарри хотелось бы переехать на Гриммо. Он любил семью Уизли, но и так практически нахлебничал у них последние семь лет, ночуя в Норе куда чаще, чем в особняке Блэков: орущие портреты, скрипящая мебель и самопроизвольно хлопающие двери совершенно не способствовали здоровому сну. Дом давно пора было отремонтировать, но сам Гарри совершенно не разбирался в вопросах строительства, а на Кричера надежды было мало. Да и вообще – Гарри считал обустройство семейного гнездышка заботой женщины, а не, не...

Оклик Чарли заставил его обернуться.

– А? Что?

– Джинни хочет с тобой поговорить. Только давайте побыстрее, хорошо?

– Можно подумать, – буркнул Гарри, подходя к камину и присаживаясь. – Привет.

– Я соскучилась! – россыпь веснушек на переносице Джинни забавно влетала вверх, когда она приподнимала брови. – А ты уже два дня не появляешься!

– Я тоже соскучился... – на замечание Гарри предпочел не реагировать: оправдываться – признать, что чувствуешь себя виноватым. А он не чувствовал. – Как ты? Как предсвадебные хлопоты?

– Все еще спорим с мамой о цвете скатертей и о том, какими цветами украшать беседку. Мне тебя ужасно не хватает!

– Я скоро вернусь, – Гарри подвинулся ближе к пламени и улыбнулся. – Жаль, что нельзя целоваться через камин. Я бы с удовольствием тебя сейчас поцеловал...

– ...только не при мне, детки! – бросил Чарли, стоящий за его спиной. – Я уеду – и целуйтесь, сколько влезет.

Джинни фыркнула, и из камина вылетел небольшой мерцающий уголек, который плюхнулся на бежевый коврик, моментально прожигая в нем дыру.

– Черт! – Гарри выхватил палочку и окатил пол «Агуamenti». – Джин, – он снова повернулся к невесте, – прости, но Чарли в самом деле пора.

– А ты что там делать будешь, кстати? – грозно насупилась она. – Один? В чужой стране?

– Вообще-то я не один. Мы тут встретили кое-кого... Мужчину, Джинни, не ревнуй! Местного. Он обещал мне показать Великую Порту.

– Хорошо. Но не пропадай надолго! А то я сколько ни пытаюсь вас в номере застать – вас никогда нет.

– Ну, мы же отдыхаем, – развел руками Гарри.

Чарли кашлянул, и он улыбнулся с извиняющимся видом.

– Я всё-таки закончу, а то моему брату придется добираться до заповедника за полночь. Дикие румынские вейлы, вампиры и прочая нечисть – сама понимаешь. Целую! – Гарри махнул палочкой, прерывая связь, и плюхнулся прямо в мокрое пятно на полу. – Черт!

– Вот этого мне совершенно точно будет не хватать, – хохотнул Чарли. – Подвигай задницу, Поттер, мне действительно пора. Передавай Снейпу мои соболезнования.

– Эй!

– Тогда приветы, – Чарли подал Гарри руку, помогая встать, на мгновение застыл, взглядываясь в его лицо, а потом рванул на себя и крепко обнял. – Хорошо тебе отдохнуть... в последний раз перед тем, как тебя окольцуют.

– Я женюсь на твоей сестре!

– Тем более. Всё, счастливо оставаться, – Чарли напоследок сжал его плечо и повернулся к камину, чтобы зачерпнуть дымолетного порошка. – Надеюсь, меня не занесет в Гималаи... Бухарест, Министерство магии!

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Обедал Гарри в одиночестве. Поскольку рядом не было ироничного Чарли, который всегда был готов напомнить о бездонности желудка народного героя – Гарри заказал куда больше еды, чем обычно, и вполне предсказуемо объелся. Шоколада хотелось невероятно, но он съел немного засахаренных фруктов и повеселел. Один в чужой стране – чем не повод для радости? Без Чарли можно было разбрасывать одежду, оставлять мокрое полотенце в раковине – горничная уберет, – щелкать пультом телевизора в свое удовольствие и петь в душе песню про Мери и ягненка.

Однако к ужину радость свободы понемногу развеивалась. Делать глупости даже в отсутствие Чарли Гарри не собирался – да и вряд ли смог бы в мусульманской стране, – а чем заняться – не знал. Можно было присоединиться к какой-нибудь маггловской экскурсии, но магия стала настолько привычной, что Гарри опасался выдать себя словом или жестом: законы, по которым действовали местные власти, были гораздо суровее британских. Могли засадить в каталажку на весь остаток отпуска только за демонстрацию магглу волшебной палочки, а к настолько острым ощущениям Гарри готов не был. Бесцельно гулять по Каиру тоже не хотелось – чего он здесь не видел? Тем более, вечером.

Когда за окнами стемнело, Гарри уже почти выл от тоски. Телевизор надоел, книг или журналов в номере не было, мысль напиться в одиночестве Гарри отменил как нездоровую. Снейп не сказал, когда появится, и мог уже трижды передумать.

Представив себе две недели полного одиночества, Гарри ужаснулся и всерьез задумался, не вернуться ли ему в Лондон. Миссис Уизли даже не узнает – он же может не сообщать о своем возвращении? А Джинни он пошлет почтовую сову. Они будут встречаться на Гриммо, и никто не узнает, что он в Лондоне. Гарри возвел мечтательный взгляд к потолку, и именно этот момент Снейп выбрал, чтобы постучаться в двери его номера.

– У вас потрясающее чувство времени, – сказал Гарри, впуская его внутрь, – добрый вечер, – и замолчал, поскольку в этот раз профессор выглядел, как обычный маггл. Никаких ориентальных нарядов: белая рубашка, черные брюки и тонкий черный галстук. – Вы... эээ... больше не копт?

– Сегодня – нет. А вот завтра вы тоже станете коптом, это я вам гарантирую, – Снейп прошел, сел на диван, выглядя при этом так, будто именно он платил за номер, и вынул из кармана небольшую сумку, которая при ближайшем рассмотрении оказалась уменьшенным чемоданом. – Энгоргио!

– Ох... Простите, профессор, но правильно ли я понимаю, что вы собираетесь жить... здесь?

– Если мы с вами будем путешествовать по Османии – разумеется, я буду жить с вами. Но не здесь. Полагаю, что вы проводите в этом номере последнюю ночь.

– А мое мнение что-нибудь значит? – поинтересовался он язвительно.

Снейп поднял голову, смерил Гарри с ног до головы долгим критическим взглядом и приподнял уголки губ:

– Нет.

– Послушайте, я не против, но хочу сразу сказать, что меня не устр...

– ...Поттер, замолчите.

– С какой стати?

– Я устал. Выскажите ваши пожелания завтра. А сегодня я собираюсь принять душ и лечь спать.

– Вы... Ладно, – махнул рукой Гарри. – Хорошо. Как скажете.

5. Сахара

– Джин, отстань, я сплю, – Гарри натянул на голову одеяло и сполз ниже, пытаясь втиснуться в кровать, чтобы его не было видно.

– Я не «Джин», как вы изволили выразиться, мистер Поттер. И меня не интересует, что вы делаете.

Снейп коснулся палочкой будильника, и тот заверещал, как раненая баньши. От этого вопля уши сразу же заложило, а сон, в котором Гарри плыл по теплой реке, моментально схлынул, оставив после себя неприятное ощущение незавершенности.

– Прекратите! – он заткнул пальцами уши и съежился. – Садист!

– Вставайте, – Снейп оборвал визг будильника и засунул палочку в рукав. – У вас есть полчаса на то, чтобы привести себя в порядок и собрать вещи, после чего мы позавтракаем и аппарируем.

– К-куда?

– Я рад, что вы не возражаете. В Харгу.

– Что такое Харга? Где это?

– В Сахаре. Вставайте, Поттер. Я жду вас в гостиной.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Гарри смотрел по сторонам, все еще сонный, слабо соображающий и пытающийся унять постаппарационную тошноту. Подумаешь – еще один город с пыльными улицами и невысокими, жмущимися друг к дружке, домами. Только в Каире дома были белыми, а здесь – будто вылепленными из песка: большие песчаные замки, построенные ребенком с плохой координацией; около некоторых дверей были натянуты веревки с разноцветной одеждой. Неподалеку копошились дети, громко выкрикивая незнакомые Гарри слова. Что здесь может быть интересного?

– Это оазис, п... Поттер, – сказал Снейп.

Видимо, последнюю мысль Гарри озвучил, сам того не заметив.

– Хотели меня придурком обозвать, да? – сразу вскинулся он.

– Нет, не хотел. А вам нравится, когда вас обзывают?

– Конечно, нет!

– В таком случае – закройте рот и следуйте за мной.

Профессор развернулся и направился в сторону одного из строений, даже не обернувшись и не дожидаясь. Его нарочитое безразличие раздражало, больше всего – после того, как Снейп сам предложил сопровождать Гарри. Какого ж черта теперь ведет себя так, будто Гарри – пустое место?

Пришлось нагнуться, чтобы зайти в дом. Внутри была одна-единственная комната с низким потолком и крошечным окном без стекла, совершенно аскетичная: койка в углу и стол с парой стульев по центру. В таком месте не живут, решил Гарри. Не может кто-то быть настолько бедным, чтобы считать это жилище пригодным для проживания.

– И что мы здесь делаем? – спросил он у спины Снейпа.

– Здесь мы переоденемся, Поттер, и отправимся дальше. Добро пожаловать.

– Хм, – Гарри прикрыл кривую дверь. – Это – ваш дом?

– Мой, – отвернувшись, Снейп быстро расстегивал пуговицы рубашки. – Так и будете стоять? Раздевайтесь.

– Зачем?

– Затем, – он отбросил рубашку на кровать, – что нам предстоит провести несколько часов в пустыне. Хотите обгореть?

– Не хочу... А почему в пустыне и зачем раздеваться?

– Поттер, – Снейп обернулся, и Гарри невольно отвел взгляд, чтобы не пялиться на его торс, – вы будете говорить или делать то, что я прошу вас сделать? Я объясню позже, по дороге.

– Мы поедем туда голышом?

– Нет! Мы наденем традиционную одежду! Я же сказал вчера, что вы тоже станете коптом – вот, прямо сейчас и станете.

Гарри пожал плечами и стащил футболку через голову.

А пять минут спустя уже чувствовал себя так, будто на нем шуба: все эти слои ткани были тяжелыми, плотными, и не позволяли добраться до разгоряченной кожи даже слабому сквозняку, витавшему по комнате.

– Мне жарко.

– Жарко вам станет через час, когда мы доберемся до Сахары, – Снейп с перекинутым через локоть отрезом голубого хлопка, уже полностью одетый и в чалме, подошел ближе. – Наклоните голову, я намотаю на вас тюрбан.

– Зачем? Я и так уже потею! А эта штука только хуже сделает!

– Она предотвращает тепловой удар, а в пустыне вы его наверняка заработаете, если хотя бы час пробудете без всего этого обмундирования.

– А охлаждающие чары?! Я лучше буду чары обновлять, чем тащить на себе... это!

Гарри начало казаться, что Снейп затеял переодевание, только чтобы иметь возможность поглумиться. И – почти угадал.

– Нет уж, Поттер. Если мы путешествуем, то как магглы, по-настоящему. И, кстати, – профессор напялил ему на голову черную шапочку, полностью закрыв волосы, – мы могли бы просто аппарировать, но я решил, что путешествие на верблюдах стоит подобных стараний.

– На верблюдах? – охнул Гарри.

– Да, на верблюдах. Этого вы точно не пробовали.

Все время, пока Снейп оборачивал на его голове тюрбан, Гарри пытался не сокрушаться из-за того, что согласился на его компанию. Отдых резко перестал быть скучным, но энтузиазм и туманные планы профессора несколько пугали. Успокоился Гарри, только напомнив себе о том, сколько раз Снейп спасал его задницу – тем не менее, предвкушение прогулки по пустыне сложно было назвать приятным.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Когда они выехали за границы города, Гарри испытывал странное чувство – будто он уезжает из дома – хотя его домом Харга не была – и навстречу приключениям – хотя на приключения Гарри особо не рассчитывал.

Мальчишка, который седлал для них верблюдов и показывал, как управлять этими животными, напомнил Гарри его самого: такой же низенький и щуплый для своего возраста, с такой же заискивающей улыбкой. Только вот Гарри в свои одиннадцать или двенадцать никогда не смотрел на Снейпа так – будто тот добрый волшебник, приносящий в дом сказку. Из-за воспоминаний о Хогвартсе навалилось чувство вины; Гарри решил, что при первой же возможности расскажет Снейпу всё, что собирался, и извинится.

Сахара простиралась за горизонт, оазис с его пальмами, чистой водой и чумазыми детьми остался позади. Бросив последний взгляд на город, Гарри пожал плечами и решил, что будет наслаждаться поездкой. Раз уж выдалась возможность покататься на верблюде и увидеть настоящую пустыню – нужно получать от этого удовольствие. Шумный Лондон казался всего лишь смутным воспоминанием.

– Я чувствую себя так, будто в мире существуем только мы двое, и больше никого, – сказал Гарри Снейпу, глядя вдаль.

Фраза была вполне подходящей для начала светской беседы двух джентльменов, но говорить с тюрбаном, закрывающим лицо – открытыми оставались только глаза – оказалось жутко неудобно.

– А как же вопрос о цели нашего путешествия?

– Ладно. Куда мы едем?

– В Париж.

Гарри удивленно посмотрел на профессора, потянув за поводья и заставляя верблюда остановиться.

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Париж – это оазис. Иначе его еще называют Барис.* Поттер, вы действительно решили, что я не в себе?

– Ну... извините. Откуда мне знать про Париж в пустыне?

– Действительно, – хмыкнул тот.

– Это ваши верблюды?

– Полагаю, вы дождались подходящего момента, чтобы извести меня вопросами?

– Я могу молчать, – насупился Гарри. – Не хотите – не отвечайте, переживу.

– Мои. Мы так и будем стоять или все же поедем?

Гарри дернул поводья, и верблюд послушно двинулся вперед.

– И вы живете в этом оазисе?

– Живу. Иногда.

– В таком ужасном доме? – скрыть эмоции оказалось сложно: Гарри все еще внутренне сжимался, вспоминая чулан в доме Дурслей, а дом Снейпа был немногим лучше.

– Бедуины считают, что богатство исчисляется верблюдами, а не землей, – ответил профессор знакомым менторским тоном. – У меня два верблюда. Я почти богач по здешним меркам. А соседи за ними присматривают, когда я в отъезде... Али, который ухаживает за этими кораблями пустыни, считает меня почти всемогущим.

– Вы еще и бедуин?

– Бываю и бедуином, если требуется.

Гарри наслаждался ощущением, словно в самом деле плывет на лодках по волнам, сходство было потрясающим: животное, делая шаг, покачивалось, а вокруг простирался настоящий песчаный океан. Если бы не палящее солнце и пот, заливающий глаза, то он бы даже посчитал прогулку расслабляющей.

– Нам долго ехать?

– К вечеру приедем.

– Но сейчас только девять утра или около того!

– Я знаю. Устанете – сообщите, и мы остановимся, чтобы аппарировать... если вам настолько сложно выдержать путь, который здесь считается наиболее легким и коротким.

Гарри сцепил зубы и приготовился терпеть. Извиняться сразу же расхотелось: Снейп, хоть и погиб – или почти погиб, подставившись под зубы Нагини, – все равно остался гадом.

* Paris (Baris) – оазис, находящийся в 90 км от административного центра губернаторства Новая Долина – Харги. <http://looklex.com/egypt/photos/paris01.jpg>

6. Париж

Поначалу Гарри даже наслаждался поездкой: ощущение новизны, бескрайнего песчаного простора с призрачными горами где-то вдалеке, яркого голубого неба, мягко покачивающийся верблюд – всё это было настолько сказочным и странным, что на какое-то время он даже выпал из реальности, представляя себя в роли бедуина, всё богатство которого – верблюд и подседельная котомка с водой. Но потом солнце взошло, и стало по-настоящему жарко. Пот стекал со лба на щеки и впитывался в ткань тюрбана, открытые солнцу кисти рук пекло, в глаза, казалось, насыпали песка – резь становилась почти привычной, и приходилось то и дело смаргивать слезы. Он мог бы воспользоваться парочкой заклинаний – или хотя бы простейшим охлаждающим, – но очень не хотелось продемонстрировать Снейпу свои слабости. Не после того, как профессор сказал, что этот путь – самый простой из всех. Наверняка здешние дети даже радуются подобным поездкам – а чем Гарри хуже?

Когда солнце зависло в зените, Снейп без предупреждения остановил верблюда и спешился. Гарри молча ждал, решив, что нарушать бойкот не будет: если понадобится – Снейп начнет беседу первым.

Однако профессор сел, при помощи палочки натянул небольшой тент, под которым вполне хватило бы места на двоих, и принялся доставать из сумки продукты и приборы. Когда он, сняв тюрбан, все так же молча принялся разделывать курицу – Гарри не выдержал: слез с верблюда и плюхнулся рядом с ним на песок. Под ложечкой неприятно засосало только от одного вида печеной курицы и лепешек – а ведь только вчера Гарри требовал бекона. Сейчас даже эти жестковатые на вид лепешки выглядели самым изысканным деликатесом.

– Так и будете смотреть? – Снейп разложил куски мяса на бумажной тарелке и тщательно облизал пальцы – Гарри не хотел смотреть, но взгляд зацепился, и этот жест почему-то не вызвал ожидаемого отвращения. – Или вам требуется особое приглашение?

Гарри рванул вниз ткань, защищающую рот, и понял, что воздух под тентом прохладный.

– Вы ведь говорили, что чары для слабаков!

– Разве?

– Говорили!

– Нет, я говорил, что мы будем аппарировать, если вы не захотите пройти весь путь на верблюдах.

Гарри обратил внимание на лоб Снейпа, и в груди заклокотало глухое возмущение: профессор не вспотел, кожа не лоснилась, глазные белки не были покрасневшими, как у самого Гарри – он использовал чары!

– Но... – он даже не мог подобрать слов, чтобы высказать претензии. Ощущение, не проходящее с самого утра – будто его снова ткнули лицом в несостоятельность – нахлынуло с новой силой. – Но вы дали понять!

– Поттер, ваши фантазии всегда имели мало общего с реальностью. Вы так и будете на меня пялиться, или все же снизойдете до скромной пищи, которую ниспослал нам Аллах?

– Вы ведь христианин!

– А пища мусульманская. Ешьте.

Гарри обиженно засопел, злясь на самого себя за глупость – вот Чарли, например, ни за что не купился бы на такую грубую провокацию, а он рад стараться. Как всегда.

После невероятно вкусного обеда – или казавшегося таковым с голодухи – он забрал бутылку с водой, а когда влез на верблюда – демонстративно наложил на себя охлаждающие чары. Снейп даже бровью не повел, хотя легкая перепалка с обменом колкостями пришлось бы весьма кстати.

Не хочешь – не надо, решил Гарри. Его вполне устраивало молчание.

К вечеру бутылка опустела, и он распылил ее на атомы при помощи «Эванеско».

Прогулка не то что не доставляла удовольствия – казалась самой скучной за всю его жизнь, даже наматывать круги вокруг Хогwartса было не так нудно. Шея и спина ныли, глаза устали от однообразного пейзажа, и Гарри едва сдерживался, чтобы не предложить аппарировать.

Если в качке, от которой его уже начало слегка подташнивать, был какой-то сакральный смысл – Гарри его не уловил.

– Поттер, – окрик Снейпа заставил его обернуться и дернуть за поводья, – вы еще не устали?

– Нет!

– Сейчас похолодает.

– В Сахаре? – хмыкнул он.

Собственный голос был словно чужим: сиплый, едва слышный и дрожащий.

– Полагаю, что в Каире тоже... неуч.

– Вот и чудесно.

– Поттер!.. Я серьезно, – Снейп подвел своего верблюда поближе и остановился. – Нам стоит переместиться прямо сейчас.

– Аппарировать вместе с этим? – усмехнулся Гарри, хлопнув ладонью по шерстяному теплому горбу. – Спасибо, не хочется.

– У меня есть порт-ключ!

– Это вы сейчас меня уговариваете? – он улыбнулся еще шире и прищурился. Настроение резко скакнуло вверх – ха, Снейп первым не выдержал!

– И не надейтесь! – фыркнул тот. – Мы пока проехали около двадцати миль, а это меньше половины пути. Хотите приехать к утру – на здоровье, я возражать не буду.

– Мы могли бы заночевать здесь, – сказал Гарри после недолгих раздумий. – Песка вокруг куча, можно трансфигурировать его в палатку. Гарантирую, что моя палатка будет куда более удобной, чем ваш дом.

– Поттер!..

– Что? – спросил он, соорудив невинное лицо. – Это ведь вы предложили поездку по Сахаре!

– И вам не понравилось?

Гарри решил, что утвердительный ответ будет явной победой в этой небольшой пикировке, но не хотелось обижать Снейпа – да и врать тоже.

– Понравилось... но...

– ...Поттер!

– Кстати, у меня имя есть.

– И я его даже помню.

– Я, – он помедлил, – вообще-то предлагаю нам с вами перейти на «ты».

– А нужно ли?

– Но ведь с Чарли вы разговариваете совершенно иначе!

– Я со всеми своими любовниками перехожу на «ты»... иначе было бы странно, не находите?

Гарри проглотил вопрос и съежился, краснея. Знал ведь, что в словесных баталиях со Снейпом выйти победителем нереально, но не ожидал, что тот будет настолько спокойно бросаться пошлыми намеками. Или Гарри показалось?

– Поттер?

– Хорошо. Переместимся в ваш этот Париж. Но имейте в виду – я готов был проехать весь путь!

Снейп снисходительно кивнул, а Гарри – удивительное дело – снова промолчал.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Они переместились в пальмовую рощу на окраине оазиса, откуда долго выбирались, петляя между деревьями, после чего выехали на шоссе с привычным глазу асфальтом и уже включенными электрическими фонарями. Гарри с облегчением думал о том, что совсем скоро сможет лечь спать – или хотя бы сесть на что-то ровное и не шатающееся. Тошнота накатывала волнами и становилась все сильнее; лечебных заклятий Гарри не знал, а просить помощи у Снейпа не хотелось.

Когда они подъехали к большому белому дому, на который указал профессор, Гарри слез с верблюда, испытывая доселе невиданное облегчение. Земля под ногами качалась, и пришлось стать, широко расставив ноги. Не хотелось ни есть, ни пить – просто лечь и чтобы его никто не трогал.

– Северус! – мужчина в свитере и джинсах, но с длинной бородой и в тюбетейке, крепко обнял Снейпа. – Я тебя уже заждался! А... кто это с тобой?

Гарри хлопнул ресницами раз, второй, после чего тихо ругнулся в воротник, не веря собственным глазам.

– Гарри? Гарри Поттер?

– Здравствуйте, эээ... Дамблдор, – ему едва удалось выдавить из себя пару вежливых слов.

Нет, Гарри точно привиделось: жара, сухой воздух, долгая поездка. Он незаметно ущипнул

себя за запястье, но стоящий перед ним мужчина никуда не пропал, зато на лице Снейпа появилась знакомая почти-улыбка.

– Добро пожаловать.

– С-спасибо... Но...

– Зови меня Абефорт, – сказал Дамблдор и потрепал Гарри по щеке. – Вот уж не думал, что Северус притащит с собой именно тебя. Сюрприз – так сюрприз!

– Но... – Гарри хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба – и от удивления, и возмущаясь искренней радости Снейпа, который внимательно отслеживал его реакцию на встречу с Дамблдором. – Но Гермиона говорила, что вы продали бар Ханне Эббот и переехали во Францию!

– Нет, я переехал в Париж, – улыбнулся тот лукаво, став очень похожим в этот момент на покойного брата, – где мы и находимся.

7. Париж

Большой стол, стулья с узорчатой обивкой, пара шкафов, ковры – комната, в которую их привел Абефорт, выглядела лишь ненамного более обжитой, чем дом Снейпа. Гарри молча удивлялся, стесняясь спросить, к чему подобный аскетизм. Они ведь волшебники, и если не могут купить – вполне способны трансформировать любую деревяшку в мебель, подравнять стены, отбелить пожелтевший от времени потолок?

– Мы с гостинцем, – Снейп вытащил из сумки коробку, увеличил ее взмахом палочки и протянул Абефорту. – Ты ведь просил именно бельгийский?

Тот кивнул, поблагодарил профессора и, извинившись, вышел из комнаты; Гарри посмотрел на коробку голодным взглядом и снова повернулся к Снейпу.

– Вы впервые видите хороший шоколад?

– Нет!.. Но в Египте его нигде не продают, и...

– ...его не продают в вашей гостинице, но в столице множество магазинов, – профессор приподнял полы галабеи и сел за стол. – Вы вообще что-то, кроме пирамид, видели?

– Нет.

– Я так и думал, – Снейп быстро размотал тюбан, скомкал ткань и ловким движением бросил ее в сторону низкого дивана, стоящего у стены. – Можете раздеться, если желаете. С завтрашнего дня мы будем путешествовать в обычной одежде.

– Прямо здесь?

– Вы стесняетесь меня или господина Дамблдора? – хмыкнул тот, взял из стоящей на столе тарелки гуаву и принялся поедать с таким видом, будто хотел дать понять Гарри, что он здесь – не просто гость.

И зачем Снейп выпендривается, думал Гарри, рассматривая трещины на побелке. И так ведь понятно, что профессор и Абефорт давние друзья – к чему эта нарочитая демонстрация собственной причастности? Или Снейпу просто некомфортно, как и Гарри, и он решил чем-то занять руки?

Дамблдор вернулся через пару минут, левитируя перед собой несколько блюд с разнообразными кушаньями, и улыбнулся, глядя на то, как Снейп сплевывает фруктовые косточки в стоящее на столе блюдо.

– Проголодались?

– Я – нет, – первым ответил Гарри. Его все еще слегка мучило после поездки, а запах верблюжьей шерсти намертво въелся в ноздри – или тут действительно пахло верблюдами.

– А можно... воды?

– Может, чаю?

Гарри с благодарностью кивнул и снова уставился в стену. У него был миллион вопросов, которые после приезда сюда только умножились, но задавать их Снейпу не хотелось, а знакомство с Абефортом было настолько шапочным, что язык не поворачивался называть его по имени – хотя Дамблдор сам дал понять, что не возражает.

После темно-красного напитка со странным привкусом желудок успокоился, и Гарри даже съел несколько ложек риса. Абефорт и Снейп вяло обменивались новостями о политике и незнакомых Гарри людях; он бы включился в беседу, если бы хоть немного понимал, о чем речь – не хотелось снова очутиться в неловком положении и дать Снейпу возможность поязвить. Спина всё еще ныла, глаза слипались – если бы не постоянные напоминания самому себе, что он в гостях – Гарри бы уснул прямо за столом.

– Устал?

Он поднял взгляд на Абефорта.

– Да, немного.

– Хочешь лечь спать, или желаешь услышать о том, как Северус спасся? Он говорит, что ты до сих пор не спрашивал, и меня это удивляет. Неужели тебе не интересно?

– Конечно, интересно, но...

– ...но ты ожидаешь гневной отповеди.

Гарри несмело улыбнулся, посмотрев на Снейпа; тот не выглядел недовольным, и это было странно.

– Я расскажу тебе всё и отвечу на большинство вопросов, а Северус поправит, если я в чем-то ошибусь.

Морщина между черных бровей профессора обозначилась четче; он кашлянул и отодвинул тарелку.

– Благодарю, но – увольте. Поскольку выслушивать истории о героических подвигах у меня желания нет – я, с вашего позволения, пойду спать, – Снейп трансфигурировал из воздуха салфетку и вытер руки. – Спокойной ночи, Абефорт и... мистер Поттер.

Встав, он кивнул им обоим и вышел через арочный проход в соседнюю комнату; Дамблдор провел его взглядом и снова посмотрел на Гарри

– Ты совершенно зря нервничаешь и злишься на Северуса. Его можно понять.

– Я понимаю! Но он не хочет со мной разговаривать!

– Или ты просто задаешь неверные вопросы, – улыбнулся тот.

– Да, он тоже считает, что я идиот, – Гарри подпер щеку ладонью, облокотившись на стол.

– Вы только ему не говорите, но я за сегодня раз сто пожалел, что согласился на его помощь.

– Не скажу, – Абефорт расплылся в широкой улыбке и благодаря ей помолодел на полсотни лет. – Но – Северус не считает тебя идиотом. С идиотами он не ездит по пустыне и... не привозит их ко мне. Откровенно говоря, он еще никого ко мне не привозил.

– Это должно что-то означать? – спросил Гарри и тут же прикусил язык, укоряя себя за несдержанность.

– Вероятно... Выпей еще чаю, – он взмахнул рукой – чайник взмыл над столом, наклонился, и в чашку полилась красная ароматная жидкость. – Гибискус прекрасно успокаивает нервы и снимает усталость.

Гарри восхитился настолько тонким владением беспалочковой магией – сам он даже при помощи палочки не смог бы так аккуратно налить чай. Наверняка бы половину разлил.

– Я знаю Северуса очень давно. Альбус выделял его среди прочих, еще когда тот был студентом, но всегда ожидал от него каких-то подвигов, а я... Он мне как сын.

– Это вы его спасли, да?

– Скорее, он меня, – усмехнулся Абефорт в бороду. – Стоит начать с самого начала, наверное?.. Пей, Гарри, а то остынет. О чем я говорил? Ах, да... Я – родной брат Альбуса. Ты понимаешь, к чему я веду?

– Нет, – он покачал головой и снова сделал глоток.

– Я знал обо всём. Обо всём – понимаешь, о чем я? – Абефорт хитро прищурился и подмигнул Гарри. – Альбус рассказал мне о проклятии, как только его рука начала сохнуть, мы вместе пытались его снять, но ничего не вышло. И когда Северус его убил – именно я укрывал его и младшего Малфоя в «Башке борова». И позже именно я сообщал Ордену новости из Хогвартса и мэнора – они оба снабжали меня информацией. Кафе – очень удобное прикрытие, сам понимаешь. Множество посетителей, всегда можно сказать, что подслушал что-нибудь интересное, или какой-нибудь пьяный случайно проговорился. На самом деле большинство операций Ордена в последний год войны были успешными благодаря Северусу... и немного – мне.

– Но почему вы не сказали, что С... профессор невиновен?

– Потому что Альбус требовал соблюдать его инструкции беспрекословно. Мы верили ему и верили в него. Он оказался прав – войну мы выиграли. Благодаря тебе, Гарри.

– Да я ничего не сделал!

– Сделал, и дело не в том, что ты победил Волдеморта. О хоркруксах я тоже знаю, как и... об остальном.

Гарри будто холодной водой окатили: он замер, выскользнувшая из рук чашка жалобно звякнула, упав на стол, и только чудом не разбилась.

– Все нормально, – взмахом руки Абефорт убрал разлившийся чай. – Ничего страшного. Я понимаю, как тебе неприятно узнавать такое семь лет спустя.

– Не понимаете!

– Ты считаешь меня виноватым? – спросил он осторожно.

– Нам было по семнадцать лет! Ваш брат сказал, что никто не должен знать о хоркруксах, и мы не говорили – никому, даже родителям Рона! Мы полгода скрывались черт знает где, жили в палатке, голодали, попали в плен, а вы в это время знали обо всём!

– Прости, – произнес Абефорт после долгой паузы. – Но вы ведь справились, именно так, как Альбус и предрекал?

– Если бы мы знали, что к кому-то можем обратиться за помощью – просто знали, – нам бы было гораздо легче!

– Ты очень напоминаешь мне одного человека, Гарри.

– Да? И кого же? – он злился и не считал нужным сдерживаться. – Вы сообщаете такие новости и ждете, что я буду благодарно улыбаться?! Как-то не хочется, – Гарри встал и обернулся, раздумывая, аппарировать прямо из дома или все же стоит выйти на улицу.

– Хочешь сбежать? – спросил Абефорт спокойным голосом.

– Нет, хочу побыть один!

– И даже не сообщишь Северусу?

Гарри подавил желание сказать, что пришлет сову, и обернулся.

– Хорошо, я останусь. Но не думайте, что всё прекрасно – это не так! Снейп хотя бы действовал, а вы...

– ... и мне стыдно. Прости меня.

Гарри усталился на стол, медленно перевел взгляд на стену и пожал плечами.

– Ладно.

– Ты меня прощаешь?

– Если вам так важно это услышать – да, прощаю.

Абефорт улыбнулся, на этот раз – виновато.

– Ваша с Северусом комната наверху, лестница там, – он махнул рукой в сторону арки. – Прости, что не могу предложить тебе отдельное спальное место, но у меня нет больше свободных кроватей.

– Ничего страшного, переживу.

– Ты напоминаешь мне Северуса, – донеслось до Гарри, когда он начал подниматься по крутой каменной лестнице. – Вы на первый взгляд непохожи, но у вас столько общего!

– Плевать, – буркнул Гарри себе под нос.

Ему хотелось о многом подумать. Альбус тоже любил принимать решения за всех – видимо, это семейное, решил Гарри. Он обязательно подумает об этом завтра. Сейчас ему хотелось только облегчить мочевой пузырь, помыться и заснуть. Именно в таком порядке.

Кровать в комнате наверху была одна, но зато очень широкая. Гарри кивнул Снейпу, листавшему «Ежедневный пророк», и огляделся в поисках туалета. То, что ему придется делить постель с профессором, Гарри не волновало – во время поиска хоркруксов и позже, в казармах Аврората, приходилось жить и в куда более стесненных условиях.

– Ванная там, – Снейп махнул палочкой, и в небольшой нише за тонкой шифоновой занавеской зажегся свет. – Уборная тоже.

Гарри поблагодарил его, шагнул в нишу и весело фыркнул: комната, чуть поменьше, чем ванная старост в Хогвартсе, но такая же роскошная – с огромным бассейном, множеством флаконов на полках и веселым разноцветным кафелем – просто не могла существовать в оазисе. И пространство явно было увеличено магически, поскольку площадь помещения оказалась больше, чем весь нижний этаж дома. Гарри не мог перестать улыбаться, пока смывал с себя пот и дорожную пыль, а, протянув руку к полотенцам, рассмеялся в голос: они были белоснежными, махровыми и размером с простыню. И, судя по этикеткам, не являлись результатом трансфигурации. Значит, не такой уж Абефорт аскет. Это простое умозаключение отчасти примирило Гарри с услышанными новостями: одно дело – злиться на мудрого непогрешимого брата великого Альбуса, и совершенно другое – на обычного человека со своими слабостями и проблемами. Пиетет исчез, и дышать стало сразу же легче.

После душа он увеличил свой чемодан и долго перебирал собранную впопыхах одежду. Снейп – его не скрытая одеялом часть – был раздет, а очередной сеанс шуток выслушивать не хотелось, и после недолгих раздумий Гарри решил ограничиться трусами.

Забравшись под одеяло, он повернулся к Снейпу спиной и попробовал заснуть. Если этот человек после долгого изматывающего пути и сытного ужина желает разглядывать потолок – пускай, подумал Гарри. Глаза слипались, и он уже дремал, когда профессор дотронулся до его плеча и тихо проговорил:

– Я все слышал.

– И? – Гарри перевернулся на спину, с трудом продирая глаза. – Хотите прокомментировать?

– Я с вами согласен. Я пытался объяснить Альбусу, что нельзя заставлять человека рисковать собой, ничего не объясняя, но он решил, что оберегает вас, замалчивая правду... Простите.

– Профессор, вам тоже требуется индульгенция?

– Хм. Нет.

– Я и не считал вас виноватым, – Гарри поправил подушку и просунул под щеку ладонь. –

Вы – другое дело. Спокойной ночи.

– Спокойной, – в его голосе слышались удивление и несвойственная Снейпу мягкость.

Он выключил ночник, и комната погрузилась в темноту.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Гарри было так хорошо и спокойно, как никогда раньше. В животе разливалось приятное тепло, кровать была мягкой, под веками все еще мелькали картинки из сна, в котором его обхаживала потрясающе красивая блондинка, а от обнимающего его человека пахло просто изумительно: сладостями, кардамоном и защитой.

Гарри шумно выдохнул, не открывая глаз, и прижался теснее. Чужая кожа под его рукой была словно бархат: мягкая, нежная и чуть теплая. Он чувствовал себя абсолютно, совершенно расслабленным и спокойным и был счастлив: наверное, впервые в жизни ему ничего не хотелось – просто лежать, вдыхать запах чужого тела и ни о чем не думать.

Даже обычное для раннего утра желание побыстрее позавтракать отсутствовало.

Он еще пару раз провел рукой по гладкой спине и прижался губами к коже – так было даже лучше. Гарри переполняли непривычная для него нежность и желание погладить, приласкать – словно лежащий рядом с ним человек был самым дорогим и родным.

В ответ его волосы растрепали легким жестом, провели пальцем по щеке – Гарри зажмурился от удовольствия – и вдруг резко сдернули одеяло.

Он возмутился, пытаясь прижаться в поисках утраченного тепла, и окончательно проснулся. Пробуждение, только секунду назад казавшееся Гарри лучшим в его жизни, внезапно стало самым кошмарным. Черт! О, черт! Открывать глаза не хотелось – в таком случае пришлось бы смотреть на Снейпа, а его издевок сейчас Гарри попросту бы не вынес.

– Я не против, – даже шепот у профессора был низким, – но только если вы будете в сознании.

Гарри мысленно взвыл, осознав, что у него стоит, а Снейп наверняка это почувствовал, когда Гарри к нему... О, черт! Если бы он мог – тотчас бы провалился под землю, буквально.

– Поттер, я знаю, что вы просто спали, прекратите краснеть, – судя по прогнувшемуся под спиной матрацу, профессор встал с постели. – Не стоит смущаться.

Гарри приоткрыл один глаз и убедился, что на лице Снейпа не иезуитская ухмылка – он выглядел сочувствующим. Это было странно, но обдумывать подобные метаморфозы Гарри был не в состоянии: стыд стал всепоглощающим и заглушил доводы рассудка.

– Поттер, я не собираюсь даже вспоминать об этом!

Гарри опустил взгляд и оценил черные кальсоны, которые плотно облегли мускулистые бедра. Если ему не померещилось, то и Снейп – который, между прочим, не спал! – тоже был возбужден. Это открытие оказалось той самой спичкой, которая подожгла костер самоуничтожения: Гарри перевернулся, зарылся лицом в подушку и застонал. У Снейпа на него встал. Охренеть, просто охренеть.

– Поттер, – теперь в голосе слышалась легкая усталость – таким тоном разговаривают няни с неразумными малышами, – вы спали и понятия не имели, что делаете. Хотите, я вам память сотру?

– Нет, – сказал он подушке.

– Тогда прекращайте страдать и вставайте... Хотя нет, я первый иду в уборную, так что минут пять еще можете полежать и пожалеть себя, после чего вставайте и приводите себя в порядок. Нас ждет родина Гомера.

– Мы едем в Грецию? – заинтересовавшись, Гарри поднял голову.

– Он родился в Измире... Это Турция, неуч! – Снейп махнул рукой, вложив в жест всю свою досаду, и вышел, а Гарри схватил одеяло, накрылся им с головой и перестал дышать: в детстве этот прием помогал, должен был сработать и сейчас.

– Когда я закрываю глаза – меня никто не видит, – прошептал он в душную темноту. – Даже Снейп.

А в голове звучало профессорское «я не против», и заставляло Гарри представлять себя и Снейпа, Снейпа и себя – и краснеть всё сильнее.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Утро прошло в молчании. Гарри решил, что профессор не в духе из-за вечернего рассказа Абефорта, а сам не знал, как разрядить обстановку. Но завтрак из яичницы, тостов и говяжьих тефтелей оказался очень вкусным и по-настоящему домашним, как и чай с молоком – в гостинице подавали простой черный, а заказать молоко отдельно было нельзя. К моменту, когда Снейп только приступил к тостам, Гарри уже приканчивал вторую порцию и почти позабыл об утреннем инциденте. Жизнь казалась прекрасной, даже серьезный задумчивый Абефорт, который выглядел так, будто собирается что-то сказать, но не может, был не в силах испортить Гарри настроение.

Стоило задаться вопросом, что именно хочет сообщить мистер Дамблдор, и он тут же, кашлянув, спросил:

– Куда вы собираетесь отправиться?

– На родину Гомера, – ответил Гарри. – Хотите с нами?

Абефорт бросил на профессора быстрый взгляд и отрицательно покачал головой.

– Нет, у меня другие планы... Северус, а когда вы отбываете?

– Сразу после завтрака, – тот, как и вечером, трансфигурировал из воздуха салфетку, промокнул ею губы и встал. – Мне нужно взять кое-какие зелья. Не возражаешь?

– Нет, это же твоя лаборатория, – пожал плечами Абефорт.

Снейп вышел на улицу, и из открытой двери на Гарри дохнуло жарким воздухом.

– Как вы живете в таком ужасном климате? Днем жара, ночью холодина – это ж ужас!

– Я же волшебник. Справляюсь.

– Кстати, – Гарри помедлил, думая, как лучше сформулировать, – у меня двадцать седьмого свадьба, приходите. Если нужно – я скажу невесте, чтобы она прислала вам приглашение.

– Свадьба? – изумление в голубых глазах Абефорта было неподдельным. – Ты женишься?

– Да. Вы не знали?

– Я думал, что вы... Что ты и Северус...

Входная дверь хлопнула, и Снейп застыл прямо на пороге, услышав последнюю фразу.

– Эйб!

– Что? – так же невинно улыбался в свое время Дамблдор, только теперь Гарри был старше, мудрее, и ко многим вещам относился со здоровым скептицизмом.

– Прекрати!.. Будь добр.

– Я просто думал, что...

– ...правда, не стоит, – Гарри тоже встал, пытаясь делать вид, что совсем не смущен, хотя после утреннего происшествия это было стократ сложнее. – Я действительно женюсь на Джинни Уизли, а с профессором мы просто друзья.

Сказав это, Гарри ощутил прилив гордости: он умудрился говорить ровно, не сбиться, и даже не покраснел.

– Но...

– Эйб!

– Ясно. Спасибо за приглашение, Гарри, – кивнул тот.

– Вас я тоже приглашаю, – он обернулся к Снейпу. – Конечно же. Джинни будет счастлива.

– А вы – нет? – лицо профессора оставалось непроницаемым, но глаза смеялись.

– А я... Эх. Придете и увидите, – пробормотал Гарри. – Но я действительно хотел бы, правда.

.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....

Воздух в Измире был теплым и влажным, и Гарри радовался хотя бы тому, что здесь не так жарко, как в Сахаре.

– Наслаждаетесь видом? – спросил Снейп.

Даже к галабее, похожей на мантию, привыкнуть было сложно, но светлые джинсы, футболка и косынка, завязанная узлом на затылке, делали профессора похожим на средневекового пирата. Гарри то и дело моргал, пытаясь про себя совместить увиденное с привычным образом слизеринской летучей мыши в черной развевающейся мантии. И смотрел он вовсе не на море, а на Снейпа. Двусмысленность вопроса была вполне в духе профессора, но Гарри еще в Париже-Барисе решил, что будет пропускать его колкости мимо ушей.

– Да, – ответил он, – наслаждаюсь. А что?

– Тогда нам стоит присесть – с веранды море лучше видно, – он пропустил Гарри вперед и даже отодвинул стул, что обычно делают для дам.

– Спасибо, – Гарри пристроил локти на столе и задрал голову.

Прямо над набережной летали чайки, и всё это: море, почти европейское на вид кафе, привычная одежда, родная речь – до них доносились обрывки разговора парочки за соседним столиком – заметно подняло настроение. Гарри пригладил растрепанные волосы и как можно вежливее улыбнулся:

– Что вы планируете на сегодня? После Сахары меня сложно будет удивить, но вдруг турки придумали более оригинальный способ... убивать туристов?

– Если бы я покушался на вашу драгоценное здоровье или жизнь – поверьте, Поттер, вы бы уже это заметили.

Снейп щелчком пальцев подозвал официанта и попросил меню, тот поклонился и, вытащив из кармана книжечку в черной кожаной обложке, протянул ее профессору.

– Вообще-то я не голоден, мы всего час назад завтракали, – напомнил Гарри.

– Считайте меня вашей крестной феей, – Снейп быстро пролистал меню, положил книжку на стол как можно дальше от Гарри, чтобы тот не смог дотянуться, и скрестил руки на груди.

– Я, выходит, Золушка?

– Что-то вроде.

– И какое мое желание вы собираетесь исполнить? Что вы вообще знаете о моих желаниях? – Гарри потянулся к книжке, но Снейп заметил этот жест и отодвинул ее еще дальше. – Вы дадите мне выбрать еду или нет?!

– Не дам.

– Хм... Странная из вас фея, ну да ладно. Я все равно не голоден.

Профессор сказал несколько фраз на турецком – или это был арабский? – подошедшему официанту и вернул ему меню.

– А у вас есть свинина? – спросил Гарри, когда они закончили переговариваться. Даже если Снейп решил поиграть в старшего, взрослого и главного – Гарри-то рот никто не затыкал.

– Я не говорю на английском, – ответил парень.

– Э-э, – он засунул руку в карман и вспомнил, что кулон-переводчик надежно спрятан в чемодане. – Ладно.

Гарри смотрел на ярко-голубое море и пытался внушить себе, что вовсе не злится. Ему двадцать четыре года, черт возьми, а он должен терпеть такое отношение? Да плевать ему, что Снейп иначе не умеет. Не умеет – нечего было навязываться в проводники. Сначала Сахара, теперь это вот – будто Гарри мышка, с которой интересно время от времени поиграть. Он ведь тоже может врезать! Если по части словесных баталий Снейп безусловно его превосходил, то в заклинаниях, особенно неприятных – и особо неприятных – Гарри наверняка разбирался не хуже.

– Знаете... – сказал он, повернувшись, и тут же запнулся.

На столе стояло несколько блюд с разными шоколадными лакомствами: торт, какое-то круглое пирожное, покрытые шоколадом бисквиты, отдельно – розетка с шоколадным кремом, украшенная заспиртованной вишенкой.

– Это для вас, Поттер, – сообщил Снейп, знакомо приподняв уголки губ. – Я угадал с желанием?

Гарри с трудом выдавил «да-а, спасибо», и подвинул к себе первую тарелку. Теперь он чувствовал себя виноватым – ровно до того момента, пока не вспомнил, что Снейп всегда поступал так: делал мелкие пакости ради того, чтобы потом стало хорошо.

– Не возражаете? – прожевав кусок торта, он ткнул пальцем в бисквит. – Вы вообще сладкое любите?

– Люблю, но откажусь. Нам предстоит... кое-что, и мне не хотелось бы объедаться.

– А мне – можно, да? Уф, – Гарри снял с торта большую шоколадную розу и отправил в рот, зажмурившись от удовольствия. – А мне всё равно, – сказал он, проглотив, – даже если окажется, что меня подвешат вверх ногами – от сладкого я не откажусь.

– И правильно, – Снейп наклонился, протянул руку через стол и стряхнул бисквитную крошку с верхней губы Гарри. – Вот, так лучше.

Это легкое прикосновение заставило его на мгновение замереть, потом Гарри тряхнул головой, будто очнувшись, и потянулся за следующей тарелкой. Дело в шоколаде. Совершенно точно. А вовсе не в том, что ему нравится, когда Снейп его трогает. Этого просто не может быть.

9

9. Измир-Асуан

– И зачем мы сюда пришли? – Гарри стоял у небольшого потемневшего от старости дома на окраине Измира, который выглядел нежилым, и смотрел на покосившуюся дверь. – Это местная достопримечательность?

– Что-то вроде.

Снейп сделал шаг, и дом преобразился: вырос вверх, расширился, стены засияли белым мрамором, а невзрачные кусты с двух сторон от входа превратились в высокие раскидистые цветущие деревья, похожие на вишневые, но с более мясистыми листочками.

– Мирт, – сказал Снейп, – древний символ любви.

– Это пароль?

– Нет, это дерево... Турки – редкие показушники, в действительности он уже давно отцвел, но... Проходите, Поттер.

Гарри решил не спрашивать, что произошло: очевидно, здание было скрыто чарами иллюзии от магглов. Он толкнул двери и сделал шаг.

Внутри воздух был влажным и густым, будто в комнату специально напустили тумана.

– Я почти ничего не вижу, – Гарри снял моментально запотевшие очки и засунул в карман. – Что это за место? И зачем мы здесь?

– Это хаммам... О, вот и наши банщики, – Снейп пожал руку одному парню, на котором была только набедренная повязка, а второго – точную копию первого – похлопал по плечу. – Эрдем, Адем, рад вас видеть.

– Добро пожаловать, – они поклонились совершенно синхронно, и Гарри перевел взгляд с одного на второго.

Оба были мускулистыми, загорелыми, высокими, с правильными чертами лица и огромными кулаками – такими обычно изображали греческих богов на фресках.

В голову закрались совершенно непотребные мысли, но Гарри их отбросил как бредовые. Снейп не мог привести его в бордель для мужиков. Или мог?

– Хаммам – это баня, – сказал Снейп и указал Гарри на скамью под стенкой. – Раздевайтесь.

– Я мылся!

– Хаммам – это очищение не только тела, но и души, – сказал Эрдем с едва заметным мягким акцентом и поклонился. Или Адем – Гарри их не различал. – Господин желает, чтобы я помог?

– Э-э, нет, – попятился Гарри, – я как-нибудь сам. Спасибо.

– Адем будет вам помогать, – Снейп тоже подошел к скамье и принялся расстегивать пояс. – В углу полотенце – обмотайтесь, когда разделенетесь. В хаммаме не принято разгуливать голышом.

– Ну хоть что-то хорошее, – буркнул Гарри, стягивая футболку.

.....°°0°°.....°°0°°.....°°0°°.....°°0°°.....°°0°°.....°°0°°.....°°0°°.....°°0°°.....°°0°°.....

Первые пятнадцать минут Гарри просто сидел рядом со Снейпом и дышал, не понимая – то ли он сам вспотел, то ли его полностью покрывает конденсат.

Адем усадил его на каменный помост и испарился, а спрашивать у Снейпа о том, что будет дальше, Гарри не хотелось. Обстановка удивительным образом расслабляла. Все поверхности: стены, пол, даже потолок – были выложены мраморными плитами, чуть ниже овальных окошек под потолком парили небольшие плошки с маслом. Света они давали мало, но создавали ощущение уюта.

Когда даже полотенце стало казаться влажным – Снейп встал и жестом указал Гарри выход.

– Там основная комната, где вас будут мыть, скоблить и... Сами увидите.

– Я не хочу, чтобы меня скоблили! – сказал Гарри и невольно уставился на профессорский торс.

Редкие темные волосы вокруг сосков, рельефные мышцы и полное отсутствие шрамов – а он почему-то ожидал увидеть шрамы как свидетельство участия в войне – выглядел Снейп далеко не на свои сорок с лишним.

– Что такое, Поттер?

– У вас нет шрама на шее.

– Какого шрама?

– От укуса змеи.

– Разумеется, нет – я зельевар. Даже «Глоток смерти» сложнее зелья, сводящего отметины... Поттер, вы заставляете вашего Адема ждать.

– Он не мой! – сказал Гарри и сразу же прикусил язык.

– На сегодня – ваш.

– Себе заберите, – пробормотал он и прошел в следующую комнату.

Там все выглядело еще роскошнее: большой восьмиугольный постамент, золотой умывальник великанских размеров, выложенные камнем узоры на бордюре и еще больше густого, словно кисель, пара. Без очков картинка выглядела расплывчатой,

но из-за этого – только еще более волшебной. За клубами пара просматривались ниши, совершенно одинаковые на вид.

Адем подошел к Гарри и отвесил легкий поклон.

– Вам нужно снять полотенце и пройти вон туда.

– Зачем?

Он посмотрел на Гарри с легким удивлением.

– Вы будете греться.

– Мне не холодно!

– Париться, Поттер. А потом мыться, – Снейп снял полотенце и протянул банщику.

Гарри с трудом оторвал взгляд от его подтянутой задницы – даже голым профессор выглядел так, будто он не в парной, а где-нибудь на великосветском приеме – и закусил губу. Всего два дня рядом с гомосексуалистом – и он разглядывает мужской зад. Кошмар!

И тут профессор повернулся к Гарри лицом.

Снейп, совершенно не стесняющийся, что-то вполголоса говорил Адему, а Гарри пялился в стену и краснел. Он, выросший в закрытой школе, живший среди мальчиков долгих шесть лет, а потом еще три года в казармах Аврората, впервые чувствовал себя неловко рядом с обнаженным мужчиной. Никогда – никогда раньше! – Гарри не стыдился голых мужских тел или своего собственного, но рядом со Снейпом всё было иначе. И убедить себя в том, что стыд – это нормальная реакция на ориентацию профессора, не получалось. Чарли тоже был геем, однако рядом с ним Гарри не испытывал неловкости, а тут!..

– Вы стесняетесь? – спросил Снейп насмешливо.

– Нет! – рявкнул Гарри и сорвал с себя полотенце. – Довольны?

– Да мне-то какая разница? – он провел рукой по влажным волосам, пожал плечами и прошел в одну из ниш, скрывшись за завесой пара.

Было отчего-то обидно, что Снейпу всё равно. Даже Гарри было не все равно, раздет тот или застегнут на все пуговицы. Значит, Снейпу он... не нравится?

Адем подобострастно улыбнулся и поклонился.

– Мистер желает, чтобы я его провел?

– Я сам дойду!.. Спасибо, – исправился Гарри, понимая, что банщик ни в чем не виноват, и орать на него неспортивно.

.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....°°°°°.....

Следующие пару часов было уже не до размышлений. Сначала его растерли специальной перчаткой, после чего с ног до головы покрыли воздушной пахучей пеной и смыли ее теплой водой. Потом был массаж: Адем размял Гарри с пяток до шеи с такой силой, что временами тот едва слышно постанывал, а позже медленно втирал в его кожу масло – и если бы Гарри не напоминал себе каждые пять секунд, что это делает мужик – точно бы возбудился.

Снейп иногда беззлобно комментировал действия банщиков, но Гарри его почти не слышал: никогда его тело не лелеяли настолько тщательно и бережно, будто он не взрослый мужчина, а юная барышня. Если не учитывать процедуру по удалению лишних волос с тела – о которой, впрочем, Гарри узнал постфактум, заглянув себе в подмышку – хаммам оказался приятным опытом.

Когда пришлось встать, чтобы погрузиться в купальню – его едва держали ноги. Холодная вода моментально остудила разгоряченную кожу и заставила Гарри вернуться в реальность. В реальности рядом с ним в небольшом бассейне восседал Снейп, раскрасневшийся, с яркими пятнами румянца на щеках, и выглядел он сейчас даже моложе, чем во времена учебы Гарри в Хогвартсе.

– Готовы к подвигам, Поттер? – спросил он, легко запрыгнув на бортик и опустив ноги в воду.

Гарри снова пришлось отвернуться: сидел профессор совсем рядышком, и даже без очков было видно то, что ему видеть не хотелось. Совсем.

– О чем вы? Или следующим пунктом назначения станет какая-нибудь пещера с Тифоном?

– А вы не чувствуете себя отдохнувшим и бодрым?

– А, вы об этом, – Гарри оттолкнулся от бортика и, приплыв к противоположной стороне бассейна, схватился за поручень. – Чувствую. А еще – есть хочу.

Вопреки ожиданиям, Снейп ничего не сказал о бездонном желудке и

гриффиндорском аппетите; теперь, в отдалении, он казался размытой фигурой, и можно было смотреть, не краснея.

– Когда вы наплескаетесь – нас угостят чаем. Полагаю, что если попросите – и накормят.

– Попрошу, – согласился Гарри.

А спустя полчаса, когда оба уже оделись, а баранина с фасолью приятно согревала желудок, почти орал о том, что не позволит Снейпу платить.

– Ладно – кафе! Я не знал, что мы переместимся в Турцию, и не поменял фунты на лиры! Но здесь принимают галеоны, мне Адем сказал!

– Поттер, я вас пригласил, я и плачу, – его тон был непререкаемым.

– А я возражаю!

Спор набирал обороты, и если бы не вышедшие попрощаться банщики – Гарри бы еще о многом прокричал. Например, о том, что он достаточно взрослый, чтобы самостоятельно принимать решения, где ему отдыхать перед грядущей свадьбой. И что его можно хотя бы ставить в известность о планах. И что если Снейп не согласен – Гарри вполне может путешествовать в одиночку. Или вообще сидеть в номере и методично опустошать запасы гостиничного бара – он успел забыть, насколько скучно было в одиночестве.

Но Снейп просто поблагодарил турков, обозрел пышущего гневом Гарри, схватил его в охапку и аппарировал.

.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....

Гарри выматерился и сбросил с себя руки Снейпа. Он ненавидел аппарации, а двойные – вдвойне. Полный желудок сначала поднялся к горлу, а потом ухнул вниз, и Гарри скрючился, пытаясь унять тошноту.

– Хам, – сказал Снейп и сделал шаг в сторону.

– Это вы!.. Вы – хам!

– Потому что не дал вам закатить истерику на глазах у посторонних?

– А без посторонних можно, да?! – Гарри выпрямился и зло посмотрел на профессора. – Я терпеть не могу аппарации на большие расстояния!

– Теперь я об этом знаю, – Снейп взмахнул палочкой, и неприятная тошнота исчезла.

Гарри сразу же перестал хватать ртом воздух.

– Ух! Полезная штука. Научите?

– Поттер, я считаю нужным сообщить, что меня пугают смены вашего настроения. Вы не пробовали обратиться в Мунго?

– Да... да идите вы с вашими шуточками! – Гарри развернулся, фыркнув, и застыл.

Они стояли на обочине дороги, с двух сторон от которой открывался потрясающий вид на реку. Темза по сравнению с этим величием казалась жалким ручейком; возвышение, по которому пролегла дорога, наверняка строили великаны – это не мог соорудить человек, тем более – магглы, решил Гарри.

– Это плотина, да? – выдохнул он восхищенно.

– Да, это Асуанская плотина.

– Ух! Она огромная!

– Я заметил.

– Знаете, – Гарри повернулся к нему и насупился, – я хочу попросить вас перестать язвить. Я понимаю, что для вас это смерти подобно, и что я требую невозможного, но ваши издевки постоянно портят мне настроение. И мне это надоело.

Снейп приподнял левую бровь и симметрично – уголок губ.

– Д-даже гримасы у вас издевательские!

– Я... – Гарри приготовился услышать отповедь, и был очень удивлен, когда Снейп продолжил после недолгой паузы: – ...я постараюсь.

10

10. Асуан

– И куда дальше?

На самом деле здесь было здорово. Огромная дамба, высокий уродливый памятник

на противоположной стороне, широченная река – тут Гарри было куда легче чувствовать себя обычным человеком после того, как абсолютно все, живущие в старушке-Англии, воспевали его избранность. И раздражало это так же, как и в юности. Здесь же он вспоминал, насколько незначителен; это странным образом успокаивало.

– А куда бы вам хотелось?

– Вы не знаете, куда стоит отправиться? – удивился Гарри.

– Знаю. Но вы требовали ставить вас в известность о планах и уважать ваше мнение.

– Разве?

– Не вслух, но...

– ...такой легиллименции не существует, если вы только меня не сглазили, так что не стоит намекать, что прочитали мои мысли... профессор. Или сглазили?

– Разумеется, нет.

– В таком случае – я этого не говорил.

– У вас настолько живая мимика, что догадаться о ваших эмоциях сможет даже ребенок. Стоит мне сделать что-либо без предупреждения – хотя бы переместить вас в другое место, – и вы моментально возмущаетесь.

– А если бы я вас схватил и перенес куда-нибудь, вы бы не возмутились?!

– Если бы вы перенесли меня в место, которое любите и которое мне наверняка понравится – не возмущался бы.

Гарри досадливо крикнул и снова посмотрел на реку. Снейп и вправду показал ему уже несколько мест, где было совсем не плохо, и уж точно – интересно. Хотя все равно мог бы предупреждать.

О чем он профессору и сообщил.

– Поэтому я и спрашиваю, – ответил тот. – Куда бы вам хотелось?

– А что вы планировали?

- У меня в Асуане дом. Хотел пригласить вас в гости.
- И здесь тоже? В том оазисе на «Х»... черт, забыл название. И у Абефорта. И тут?
- И еще в паре мест. Что вас смущает?
- А здесь дом такой же, как в оазисе? – видимо, выражение лица выдало Гарри и на этот раз – Снейп едва слышно фыркнул.
- Здесь у меня постоянная резиденция. Асуан – основное место проживания коптов в Египте, поэтому большую часть времени я живу здесь... и поэтому я копт. Иногда.
- А камин у вас есть?
- Есть. Вам нужно срочно с кем-то связаться? Я могу найти сову, хотя в здешних широтах это сложно, но...
- ...нет, меня устроит камин, – Гарри похлопал себя по нагрудному карману, где был пакет с дымолетным порошком. – И... спасибо за приглашение.

.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....

Дом у Снейпа оказался с вполне европейской планировкой – никаких женских половин – и с едва заметным восточным колоритом. Абсолютно неволшебный дом, напичканный техникой и обставленный так, чтобы хозяину было комфортно.

- У вас хорошо, – сообщил Гарри, осмотревшись.
- Вы ожидали увидеть мрачное подземелье?.. Располагайтесь, я пока заварю чай, – Снейп указал Гарри на диван.
- А можно что-нибудь холодное? – спросил он, решив считать вопрос про подземелья шуткой, а не издевкой. – В Африке жарко очень, а в автобусе, – он поехал, – была куча магглов, я не мог чары обновить. Неужели вы правда часто ездите на обычном автобусе?
- Езжу иногда... Лимонад вас устроит?

Гарри с завистью посмотрел на большой телевизор – им с Артуром так и не удалось заставить маггловскую технику работать в Норе, а у Снейпа, видимо, получилось – и кивнул.

- Да, спасибо!

- Камин в спальне, можете воспользоваться им прямо сейчас, если желаете.
- Спасибо! – едва успев опуститься на диван, Гарри снова вскочил. – Где?
- В холле крайняя правая дверь. Я буду в столовой.

Комнату Гарри нашел далеко не сразу, зато теперь знал, где в доме уборная, и как выглядит кабинет профессора. Кабинет был похож на хогвартский – что бы там Снейп ни говорил. Мрачное место для работы очень серьезного человека: куча книг и папок с документами. Никаких маринованных чудищ, но обстановка живо напомнила Гарри о том дне, когда в его голову полетела банка с сушеными тараканами – и поэтому он решил побыстрее ретироваться.

В спальне, оказавшейся довольно уютной, Гарри замешкался, засмотрелся на портрет на стене и случайно рассыпал на пол дымолетный порошок, который нельзя было убирать с помощью магии – под воздействием чар он взрывался, словно порох. Пришлось собирать его пальцами, но серая пыль только размазывалась по паркету и забивалась в нос, щекоча ноздри и заставляя Гарри чихать без остановки. Когда удалось собрать почти всё – на полу осталось грязное пятно – он стряхнул руки над каминным пламенем и проговорил адрес Норы. К сожалению, в тот момент, когда пламя вспыхнуло зеленым, Гарри снова чихнул, и пришлось долго объяснять разъяренной ведьме в неглиже, судя по акценту – канадке, что он вовсе не покушался на ее честь.

Он сыпанул в камин весь оставшийся порошок, опасаясь, что и в этот раз не выйдет, но всё получилось. Молли минут пять распекала Гарри за невнимательность – Джинни скучает! – но потом сжалась и подозвала дочь.

Разговор с Джинни затянулся на долгие полчаса, и Гарри был порядочно вымотан, когда закончил. Только с ней получалось болтать ни о чем часами – Гарри верил, что это признак совместимости. И только Джинни могла за полчаса не дать ему вставить и слова. В ее непосредственности тоже была своя прелесть, просто Гарри... отвык. А вот Снейп за два дня ему не наскучил, совсем.

Он ужаснулся, сознавая, что сравнивает свою юную красавицу-невесту со старым хмырем, и быстро попрощался, дав себе зарок обязательно выбросить из головы глупости.

Профессор ждал его в просторной столовой; на большом дубовом столе, наполовину заваленном бумагами, в ряд стояло несколько чашек и запотевший стакан.

– Я приготовил чай, так что если захотите – вот, – сказал он, подвинув к Гарри одну из чашек и стакан. – Могу предложить сэндвич, если вы проголодались, что-то более существенное придется готовить.

– Нет, – Гарри сел рядом с ним, спрятав руки под стол и потирая ладони, чтобы стряхнуть остатки дымолетного порошка.

Мог же зайти в ванную и смыть – но нет, помчался за лимонадом. Черт!

– На кухне, – Снейп скосил глаза, указав ему направление, – есть умывальник.

– Спасибо, – буркнул он.

Проходя в арку, ведущую в кухню, Гарри чувствовал себя замарашкой с полным отсутствием знаний об этикете. Только рядом со Снейпом его самообладание постоянно давало сбой по таким пустяковым поводам. Но эти эмоциональные падения и взлеты – он полагал, что еще долго не забудет хаммам – совсем не раздражали. Напротив, рядом с профессором Гарри чувствовал себя... более живым, наверное?

Он тщательно вымыл руки, плеснул водой себе в лицо, прополоскал рот и устоялся в стеклянную дверцу шкафчика над умывальником, рассматривая свое отражение. С момента встречи со Снейпом он постоянно думал не то и вел себя не так, как привык. Хорошо это или плохо, Гарри не знал, но от количества новых впечатлений и так голова шла кругом, а тут еще и профессор с его тонкими намеками и непонятным отношением.

Черт!

Он пригладил влажной рукой челку и вернулся за стол.

Большая покрытая глазурью глиняная кружка приятно грела руки. Залпом выпив лимонад, Гарри все-таки решил попробовать чая – и не пожалел. Легкая горчинка, сливочный привкус молока и сладость в нужных пропорциях были именно тем, чего, как оказалось, Гарри не хватало для полного счастья.

– Откуда вы знаете, какой чай я люблю? – спросил он, слизнув молочные усы над верхней губой.

Снейп пару раз мигнул, тряхнул головой и переспросил:

– Что, простите?

– Вы сделали именно такой чай, как я люблю, – повторил он.

– Я сам такой пью, – он продемонстрировал Гарри пустую чашку и потянулся за чайником. – Хотите добавки?

– Нет, спасибо, уже вот тут, – Гарри указал на кадык, – булькает. Лучше расскажите о ваших планах.

Снейп бросил взгляд на окно: солнце уже садилось, и небо окрасилось в розовый цвет.

– Я планировал показать вам местный ботанический сад.

– Я не против. А потом?

– А потом – лечь спать. Хотя... в саду будет темно для полноценной экскурсии.

– Ничего, – Гарри встал и с сожалением отставил в сторону чашку, к которой успел привыкнуть, – я не против прогуляться.

.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....

– Как здесь красиво! – он с восхищением рассматривал цветущие кусты, которые в свете закатного солнца казались усыпанными драгоценными камнями. – Никогда не видел таких огромных цветов.

– Жители Асуана по праву гордятся этим садом. Пойдемте, Поттер, я покажу вам пальмы.

– Здесь какие-то особенные пальмы?

– Что-то вроде, – Снейп знакомо приподнял уголки губ, – пока сад не закрылся – вам стоит их увидеть.

Пальмы Гарри понравились, и вид на Нил со смотровой площадки – тоже. Долгая прогулка его совсем не утомила – то ли из-за обилия новых впечатлений, то ли хаммам действительно придавал бодрость телу.

Когда через громкоговоритель на нескольких языках разными голосами посетителей попросили покинуть сад – Снейп сделал шаг в сторону, взмахнул палочкой, и Гарри увидел небольшую узкую тропинку, уводящую вглубь рощи.

– Хотите нарушить правила? – хмыкнул он. – А если нас схватят?

– Не схватят, тут отводящие глаза чары. Вы идете?

– В нарушении правил я спец, – сказал он и тут же вспомнил школу. – Хотя... это вы и так знаете.

– Безусловно, – Снейп ступил на тропинку и окликнул Гарри: – Быстрее, Поттер! Нельзя, чтобы нас заметили прогуливающиеся магглы, иначе здешние волшебники мне не простят.

– Вы могли бы называть меня хотя бы по имени? – Гарри протиснулся следом, и кусты за его спиной тут же сомкнулись в высокую живую изгородь. – Сделайте мне такое одолжение, а? Я даже не прошу разрешения называть вас Северусом... хотя очень хочется, – добавил он тихо.

– Я подумаю, – Снейп, нагнувшись, прошел под низкими деревьями, отступил в сторону, и Гарри увидел огромную поляну со множеством цветов и несколькими островками травы, которая выглядела точь-в-точь как газон дяди Вернона – будто ее исправно стригли и поливали. – Пойдите минуту, я сейчас.

Профессор вытащил из кармана носовой платок и при помощи «Энгоргио» увеличил его до размеров покрывала.

– Поможете постелить?

– Конечно... У вас всегда с собой набор юного путешественника? – спросил Гарри, когда они сели на подстилку.

– Бывалого путешественника, скорее.

– А зачем мы сели?

– Тс-с, Поттер, – Снейп указал в центр поляны, – смотрите. Такого вы больше нигде не увидите.

Он даже бровью не повел, когда из-за деревьев начали выходить и занимать свободные места другие люди, судя по палочкам и одежде – тоже волшебники. Все они просто садились и молча наблюдали за центральной лужайкой, над которой медленно появлялось свечение.

Так в книжках рисовали северное сияние: едва заметная сиренево-голубая рябь и переливы света, в которых иногда вспыхивали и тут же гасли яркие искры.

– Красиво, – шепнул Гарри, склонившись к Снейпу.

– Тихо!– шикнул тот. – Спугнете фей – и вас зажарят прямо здесь. А я помогу.

Свечение становилось ярче, и постепенно Гарри начало казаться, что он различает в нем размытые фигуры. Голубой свет сменился бирюзовым, потом красным, а Гарри не мог отвести глаз – настолько это было красиво. Ему хотелось спросить у Снейпа, что происходит – в учебниках появление фей описывали иначе – но он опасался очередной отповеди.

А потом из центра ввысь рванул столп белого пламени, которое взметнулось до самого неба, распалось на мириады искр, осыпавших поляну; несколько упало на Гарри, и он вздрогнул, одернув руку, но огоньки оказались холодными. А на месте пламени появилась прекрасная девушка в полупрозрачной одежде.

Гари уже не знал, верить собственным глазам или нет. Ее тело, будто светящееся изнутри, казалось стеклянным, а одежда – клочками тумана. Девушка покачивалась в такт шелесту листьев, танцуя и изгибаясь, а Гарри думал, что никогда не видел ничего красивее. Ее тело и лицо были совершенными: плоский живот, широкие бедра и высокая грудь – если бы Гарри встретил такую на улице, то наверняка попытался бы познакомиться. Черт, одернул он себя, у меня ведь есть Джинни! К сожалению, Джинни была на другом континенте, а эта красавица – совсем рядом. И думать при виде такой ослепляющей красоты о невесте не получалось.

Гарри решил, что смотреть ему никто не запрещал, и пытался получше запомнить происходящее, чтобы потом рассказывать об увиденном внукам. Отчего-то он был уверен, что ничего прекраснее больше никогда не увидит.

Когда девушка закончила танец, поклонилась и растворилась в белой вспышке, а свет погас, Гарри издал сдавленный стон:

– Потрясающе!

– Да, я согласен.

Волшебники начали вставать и расходиться в разные стороны, но Снейп продолжал сидеть, задрав подбородок и глядя на звезды, кажущиеся здесь особенно яркими.

– А мы остаемся? – Гарри обхватил себя за плечи – после наступления темноты заметно похолодало, хотя во время танца он этого не ощущал. – Я замерз.

– Идите сюда, – Снейп поднял руку и притянул не успевшего отодвинуться Гарри

поближе, обнимая. – Здесь не стоит колдовать, чтобы не потревожить фей.

Он бы возмутился, но не хотелось: рука Снейпа на плече грела даже через ткань футболки, а близость его тела не возмущала – скорее, будоражила что-то глубоко внутри.

Как воспринимать этот жест, Гарри не знал, но размышлять о причинах, побудивших Снейпа его обнять, желания не возникало. После увиденного в душе царили покой, умиротворение и приятная, немного печальная нежность; даже ненормальный для Снейпа жест в этот момент выглядел вполне обычным, словно они только и делали, что обнимались.

А потом профессор повернулся и посмотрел на Гарри долгим взглядом, будто запоминая его лицо.

– Это восточные феи, пери, – сказал он шепотом. – О них складывают легенды, их обещают в награду благочестивым мужчинам в раю, их мечтает увидеть каждый. Тебе повезло, Гарри.

Имя легко слетело с его губ, будто Снейп давно привык называть его так.

– Потрясающе, – снова сказал Гарри. – Это особенное место?

– Это то, из-за чего я выбрал Асуан. Последнее пристанище фей, известное волшебникам. В своем роде заповедник. Сюда совершают паломничества при любой возможности. Хочешь – вернемся завтра?

– Н-нет. Не знаю. Это просто... это будет чересчур.

– Да, – легко согласился Снейп, – хорошего понемножку.

А потом нагнулся и коснулся его губ своими легким невинным поцелуем.

11

11. Асуан-Луксор

Гарри проснулся от запаха еды. И если ему не приснилось – пахло беконом. Он довольно улыбнулся, открыл глаза и снова закрыл, вспомнив вчерашний поцелуй. Это было под влиянием момента, сказал он себе. Мы оба прониклись сказочной атмосферой, мерцанием огоньков, танцем и цветами. И только.

Попытка возмутиться, как и отыскать в себе брезгливость чувство брезгливости из-за

поцелуя Снейпа, с треском провалилась. Подумаешь, поцелуй. Он был просто выражением приязни. Тем более, что больше ничего не случилось – они вернулись, разошлись по комнатам и завалились спать. Джордж тоже пару раз его целовал – пусть в щеку и поздравляя с днем рождения – неважно. Некоторые мужчины пожимают друг другу руки, а Снейп целует. Может, это просто такой восточный обычай.

Гарри восхитился своим здравым подходом к решению проблемы, и встал.

К счастью, в гостевой комнате была отдельная ванная, и ему не пришлось красться мимо профессора, который, судя по звукам, занимался стиркой на кухне.

После душа есть хотелось еще сильнее. А вот смотреть в глаза Снейпу – нет.

Гарри как раз выбирал, какие именно джинсы надеть, сидя по-турецки на кровати, когда двери комнаты распахнулись, и Снейп с зажатым в кулаке половником появился на пороге. Половник плохо сочетался с черными брюками, белой рубашкой и узким – черным, конечно же – галстуком, но именно это сочетание напомнило Гарри о ненавистных уроках Зельеварения.

– Прячешься? – тон был тем же – учительским с ноткой плохо скрываемого сарказма.

Он нагнул голову – привычка, оставшаяся со времен школы, – потом вспомнил, что Хогвартс давно окончен, и расправил плечи.

– Нет!

– Там еда стынет.

– Я скоро приду.

– Уж постарайся.

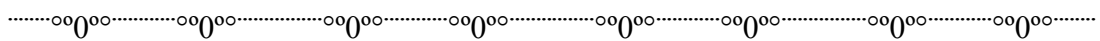
– Вы с утра всегда такой мерзкий?

– Нет, только в те дни, когда всё утро готовлю для гостя, а гость предаётся праздным размышлениям, пока еда стынет.

– Я не праздным!.. Я... уф.

– И прекрати мне выкать, – Снейп пригрозил ему половником, развернулся и вышел.

А Гарри с облегчением выдохнул, надеясь, что во время завтрака тема поцелуя подниматься не будет. Было бы совсем хорошо, если бы не недавняя фраза профессора о том, что он со всеми любовниками переходит на «ты»: Гарри категорически отказывался быть любовником Снейпа. У него ведь Джинни! И вообще он не гей! И... и вообще.



Стол оказался заставлен тарелками – Гарри ошарашено вцепился в спинку стула и уставился на это разнообразие. Снейп решил добить его заботой: три вида бекона, свиная колбаса, котлеты, паровая свинина, запеченная с чесноком свинина, а в центре стола – молочный поросенок с яблоком во рту. С краю высилась башня из нескольких плиток шоколада, выложенных спиралью: так обычно рекламировали новинки в витрине «Сладкого королевства».

– Вы снова играете в крестную фею?

– А ты снова мне выкаешь? – Снейп развернул лежащую перед ним газету, поднял, отгоротившись от Гарри, и сделал вид, что читает.

– Прости, я больше не буду тебе выкать, – он отодвинул стул и сел, не в силах отвести взгляд от прожаренного до хруста бекона, – Се-е-еверус.

– Гар-ри.

Этот низкий баритон с едва слышной бархатной ноткой вызвал в диафрагме всплеск острого желания, которое водопадом скатилось в пах. Гарри сжал колени и закусил щеку, пытаясь вернуть утраченный самоконтроль. Это уже ни в какие ворота не лезло: всего лишь поцелуй под влиянием момента, его имя – и Гарри пришлось вспомнить королеву, чтобы сбить неуместное возбуждение до приемлемого уровня.

– Вы... ты меня ничем не околдовывал? Я... а, не обращай внимания, – он подвинул к себе тарелку с беконом и схватил верхний кусок пальцами. – Спасибо за завтрак.

– Нет, не околдовывал, – сказал Снейп пару минут спустя. – Кстати, вот тебе зелье, – он подвинул к Гарри флакон с прозрачной жидкостью и снова отгородился газетой. – Когда наешься – выпей на всякий случай.

– Это что? Зачем? Профилактика тропических болезней, да? Так нас с Чарли еще в Лондоне напоили этой дрянью, – сообщил он, дожевывая котлету.

– Нет, это ферменты, помогающие переваривать съеденное. Боюсь, чтобы тебя не стошнило от качки.

– От чего? От какой качки?

– Мы отправляемся в круиз по Нилу... Приятного аппетита. Гар-ри.

В дополнительном пожелании он не нуждался: еда была настолько вкусной, что даже несомненный кулинарный талант Молли Уизли сейчас казался всего лишь жалкой пародией на истинное мастерство. Гарри собирался попробовать всё, но на колбасе сломался: мясные блюда были не только сытными, но и жирными.

– Слушай... – Гарри с трудом пропихнул в глотку последний кусок и понял, что больше не осилит. – Я не понимаю.

– Что именно не понимаешь? – Снейп даже не удосужился опустить газету.

– Почему ты такой добрый.

– М-м-м?

– Ты постоянно пытаешься мне угодить. Если честно, то обо мне никто так не заботился. То есть... меня часто приглашают в гости, кормят, Молли иногда печет мой любимый шоколадный торт. Но никто не готовил специально для меня... Понимаешь, о чем я?

– Догадываюсь.

– И... зачем? Почему? Почему ты вообще согласился терпеть меня эти две недели?

– Терпеть? – газета медленно опустилась вниз. – Я сам предложил тебя сопровождать.

– Не сбивай меня с мысли! – повысив голос, Гарри тут же осекся – фамильярность еще не означала, что можно преступать границы условной вежливости. А уж со Снейпом – тем более. – Я не об этом... Я о том, что ты... ну, стараешься мне угодить. Именно мне.

– Ты мой гость, Поттер. Законы гостеприимства... Не забудь выпить зелье и начинай собирать вещи. Не хотелось бы опоздать

Кое-что в этом мире не меняется, решил Гарри. Например, профессор.

– Спасибо большое, – сказал он. – Мне очень приятно, что ты обо мне заботишься.

– Зелье. Вещи. Аппарация.

Точно – не меняется.

.....00.....00.....00.....00.....00.....00.....00.....00.....

– Поттер...

Гарри остановился на пороге каюты и уставился туда же, куда смотрел Снейп. Огромная двуспальная кровать занимала половину комнаты.

– Поттер, не поймите меня неправильно, но...

– ...мы перешли на «ты», – напомнил ему Гарри.

– Я заказывал каюту с двумя спальнями.

– Ничего, – улыбнулся он, – трансфигурируем кровать в две, всего-то делов.

– Не трансфигурируем, – Снейп отступил на шаг и задумчиво погладил подбородок. – Здесь запрещено колдовать.

– Никто не узнает.

– На каждом теплоходе, курсирующем по Нилу, есть представитель здешнего Министерства. Одна вспышка магии – и нас быстро высадят на берег. И хорошо, если обойдется высадкой. У арабов странные законы по поводу воды и плаваний... Хотя с таким климатом – неудивительно.

– Теперь понятно, почему я тащил чемодан в руках... Тогда я буду спать на диване.

За утро он устал спорить. Снейп, видимо, желая вернуть практически утраченный имидж убудка, всю дорогу бурчал, и когда Гарри обмолвился, что хотел бы оплатить круиз – затеял долгий спор, изобилующий тонкими намеками и изысканными оскорблениями. Последнее слово осталось за ним – к вящему неудовольствию Гарри. Хотя твердое решение оплатить следующую поездку и проживание – куда бы они ни направились – Гарри не изменил.

Теперь, взойдя на борт, он уже сомневался, что сможет компенсировать расходы профессора.

Теплоход оказался пятизвездочным отелем на воде, где большая часть кают была класса «люкс». Их номер выглядел еще более вычурно, чем тот, который Гарри делил с Чарли в Каире. Если бы не пятна на ковровом покрытии и круглые следы от чашек на полированном столе, обстановку можно было бы назвать роскошной.

Только присутствие Снейпа за спиной заставляло Гарри напрягаться и немного нервничать. Профессору, видимо, тоже было неудобно: напряжение, повисшее между ними после поцелуя, с каждой минутой ощущалось все явственнее, а общая кровать теперь казалась Гарри самым неподходящим местом для сна. Не потому, что совместный сон предполагал какое-то продолжение поцелуя – просто оба стыдились произошедшего. Или только Гарри – в любом случае, атмосфера не способствовала хорошему отдыху.

А всего два дня назад, ночуя в доме Абефорта, Гарри и мысли не допускал о чем-то... таком.

– Я могу попросить поменять нам каюту, – сказал Снейп, разглядывая его спину.

– Я буду спать на диване.

– Но...

– Диван меня вполне устроит.

– Я могу лечь на диване, а ты – на кровати.

– Я буду спать на диване, – повторил Гарри. – О, нашел, – он вытащил из чемодана легкую рубашку и, бросив ее на кровать, стащил с себя футболку. – Кстати, нужно постирать вещи, у меня чистое заканчивается.

– А очищающие чары тебя чем не устраивают?

– Здесь же колдовать нельзя. А еще от них вещи быстрее изнашиваются.

Гарри обернулся к Снейпу, смерил его оценивающим взглядом и добавил:

– Хотя тебе не понять.

– Хм?

– Ты одеваешься так, будто пыли и грязи не существует. Один только галстук...

– Что не так с моим галстуком?

– Он слишком официальный.

– И?..

– А, – махнул рукой Гарри, – неважно.

Он заметил промелькнувшее в глазах Снейпа сожаление, когда застегивал пуговицы, но решил не придавать этому значения.

.....00.....00.....00.....00.....00.....00.....00.....00.....

Две из трех входящих в программу экскурсий Гарри прогулял: теплоход был интереснее, чем развалины старинных святилищ. Он согласился на просмотр храма Хатшепсут, и то только потому, что Снейп рассказывал о нем раньше.

А когда теплоход отчалил – оставил профессора в номере и ушел гулять.

Обойдя магазины, перекусив в ресторане и заглянув в конференц-зал, Гарри заскучал. Стоять на палубе и смотреть на проплывающие мимо берега ему наскучило довольно быстро: рядом не было знающего всё обо всём Снейпа, который мог часами вещать о красотах Османии и исторической ценности памятников.

Осознав, что за каких-то два часа успел соскучиться, Гарри почти взвыл, стукнул себя по

лбу и развернулся, чтобы совершить еще одну прогулку на прозрачном лифте: чем-то поездка на этом чуде напоминала полет на метле. И нос к носу столкнулся с матросом.

– О! Простите, вы говорите по-английски?

– Да, – кивнул тот. – У нас вся команда говорит. Чем я могу вам помочь?

– Вы можете... – Гарри выудил из кармана кошелек и достал несколько крупных купюр. – ...Можете показать мне часть, куда пассажиров не пускают?

Парень посмотрел на него с подозрением, потом, решившись, схватил купюры и быстро запрятал их в носок.

– Пойдем, – махнул рукой он, – но в случае чего я ни при чем! Скажешь, что сам забрел в технический отсек, случайно!

Гарри весь остаток дня провел среди матросов. Он согласился переодеться в форму – чтобы начальство не заметило постороннего, – а потом с радостью помогал мыть пол, таскать ведра с водой и делать множество других вещей, которые было положено выполнять матросам. И рассовывал деньги, понимая, что платит за то, что ему позволяют делать чужую работу.

Физический труд отвлекал от ненужных мыслей. Гарри ушел из номера не потому, что не хотел видеть Снейпа – напротив. Он понял, что успел привязаться к этому мрачному типу со странной логикой и поведением куда сильнее, чем к тому же Чарли. Это пугало, да что там – сама мысль о том, что ему нравится Снейп, пугала. А вкупе с поцелуем и заботой мысли приобретали и вовсе ненормальное направление.

В итоге Гарри вернулся в номер с изрядно опустевшим кошельком, уставший, полный свежих впечатлений и с разбродом в душе.

Снейп уже спал.

После душа Гарри хотел по привычке трансфигурировать зубную щетку и вспомнил, что волшебство на корабле запрещено. Он кое-как потер зубы пальцем, убедил себя в том, что один раз – не страшно, и попытался лечь на заботливо застеленный Снейпом диван.

Здесь, в номере, качка ощущалась особенно сильно, а ночью, когда люди расходились по каютам, явственно слышался шум двигателя. Еще раз пожалев, что нельзя колдовать и наложить хотя бы заглушающие, Гарри укрылся одеялом и подтянул колени повыше. Длина дивана была меньше пяти футов, и развернуться не представлялось возможным, а любое движение угрожало падением.

Поворочавшись несколько минут и осознав, что заснуть скрюченным не выйдет, Гарри взял одеяло, подушку и направился в спальню. К Снейпу.

12. Эсна

– Поттер, ты пытаешься втрахать в меня одеяло?

Гарри открыл глаза и увидел стриженный затылок Снейпа.

Снова утро, и снова та же картина: он, прижавшийся к профессору, рука поверх одеяла и колом стоящий член. Черт-черт-черт! Щеки моментально покраснели, а тело застыло, но – странное дело – отпускать Снейпа не хотелось. А вот идея что-то в него втрахать, которая должна была бы вызвать здоровое возмущение, больше не казалась бредовой.

– Гар-ри?

Еще и этот чертов голос с низкими переливами, от которого в груди сразу теплеет.

Гарри приподнял край одеяла и, ужасаясь собственной наглости, придвинулся ближе.

Черт! Он потом наверняка будет локти кусать, мучиться и прятать глаза, но под одним одеялом было так тепло, так спокойно и хорошо, еще и этот запах... Гарри не помнил, чтобы когда-либо возбуждение так замечательно сочеталось с покоем. Даже то, что Снейп наверняка заметит его утреннюю эрекцию, не пугало.

– Гарри, через минуту ты будешь возмущаться и приписывать мне даже несуществующие грехи... Просыпайся, – профессор протянул руку назад и похлопал его по бедру. – Хватит.

– Не буду, – он обхватил Снейпа еще крепче и вдохнул запах его волос. – Я сплю.

– Гарри...

– Что?

– Что ты делаешь?

– Ничего.

Остатки сна слетели, и теперь Гарри вполне отдавал себе отчет в своих действиях. Только вот отпускать Снейпа все равно не хотелось. Даже если позже будет очень стыдно.

– Хорошо... Чего ты хочешь?

– Просто полежать.

– Ты понимаешь, что делаешь?

– Вполне. Можешь просто помолчать? – пробормотал Гарри ему в волосы.

Возбуждение понемногу спадало, но лежать рядом с этим горячим телом, чувствовать под ладонью выступающие ребра, вдыхать запах, который успокаивал и одновременно заставлял сердце биться чаще – даже этого было достаточно, чтобы ощущать себя на седьмом небе.

– Поттер, я не железный, – он не мог не испортить момент.

Сволочь.

– Я тебе не нравлюсь, – напомнил Гарри.

– Разве?

– Ты в хаммаме сказал... Блядь, – волшебство момента рассеялось, словно дым. – Ты сказал, что я тебя не интересую.

То, что он разговаривал со спиной, было только на руку – Гарри сомневался, что смог бы высказать свои сомнения Снейпу в лицо.

– Я такого не говорил. Ты меня.... Интересуешь. И я несколько удивлен твоим поведением. Откровенно говоря, я не ожидал, что...

Профессор что-то говорил, но Гарри не слышал. После осознания того, что Снейп его хочет, возбуждение накатило снова, только на этот раз причиной было не обычное после двух недель воздержания желание разрядки, а лежащий рядом мужчина. У него встал на мужчину. На Снейпа. В ушах громко стучал пульс, пока Гарри в полуистерическом состоянии пытался придумать, как бы отодвинуться и сгладить неловкость. Выходило, что никак. Одно дело – просто потискаться – ладно, Снейп ему нравится. Просто нравится, как личность и вообще. Приятного человека, ставшего почти другом, вполне нормально обнимать. Но совсем другое – лежать, прижавшись к мужчине, который только что явно дал понять, что не прочь продолжить отношения в более горизонтальной плоскости. Хотя – куда уж более.

Гарри осторожно двинул рукой, но Снейп тут же прижал его ладонь своей.

– Отпусти.

– Сначала ты меня выслушаешь.

– Я, – Гарри сделал глубокий вдох, отодвинув назад бедра, чтобы не тереться членом о чужую задницу, – слушаю.

– Я понятия не имею, чем ты руководишься, вытворяя такое. Но я не намерен терпеть

издевки, особенно из-за своих предпочтений.

– Я не собирался!..

– ...замолчи!.. Я не против заняться сексом, если ты этого захочешь. Но только если ты будешь делать это, сознавая, что именно делаешь... и с кем. И не шутки ради, а сознательно.

Гарри вырвал руку из крепкого захвата и тут же отодвинулся к противоположному краю кровати.

– Я понял, – даже эти два слова удалось выдать с огромным трудом.

Как и ожидалось, было стыдно. Только не из-за собственных действий, а потому что Снейп неправильно понял его побуждения. И объяснить свои действия Гарри бы не смог даже под страхом Непростительного.

– Точно? – Снейп перевернулся и пристально посмотрел ему в лицо. – Я догадываюсь, кем меня считают окружающие. И как воспринимают. Ты наверняка думаешь, что я одинокий непривлекательный человек, который будет рад любому вниманию, особенно от тебя, что со мной можно...

– ...да не думаю я такое! – выпалил Гарри. – Ты для меня... Ты – пример! Ты сильный и умный, я безмерно тебя уважаю! Я не мог бы думать о тебе гадости хотя бы поэтому! Сволочь! – последнее слово он проорал Снейпу прямо в лицо и сел, отвернувшись. – Только ты можешь воспринимать обычное объятие через призму своего извращенного видения мира. Знаешь что? – он снова обернулся. – Иди ты... куда подальше!

Он встал и направился в ванную, стараясь держать спину ровно и сдерживаясь, чтобы не хлопнуть дверью – это бы Снейпа, безусловно, впечатлило.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Он уже допивал кофе на открытой площадке ресторана – вид отсюда и правда открывался потрясающий – когда напротив материализовался Снейп.

– Я на тебя злой, – сказал Гарри, оставив чашку.

– Я знаю.

– И не хочу с тобой разговаривать.

– Это я тоже знаю, – он отодвинул стул и сел.

– И видеть тебя тоже не хочу.

На самом деле формулировки были не совсем верными: Гарри не имел ничего против бесед со Снейпом, просто ему всё еще было стыдно. Но и злость из-за дурацких выводов профессора тоже всё еще теплилась. Еле-еле.

– Извини.

– Что? – Гарри поставил локти на стол, сцепил ладони в замочек и склонил голову к правому плечу. – Ты извиняешься?

– Да. Я был неправ, – каждое слово явно давалось Снейпу с большим трудом. Видимо, он крайне редко извинялся. – Я обещаю, что впредь постараюсь обойтись без поспешных умозаключений. И... что тебе ничто не угрожает. Я...

Гарри стало неудобно, на этот раз – потому что взрослый мужчина, которому Гарри, по его собственному мнению, в подметки не годился, был вынужден просить прощения, хотя виноват был только... да ни в чем не был. Гарри сам полез к нему в постель, первым его обнял, не спросив разрешения и вообще вел себя крайне нагло. Когда сам Снейп даже не намекнул ни разу, что не прочь...

– Я тоже извиняюсь, – сказал Гарри. – Давай замнем.

– Давай, – согласно кивнул Снейп и подвинул к себе меню. – Я, кстати, больше часа по кораблю бегал, чтобы тебя найти.

– Извини.

Звук, изданный профессором, походил на что-то среднее между «хм» и «пф».

После завтрака они вышли на палубу, и Гарри с гораздо большим вниманием, чем накануне, принялся рассматривать медленно проплывающие мимо пейзажи. Голос Снейпа, его манера изложения – будто он читал из книжки, не запинаясь и почти не делая пауз – и то, что он говорил об истории Османской империи, а не о чем-то личном, было Гарри на руку.

Он боялся всерьез задуматься о том, что чувствует. Раньше бывало, что Гарри засматривался на симпатичных девушек, но никогда – всерьез; никогда ему не хотелось претворить свои смутные желания в реальность, поговорить, послушать, провести вместе вечер. Обычные взрослые игры, но ничего, имеющего хоть какое-нибудь отношение к настоящей жизни.

Со Снейпом все было иначе. Он нравился Гарри – такой, с крючковатым носом, мерзким характером, сомнительным прошлым и миллионом секретов.

Это было ненормально – и не только из-за того, что у Снейпа имелся пенис. Просто все прежние увлечения ограничивались легким ничего не значащим влечением, а профессор Гарри именно нравился. Нужно было срочно переключиться на что-нибудь другое.

Гарри решил считать это временным помутнением рассудка. В какой-то книге он прочитал, что с людьми часто такое бывает: симпатия перерастает в желание, даже когда для этого нет оснований. Гарри-то был уверен, что любит Джинни, в жизни на мужчин не засматривался – разве что на Чарли, и то не всерьез, а так – потому что бурная фантазия, а Чарли и Джинни были удивительно похожи, даже мимика у них одинаковая. И веснушки.

Он бросил взгляд на стоящего рядом Снейпа. Густые черные брови, выдающийся нос, гладкие щеки – в противовес покрытому трехдневной щетиной подбородку Гарри. Чувственный рот... Какой, к Мерлину, чувственный?

Они третий день вместе, а Гарри уже начинает размышлять, как влюбленный!

– Слушай, – он стащил с носа очки и принялся протирать их футболкой, задрав ее почти до груди, – а куда мы после круиза?

– А куда бы тебе хотелось?

– Я просто... – он снова надел очки. – Мне кажется, что я тебе в тягость. Если ты считаешь, что должен или у тебя какие-то обязательства – не стоит. Я смогу сам тут пожить остаток времени.

– Ты мне не в тягость, – сказал Снейп ровно.

– Но у тебя же наверняка есть какие-то дела, работа... Кем ты работаешь?

– Начинается, – профессор вздохнул преувеличенно громко. – Выполняю кое-какие заказы, но вообще у меня достаточно средств, чтобы не работать. Можешь считать меня рантье.

– Я в курсе, – Гарри вспомнил увиденный у него из-под носа ковер-самолет и нахмурился.
– Значит, ты богатый. Никогда бы не подумал.

– Я выгляжу бедняком?

– Ох, нет! Просто в Хогвартсе не настолько большие зарплаты, а твоя семья... Я узнавал после победы. Надеялся с твоей матерью поговорить.

– И она тебя прогнала?

– Не то слово. Спустила с лестницы и сглазом вслед наградила, я потом неделю прихрамывал!

– Мама считает, что именно в нее у меня такой замечательно дружелюбный характер, так что я... не удивлен. Это вполне в ее духе.

– Она все еще живет в Тупике Прядильщиков.

– Я знаю.

– В этом страшном доме... Она небогата. То есть деньги у тебя не благодаря наследству.

– Поттер, почему тебя так волнуют мои доходы?

– Потому что ты слишком много на меня потратил.

– Я могу себе это позволить. И я уже говорил, что вопрос закрыт. О, начинается!

– Что начинается?

– То, ради чего я заказал нам круиз. Смотри, – Снейп указал на нижнюю палубу.

Теплоход остановился, и к нему со всех сторон приближались лодки. Казалось, что их сотни. И парусники, и обычные, с веслами; в каждой сидело по несколько человек и лежали какие-то мешки.

– Мы приплыли к Эсне. Здесь, как и везде в Египте, любят зарабатывать на туристах. Жаль, мы слишком высоко, но... Смотри.

Гарри перегнулся через борт и приоткрыл от удивления рот: один из людей на первой же подплывшей к теплоходу лодке выпрямился, прокричал что-то на арабском и, подняв на вытянутых руках парусиновый мешок, отработанным движением забросил его на палубу. Мешок выглядел легким: Гарри прикинул расстояние от воды до нижнего яруса теплохода и понял – сам он вряд ли смог бы швырнуть на такое расстояние что-то тяжелое.

– Что происходит?

– Это рынок на воде. Сейчас подплывут остальные, и начнется бедлам.

– Может, спустимся? Я хочу посмотреть поближе, что в мешках.

– Обычно – одежда и продукты народного промысла по тройной цене. Ничего достойного внимания, но туристы такое любят. Лучше наблюдать отсюда, это довольно интересно.

Гарри снова перегнулся и посмотрел вниз: пассажиры корабля уже поняли, что происходит, и принялись развязывать мешки и переговариваться с людьми на лодках. Подплывающие тоже что-то кричали, забрасывали товар на борт; шум стоял невообразимый.

– Может, выйдем в Эсне? – спросил Гарри.

– Тебе наскучил круиз?

– Нет, но я уже все здесь видел, а весь день торчать на палубе не хочется. Отправимся, куда скажешь, хоть в наш ужасный номер в Каире.

– Ты не сдал ключи? – удивился Снейп.

– Нет, он заранее оплачен, кроме того... ну, я думал, что у меня должно быть место, куда можно аппарировать в случае чего.

– Ты думал, что я буду плохим компаньоном? – это был не вопрос, а, скорее, констатация; Гарри услышал в голосе профессора нотки разочарования.

– Нет! Я думал, что я тебе надоем, и ты... Знаешь, как с тобой временами сложно разговаривать?

– Знаю. Спасибо, что напомнил. Я пойду собирать вещи, – Снейп развернулся и направился в каюту, оставив Гарри.

К моменту, когда корабль причалил к пристани, оба уже стояли у трапа, а Гарри успел трижды объяснить – или попытаться объяснить, – что не имел в виду ничего плохого.

Стаскивая вниз чемодан, он думал о том, что со Снейпом ему никогда не будет скучно. В крайнем случае они всегда смогут поссориться, и снова станет весело.

13

13. Эсна-Каир

Эсна оказалась приятным тихим городком со множеством памятников. Гарри внимательно слушал комментирующего Снейпа и понемногу проникался вопросами древнейшей истории. То ли им с Чарли до этого не везло с экскурсоводами, то ли дело было в том, что сейчас он слушал внимательно, но когда вещал Снейп – Гарри было интересно. Даже если профессор рассказывал о физиологических подробностях родов богини Атбары и связанной с ними сменой цвета вод Нила. Раньше Гарри не интересовали подробности появления младенцев на свет, но Снейпу он внимал с вежливой учтивостью, кивая и задавая подходящие вопросы. Тот, заметив желаемую реакцию, повеселел и к вечеру даже пошутил про баллы Гриффиндору. Гарри решил, что это означает полное примирение, и окончательно расслабился.

Они поужинали в небольшом кафе и аппарировали в Каир. Гарри немного стеснялся обнимать Снейпа – теперь ему казалось, что любое неловкое движение может обидеть профессора, – но тот отреагировал спокойно и, как лучше знающий местность, перенес их в тихий переулок недалеко от гостиницы. Только вот Гарри, снова обняв его и вдохнув запах его волос, почувствовал знакомое напряжение в паху и по-настоящему испугался. Стоило им переместиться – он разжал руки и сразу же отступил на шаг, надеясь, что Снейп ничего не заметил.

О своих нездоровых, ненормальных и непривычных чувствах Гарри думал весь остаток дня: пока они шли к гостинице, во время подъема на лифте, когда переодевался и складывал грязное белье в корзину – горничные утром забирали вещи, а вечером приносили чистыми и выглаженными. И когда Снейп сообщил, что у него какие-то дела, и ушел, а Гарри залез в ванну – горячая вода всегда расслабляла и помогала привести мысли в порядок. Только на этот раз обычная терапия не сработала. Более того – стоило вспомнить утреннее пробуждение и голос Снейпа, произносящий слово «вздрагнуть» – и у него моментально встал. Гарри тут же спустил воду, включил холодный душ и принялся воскрешать в памяти особо приятные моменты, проведенные с Джинни. Впервые за время отпуска руки потянулись к члену, Гарри даже успел его сжать, прислониться спиной к холодному кафелю, и представить рот Джинни – впрочем, это уже было только фантазией, до настолько грязных игр она никогда не снисходила – и услышал звук захлопывающейся двери.

Чертов Снейп! Мало того, что и так постоянно рядом – даже подрочить нормально не дает!

Гарри вылез из ванной и вышел в гостиную, обмотавшись полотенцем и стараясь выглядеть расслабленным, а не разозленным.

– Всё в порядке?

– Да, вполне. В этом городе сложно найти приличные костюмы напрокат, но... – Снейп махнул рукой в сторону дивана, на котором лежало два смокинга в полиэтиленовых пакетах.

Гарри едва сдержался, чтобы не съязвить по поводу постоянного желания Снейпа подчеркивать свои сверхвозможности: свинина в мусульманской стране, бельгийский шоколад, теперь вот – смокинги.

– Зачем нам костюмы?

– Мы идем в оперу.

Гарри поморщился. Несколько раз ему приходилось бывать на приемах в маггловском мире – Шеклболт нечасто шел навстречу просьбам маггловского премьера, но отказать в знакомстве со Спасителем-Всех-И-Каждого не смог. И пару раз Гарри приходилось бывать в опере. Искусство пения заунывных песен толстыми тетками с фунтом грима на лице он не оценил.

– Ты не хочешь? – спросил профессор, заметив его реакцию. – Можем остаться в номере.

Его покладистость заставила Гарри напрячься и вспомнить, что всё это делается только ради его удовольствия, и что Снейп вовсе не обязан пытаться его развлечь.

– Нет-нет, – затараторил он, – я с удовольствием пойду с тобой... в оперу.

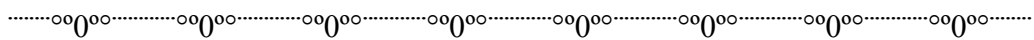
— Оденься, будь добр.

– Нам уже пора? – спросил Гарри, проведя пальцами по влажной макушке.

– Нет, просто... X_M .

– Что? – Гарри опустил голову и обозрел свой торс: кое-где блестели капли воды, а полотенце чуть сползло, выставив на обозрение Снейпа тазовые косточки и дорожку волос, сбегаящую от пупка к паху. – Ох. Прости, – он подхватил полотенце и сбежал в свою комнату.

Похоже, придется отказаться от приобретенных в казармах Аврората привычек ходить полуголым и разбрасываться пошлыми шутками о волосатых задницах. Гарри совсем не хотелось причинять Снейпу неприятности... с одной стороны. А с другой – интерес профессора ему, чего уж там, льстил.



Гарри почти не слушал «Аиду» – он слушал Снейпа. И дело было даже не в пересказе происходящего на сцене, хотя Гарри не переставал удивляться энциклопедическим знаниям профессора. Просто голос Снейпа, выражения, которые он использовал, неприкрытое восхищение историей, разворачивающейся на сцене – всё это завораживало.

И еще – его внешний вид. Снейпу шла официальная одежда. Он двигался так, будто родился в смокинге, белый воротничок подчеркивал загар, тогда как Гарри приходилось постоянно ерзать по креслу: ему жало в пояс, в плечах, сгибать руки было неудобно. Определенно, в джинсах и футболке было гораздо легче. А профессор выглядел урожденным аристократом с этой своей вечно прямой спиной и тонкими пальцами.

Думал ли Гарри когда-нибудь, что будет считать Снейпа привлекательным? Более привлекательным, чем он сам – после тысяч писем от поклонниц, которые уверяли Гарри в его несомненной красоте, после миллиона предложений – от замужества до быстрого перепахивания в министерском туалете, после статей, превозносящих красоту его изумрудных глаз? Не то чтобы Гарри заморачивался собственным внешним видом, но сейчас, рядом с таким Снейпом, он ощутил легкий укол зависти. Может, дело в возрасте? С их разницей в двадцать лет у Гарри было еще два десятка лет форы, чтобы научиться носить костюмы, выучить содержание «Аиды» наизусть и попросить Гермиону научить его заклинанию, которое выпрямляет волосы.

Именно, решил он, глядя на рот Снейпа. Просто он старше. И только.

Выйдя на освещенную фонарями улицу, Гарри сразу же потащил профессора в ресторан, о котором им с Чарли рассказывал гид, и по дороге выдал длинное рассуждение о том, что «Аида» напоминает ему «Ромео и Джульетту», чем огорошил Снейпа до полуминутного

молчания. А когда оказалось, что ресторан рассчитан на самых требовательных – и обеспеченных – клиентов, они снова спорили до хрипоты о том, кто оплатит счет. Гарри, к своему удовольствию, выиграл.

Возвратившись в гостиницу, Гарри с радостью избавился от неудобного смокинга, переделся в привычные шорты и футболку, вернулся в гостиную и потянулся к вазе с фруктами.

– Поттер, мы только поужинали! – Снейп, сидящий на золотистом диване, посмотрел на него с изумлением. – Ты растолстеешь к тридцати годам до размеров слона!

– Это всего лишь персик, – Гарри взял с подноса фрукт и тут же положил на место. – Тьфу. Гнилой. Ненавижу этот номер и эту гостиницу. То мухи в чае, то фрукты гнилые. И шоколада нет.

– А почему ты здесь поселился, в таком случае?

– Кингсли посоветовал. Его здесь разместили, когда он приезжал с официальным визитом к здешнему Министру... Да и вообще, именно Кингсли нам этот номер заказал. Что? Что смешного?

Он никогда не видел Снейпа смеющимся, да и в этот момент профессор всего-то закрывал лицо руками и всего лишь издавал странные звуки – только плечи подрагивали. Но Гарри решил, что вряд ли воспоминание о Кингсли могло вызвать рыдания.

– Почему ты смеешься?!

Снейп отнял руки и посмотрел на него, улыбаясь во весь рот. Улыбка у него была не самой приятной, но и не злой. Будто он не привык улыбаться, и поэтому слегка кривился с непривычки.

– Что такого смешного я сказал?

– Кингсли... – он снова фыркнул и улыбнулся еще шире. – ...Кингсли очень тонко оскорбили, а он даже не понял. Селить Министра другой страны, с которой Османия в прошлом веке, кстати сказать, воевала, в двухкомнатном номере с золотым диваном, чугунной ванной и включенным в оплату завтраком в ресторане с желтой наклейкой «халалья»* на двери – это очень по-восточному. Эдакое изысканное оскорбление.

– Зато тут есть камин, – буркнул обиженный Гарри.

Оказывается, его обманули. И Кингсли. А Кингсли был не кем-нибудь, а Министром!

– И поэтому ты платишь втридорога за президентский номер, хотя мог бы пользоваться каминами в здешнем Министерстве. Они платные, но, уверяю тебя, это было бы более выгодно. Во всех смыслах.

– Кстати... Вот черт! У тебя нет, случайно, дымолетного порошка?

– Нет. А твой закончился?

Гарри вспомнил пятно, оставшееся на полу спальни Снейпа в Асуане, поморщился и кивнул.

– Угу, закончился. А мне стоит связаться с Джинни... Хотя уже поздно. В Министерстве можно купить порошок?

– Можно, – Снейп встал и развязал бабочку. – Действительно поздно.. Спокойной ночи, Гар-ри.

Он ненавидел себя за теплое чувство, появившееся в груди после этого мягкого «р-р». Ведь смог же высидеть в опере, ни разу не подумав о Снейпе в сексуальном ключе. Почему же, стоило ему услышать собственное имя, организм сразу реагировал? Эрекции не возникло, но, судя по тому, что Гарри все чаще употреблял в мыслях «Снейп» и «секс» в одном предложении – это был вопрос времени.

– А что такое «халяль»? – спросил он вслед профессору.

Тот махнул палочкой, и из его комнаты вылетел потрепанный журнал.

– Вот тебе путеводитель, которым ты очень зря пренебрег. Изучай.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Утром Гарри, выйдя из комнаты, обнаружил тарелку с омлетом, тосты и кружку горячего кофе с молоком. А чуть поодаль стояла большая жестяная банка с тонкой росписью, перевязанная золотой лентой.

– Это... завтрак?

– Да, Поттер, это твой завтрак, – Снейп, который пил кофе из точно такой же кружки, откинулся на диване и выглядел расслабленным.

– Спасибо, но... Зачем? Мы могли бы спуститься вниз и там позавтракать. Мне неудобно!

– Сочувствую, – Снейп сделал еще глоток. – И приятного аппетита. Этот разукрашенный ужас – коробка с дымолетным порошком. Я пытался найти обычную коробку, как у... обычную. Но у них тут даже порошок – сувенир. Так что придется довольствоваться имеющимся.

– Снейп!.. Северус! Я хотел попасть в здешнее Министерство – я видел его только мельком, когда мы переместились из Лондона. Я думал, что мы прогуляемся, и... Почему

ты постоянно это делаешь?

– Делаю что?

– Это! – Гарри ткнул пальцем в стол. – Заботишься обо мне так, будто... будто...

– ...будто что?

– Будто хочешь, чтобы мне было хорошо! – выпалил Гарри и тотчас прикусил язык. Фраза в свете последних событий звучала двусмысленно.

– Ты прав, – Снейп снова сделал глоток кофе. – Я только не понимаю, чем данный факт тебя возмущает.

– Меня не возмущает, мне... Мне неудобно!

– Почему?

– Потому что я не привык! И ты не даешь мне возможности отплатить тебе тем же, а это... нечестно, вот!

– Когда-нибудь я наведаюсь в Лондон, и у тебя будет шанс отомстить. Поттер, ешь, а то остынет.

Гарри схватил тост и принялся намазывать его маслом. Он понимал, что любой нормальный человек на его месте был бы рад подобной заботе, но, во-первых, привык платить за всё хорошее, а во-вторых, это был Снейп, который по определению не мог быть заботливым.

Задумавшись о причинах, побудивших профессора вести себя именно так, Гарри подавился тостом и постарался побыстрее выбросить из головы мысль, что за ним – аххаха! – ухаживают.

* В мусульманском быту под халялем обычно понимают мясо животных, не нарушающих исламские пищевые запреты. (Wikipedia)

14. Каир-Александрия

Гарри пнул ножку дивана и выругался. Потом еще раз пнул и еще раз выругался.

Снейп вышел из своей комнаты и посмотрел на него вопросительно, на этот раз для

разнообразия приподняв обе брови, а не одну.

– Что?! – буркнул Гарри. – Извини, что помешал наслаждаться... тем, чем ты там наслаждался!

– Я ждал, пока ты закончишь разговор через камин, и читал газету. Раз ты поднял шум – видимо, хотел привлечь мое внимание.

– Не хотел! – Гарри сложил руки на груди и плюхнулся на диван. – Извини, что помешал.

– Что случилось?

– Ничего.

– Полагаю, что твое перевозбужденное состояние является результатом предшествующей беседы. Если тебе нужно излить гнев – я к твоим услугам.

– Ты ни при чем!

– Орешь-то ты на меня. Я предлагаю тебе выговориться и вернуться к нормальному режиму общения, – Снейп присел у бара и приоткрыл дверцу. – Могу предложить алкогольные напитки, если ты привык справляться с жизненными разочарованиями подобным образом. Водку?

– Да!.. Нет, – Гарри фыркнул и отвернулся, глядя на камин с плохо скрываемой ненавистью. – Не буду я пить... Черт.

– Спрашиваю еще раз, последний: что случилось?

– Тебе это неинтересно!

– Это мне решать, – Снейп подошел и стал напротив. – Итак?

– Ты не поймешь.

– Я попытаюсь.

– Ты снова издеваешься!

– Отнюдь.

– Блядь! – Гарри подвинул к себе один из трансфигурированных во время первой встречи со Снейпом стаканов, налил воды, посмотрел сквозь мутное стекло на свет и залпом выпил.

– Поттер, я не имею ничего против употребления тобой обценной лексики, но данная

инвектива не описывает ровным счетом ничего из случившегося с тобой за последние... – он взмахнул палочкой, и на стене появились большие часы с кукушкой, жутко дисгармонирующие с восточным орнаментом обоев, – ... тридцать две минуты.

– Почему ты всегда такой многословный?

– Ты действительно так считаешь?

Гарри задумался и отрицательно помахал головой.

– Нет. Мне бы хотелось, чтобы... Ох, ты специально, чтобы меня отвлечь, да?

– Я ничего не делаю случайно.

– Ну да. Конечно, – Гарри бросил еще один раздраженный взгляд на камин. – Ладно. Я злой, потому что Джинни не было дома.

– Полагаю, ей повезло.

– Почему повезло?

– Коль скоро ее отсутствие приводит тебя в подобное состояние – вероятно, ваша супружеская жизнь будет полна... хм.

– Да не в этом дело! – выпалил Гарри.

– Я – весь внимание.

– Гермиона сказала, что Джинни улетела подписывать контракт с «Гарпиями».

– А ты ожидал, что мисс Уизли будет ждать того момента, когда ты найдешь камин и соизволишь с ней связаться? Не знал, что ты такой ревнивец, Пот...

– ...да не в этом дело! – почти проорал Гарри. – Мы договаривались, что после свадьбы она уйдет из спорта! Мы и не женились бы, если бы не это! Какой смысл в браке, если жена постоянно не только не дома – даже не в той же стране? Мы... черт. Это Молли настояла. А Джинни пообещала мне, что бросит этот чертов квиддич!

– Пообещала и нарушила обещание? Или это ты понял какие-то из ее слов именно так? Или... недопонял мисс Грейнджер?

Гарри проглотил напоминание о том, что у Гермионы другая фамилия: Снейп мог и не знать о смене ее матримониального статуса – и снова помахал головой.

– Нет! Я все понял правильно! Она улетела подписывать контракт! Двухгодичный! Это значит, что ближайшие два года я буду видеть ее в лучшем случае в выходные, что завтра

в постель и совместные ужины откладываются на неопределенный срок, и что о планах завести ребенка можно забыть!

– Вы из-за этого решили пожениться?

– Нет! Просто Молли... Эх. Ты же знаешь Молли. Она хочет внуков.

– А чего хочешь ты?

У Гарри перед глазами промелькнуло несколько приятных картинок, и он поморщился.

– Неважно. Джинни тоже не особо рвалась замуж, но она мне пообещала!

– Ты зол из-за того, что мисс Уизли не поставила тебя в известность, – в такой формулировке действительность казалась намного приятнее: куда лучше, чем если бы Снейп сказал «она тебя обманула», – или из-за вероятного отсутствия завтраков в постель?

– Ладно, – ответил Гарри после паузы. – Допустим.

– Что именно?

– Допустим, я неправильно понял Джинни! Всё. Проехали.

– Как скажешь.

– А еще...

Снейп закатил глаза, выражая тем самым усталость от беседы.

– ...еще Гермиона попросила меня скопировать ей один свиток в Александрийской библиотеке. Раз уж я здесь.

– Хм, – Снейп задумчиво потер подбородок, – это можно устроить. В Александрии недавно построили отель для волшебников – из-за постоянного паломничества к чудесам света там постоянно случаются магические казусы в маггловских гостиницах, и решили создать что-то вроде резервации... Собирайся, Поттер. Переместимся по каминной сети.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Отель «Волшебный Восток» оказался небольшим зданием на набережной, скрытым от магглов чарами иллюзии. Увидев парящие в воздухе свечи, зачарованный веник, который сам подметал пол в коридоре, и стоящий в вестибюле аквариум с золотой рыбкой, Гарри сразу же почувствовал себя почти как дома. Возможно, именно такого отдыха – без постоянного самоконтроля по части использования магии – ему и не хватало.

Их поселили в два номера на третьем этаже; «с видом на Нил», – гордо сообщил портье,

потрясая связкой ключей. Гарри настоял на оплате обоих, а профессор наконец устал спорить и не возражал, к его радости.

Комната напомнила Гарри его спальню на Гриммо: тяжелые портьеры, необъятная кровать с кованой спинкой и огромная уродливая ванна на львиных лапах. Не хватало пятен на обоях, криков миссис Блэк и шарканья шагов Кричера за стенкой, но он не возражал.

Распаковав вещи, Гарри спустился вниз и попросил у портье открыть каминную сеть для связи с Лондоном. Цены на пользование камином оказались просто грабительскими, и он решил, что за десять галеонов в час будет сидеть у камина как можно дольше – так и получилось.

Джинни была дома. И при виде ее нахмуренного лба у него пропало всякое желание возмущаться: это ведь была Джинни, его Джинни, такая непосредственная, такая взрослая, самостоятельная, совсем не домашняя, поэтому не следовало ожидать, что она... Гарри тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли, и сел у камина по-турецки.

– Привет, – сказал он. – Я знаю о контракте.

– Даже не начинай, – ответила она с плохо скрываемым раздражением. – Я пыталась связаться с тобой – безуспешно, поэтому не смей обвинять меня в том, что я...

Гарри напомнил себе, что терпение – добродетель.

– ...ты знаешь, как я люблю квиддич! А мне предложили, – она нагнулась ближе к камину и прошептала, как делают дети, решив поведать страшную тайну: – сто тысяч в год!

– Но у меня достаточно денег, тебе не нужно работать, чтобы...

– ...я сама хочу зарабатывать! Ты никак не можешь понять, что я не собираюсь сидеть дома и рожать детей, как мама!

– Но мы это уже обсуждали, – растерянно произнес он. – Ты ведь... ты же говорила, что будешь дома, со мной! Мы и пожениться решили только поэтому!

– Сто тысяч, Гарри! Я стала первым в мире ловцом с такой зарплатой!

Гарри устало потер затылок и кивнул.

– Ты ведь не передумаешь?

– Я уже подписала контракт. Я пыталась тебя заставить, но...

Но в это время я колесил по Османской империи со Снейпом, подумал Гарри. Хотя при чем тут Снейп, в конце концов?

Они обсудили свадьбу – в сотысячный раз; детали церемонии, мантию Гарри, платье Джинни, подходящий сорт шампанского и еще множество вещей, беседовать о которых у Гарри не было никакого желания. Он еще злился на Джинни, но теперь – отстраненно и спокойно, не переживая. Такой поступок был вполне в ее духе, и ожидать раскаянья было бы глупо. Он односложно отвечал на вопросы, кивал, поддакивал – и делал это все по инерции, как всегда: проще было согласиться и плыть по течению.

У Гарри никогда не возникало сложностей с тем, чтобы настоять на своем – однажды он осмелился поспорить даже с Молли Уизли, что в рыжеволосом семействе провозгласили подвигом. Он спорил с Гермионой, хотя это было заведомо проигрышным делом, а на последнем совещании поразил сослуживцев, осмелившись сообщить Кингсли, что его методы управления устарели. Но перечить Джинни было явно бессмысленно, а Гарри не любил впустую тратить время и силы. Сразу после Битвы, когда у них было целых три месяца, чтобы узнать друг друга получше, снова привыкнуть к тому, что это – отношения; когда, стоило им оказаться в одной комнате, и другие обитатели Норы сразу же под благовидными предложениями деликатно ретировались; когда Джинни еще восхищала его каждым жестом и словом – уже тогда Гарри понял, что спорить с ней себе дороже. Было проще согласиться и поддаться, чем видеть слезы, слышать нотки обиды в голосе, уговаривать и просить прощения, даже если он был трижды прав. Его нежелание ссориться с невестой стало предметом для шуток в семье Уизли, но когда Джинни ему улыбалась – это искупало любые жертвы. Тем более, такие незначительные.

Поэтому даже после того, как Джинни нарушила свое обещание, было проще подстроиться и сделать вид, что все в порядке – хотя он знал, что одним росчерком пера Джинни изменила его планы на ближайшие два года, предварительно не посоветовавшись.

И именно ее отношение, а не сам дурацкий контракт, было самым неприятным.

Прощавшись, Гарри не сказал привычное и уже почти механическое «я тебя люблю», думая о том, что нужно позвать Снейпа поужинать. И только когда зеленое пламя сменилось обычным огнем, рядом с которым Гарри моментально вспотел – он впервые со всей ясностью осознал, что не хочет жениться. Не из-за поступка Джинни, а потому, что в принципе не готов. Но, конечно, женится – поскольку обязан Джинни и ее семье.

И от этого настроение испортилось еще сильнее.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Профессор нервно мерил коридор шагами, но остановился, увидев Гарри.

– Поттер, где вы были?

– Ты всегда, когда нервничаешь, переходишь на официальный стиль общения?

– Не... неважно. Вот, – он выудил из кармана брюк небольшой коричневый лист с несколькими яркими печатями. – Пропуск в Александрийскую библиотеку.

– Ого, как ты быстро все организовал. Спасибо, – Гарри взял пергамент, но прочесть смог только свои имя и фамилию – остальное было написано арабской вязью. – А почему тут только я?

– Пропуск на одного.

– Ты со мной не пойдешь?

– Нет. Я бывал в библиотеке неоднократно, кроме того... мне есть, чем заниматься.

Гарри нахмурился: после беседы с Джинни, которая предпочитала скрывать чувство вины за агрессией, выдержать второй раунд он был просто не в состоянии.

– Но ты хоть скажешь, как туда добраться?

– Разумеется. Завтра, сегодня они уже закрылись.

– Хорошо, – Гарри, и до того расстроенный, совсем раскис.

Выходит, он все-таки надоел Снейпу – странно, что тот выдержал целых четыре дня перед тем, как снова вернуться к привычной жизни. Без Гарри.

– Я от тебя не устал, – вопреки собственным словам, профессор устало вздохнул. – Я мог бы отложить свои дела до твоего отъезда, но раз уж обстоятельства сложились подобным образом – я хочу использовать такую возможность.

– Я понимаю.

– Поттер, мне не нравится твое настроение.

– Мне тоже, – пожал плечами Гарри. – Что поделаешь?

– Пойдем ужинать. Еда на тебя действует лучше любого веселящего зелья. Смею заметить – очень полезное свойство организма.

– Прекрати, – буркнул Гарри, – нет никакой связи, просто... Эй. Шоколадом и беконом ты просто поднимал мне настроение, да?

– Но это ведь сработало, – хмыкнул тот. – Хватит торчать в коридоре, снабжая наших соседей пищей для сплетен. Здесь ты тоже известен, пусть и не настолько популярен, как на родине... Пойдем.

Утром Снейп доставил Гарри к месту назначения и дисаппарировал в неизвестном направлении.

Гарри ожидал, что библиотека будет большой, но, войдя внутрь, ахнул в изумлении: один холл был в несколько раз больше Большого зала Хогвартса. А когда улыбчивая ведьмочка с белокурыми локонами, рассыпаясь в словах восхищения его подвигом, провела Гарри в основное помещение – и вовсе потерял дар речи. Пять широких коридоров расходились из центра в разные стороны, скрываясь вдаль за туманной дымкой – им не было конца; здание библиотеки имело форму полусферы с теряющимся за проплывающими облаками куполом. И эти облака не были зачарованными, как в Хогвартсе; высота здания потрясала.

– Впечатляет, не так ли? – спросил у него мужчина с неестественно большими глазами, стоявший на входе в зал. – Могу я увидеть ваш пропуск и узнать, что конкретно вы ищете?

Гарри протянул пергамент и лист с записанным под диктовку Гермионы названием свитка.

– Вот. Это.

– Третий век, – мужчина задумался и махнул рукой в сторону крайнего коридора с правой стороны. – Пройдете с полмили и увидите табличку с указателем. Там и ищите.

– Э... – Гарри осекся. – А мне никто не поможет?

– В этой библиотеке собраны все изданные человечеством книги. Мы скрупулезно собираем, сортируем и размещаем записи, представляющие хоть какую-нибудь ценность для человечества. Скоро будем праздновать появление пятисотмиллионной книги... а нас здесь всего семьдесят сотрудников! – последнюю фразу он прокричал Гарри в лицо. – Думаете, мы в состоянии обслужить каждого празднующегося туриста?!

– Простите, – пробормотал Гарри, поправляя висящий на шее кулон-переводчик. – Я не знал.

– Конечно, вы не знали! Мы просили Министерство урезать поток любопытных волшебников, но они не хотят нас слушать! Думаете, нам достанется хоть что-нибудь из вашей платы за спецпропуск?

Гарри, который понятия не имел о том, что пропуск платный, не нашелся, что ответить.

– В углу свалены метлы, и это единственное, чем я могу вам помочь! Всё, проваливайте!

Истеричные нотки в голосе мужчины, его широко распахнутые глаза и манера речи напомнили Гарри о Кричере. Но... это же не мог быть потомок человека и эльфа. Или мог? Гарри представил себе уютное семейное гнездышко, где муж – маг, а жена – эльфийка, ужаснулся и решил переключиться на мысли о Гермионе, ради которой он мог вынести и

большее.

– Идите, вы мешаете мне работать! – прикрикнул мужчина, и Гарри предпочел отступить.

Александрийская библиотека определенно была самым странным местом из увиденных им за время отпуска.

Нужный раздел Гарри нашел без труда, пролетев на непослушной потрепанной метле полмили. А после начались трудности.

Гарри не читал на арабском. Предусмотрительно прихваченный с собой кулон-переводчик помогал с устной речью, но написанное не переводил. Множество табличек с указателями тоже никак не облегчали дело: он понятия не имел, в каком тематическом разделе искать трактат о рождении Ра-Хорахте. Это могла быть медицина, история, политическая литература или вообще сказки; большая часть рулонов, аккуратно разложенных на полках, была не подписана – каждый нужно было развернуть и посмотреть, что внутри. Кроме того, не считая немногочисленных текстов на латыни или греческом, большая часть записей состояла из египетских иероглифов: изображений людей, животных, глаз, рек и прочего, которые Гарри, как ни прикидывал, не мог представить в виде устной речи.

Чертов Египет, думал он, глядя на изображение какой-то странной штуки, похожей на сломанный унитаз. Как я найду нужный Гермione документ?

«Акцио» на разные лады не помогло, зато подлетевший на метле тот самый злой большеглазый мужик проорал фальцетом, что еще одно несанкционированное использование волшебства – и о пропуске Гарри придется забыть навечно.

Упахавшись за два часа хождений между гигантскими стеллажами, Гарри вернулся в холл, нашел так восторгавшуюся им светловолосую ведьмочку и попросил помочь ему с поисками.

Спустя еще несколько минут выяснилось, что она – выпускница Бобатона, изучает арабский и здесь проходит практику, но помочь Гарри не может, хотя хотела бы. Пока ее работа заключается в том, чтобы встречать у входа гостей, а вот месяца через два ее, быть может, переведут в архив. Единственное, чего Гарри смог добиться – это примерного перевода названия трактата на арабский, поблагодарил девушку и, улыбаясь во весь рот, отказался от совместного ужина. За последние семь лет его умение держаться на расстоянии от восторженных поклонников достигло недостижимых высот.

Ужинать он собирался со Снейпом.

Ведьмочка, как и сотни ее предшественниц, осталась разочарованной.

Остаток дня голодный, злой и уставший Гарри занимался тем, что разворачивал и вновь скручивал свитки, выискивая в них что-то, хотя бы отдаленно похожее на записанные девушкой буквы. И, разумеется, не нашел.

Вернувшись в отель, он лег на кровать передохнуть и заснул, даже не переодевшись.

Следующим утром его разбудил стук в двери и доносящиеся из коридора крики: «завтрак, господа» на нескольких языках, усиленные «Сонорусом». Мысленно пожелав крикуну всех благ, Гарри с трудом продер глаза и сел на кровати. На тумбочке у двери стоял поднос с завтраком; при виде бекона Гарри затошнило – после пиршества, недавно устроенного Снейпом, одна мысль о свинине вызывала отвращение.

Умывшись, переодевшись и подкрепившись парой сэндвичей, Гарри решил попросить профессора о помощи. Снейп точно знал арабский и наверняка мог бы помочь с египетскими иероглифами. Мысль о том, чтобы связаться с Гермионой и попросить у нее более точных указаний, Гарри отменил по двум причинам: ему не хотелось признавать собственную некомпетентность в настолько элементарном вопросе и – хотя хватило бы и первой – Гарри не хотел видеть Джинни, а на вызов по каминной сети, скорее всего, ответила бы именно она.

Однако Снейпа в номере не оказалось.

Портгье сообщил, что господин Снейп просил передать господину Поттеру, чтобы тот его не ждал – у господина Снейпа дела в столице.

Дела, твою мать, думал Гарри, стоя перед огромным стеллажом с металлической табличкой, единственная понятная надпись на которой гласила: «медицина; 201-205 гг; коп. запр.; вынос запр. ; см. в пр. ст. сот.» Так и не расшифровав последнюю часть, он провел пальцами по полированному дереву, вытащил первый попавшийся пергамент и развернул.

День оказался еще хуже предыдущего. Гарри упрямо перебирал свитки в каждом шкафу, которых в разделе третьего века было больше сотни, и за день смог просмотреть только четыре стойки. Предусмотрительно прихваченные с собой бутерброды были съедены еще до полудня, а голод не способствовал концентрации. Мышцы рук – даже те, о наличии которых он и не подозревал – ныли, кисти болели, пальцы были в царапинах и ссадинах, а глаза слезились от бумажной пыли. И поскольку механическая работа не мешала размышлять – Гарри пытался систематизировать мысли по поводу Снейпа и свадьбы с Джинни. Именно в таком порядке. И чем больше думал, тем меньше ему нравилось вероятное будущее с одинокими вечерами и разогретыми полуфабрикатами, а вот предстоящий ужин со Снейпом наполнял радостным и немного тревожным предвкушением. Гарри представлял, как они будут обмениваться шутками, профессор, быть может, приподнимет уголки губ в почти-улыбке, скажет что-то вроде «Поттер, я и не подозревал, что ты способен самостоятельно найти этот документ» – и в груди разливалось приятное тепло.

Когда посетителей попросили покинуть помещение, Гарри с сожалением посмотрел на полки и смирился с тем, что похвала от профессора ему не светит. Настроение было на отметке «чуть хуже, чем паршивое», ужасно хотелось есть – в желудке неприятно бурчало,

а еще... еще ему не хватало едких замечаний и низкого баритона с мелодичным «р».

Кривую метлу, из которой по ходу полета выпадали прутья, он уже ненавидел: пролетев по пыльному коридору, Гарри пришлось отстоять около получаса в очереди к выходу, перекладывая ее из руки в руку и постоянно задевая других посетителей. Чертов запрет на аппарацию и гребанные библиотечные правила.

Переместившись в холл гостиницы, он сразу же спросил, вернулся ли в номер господин Снейп. Оказалось, что нет, не вернулся.

Настроение снизилось еще на пару пунктов.

Гарри решил даже не подниматься в комнату – вышел на улицу и побрел, куда глаза глядят. Снейп, который до этого постоянно был рядом, умудрился выбрать самый неподходящий момент для того, чтобы заняться собственными делами. Да и это бы ладно – но почему всё выглядело так, будто он избегает Гарри? Почему бы вместе не поужинать? Или хотя бы не сообщить, где его искать в случае чего? А если бы Гарри уже нашел свиток – чем бы он занимался без Снейпа? Осознав, что огульно обвиняет профессора в отсутствии внимания к собственной персоне, Гарри фыркнул и остановился возле небольшого кафе.

Сытный ужин приподнял настроение, а горячий десерт из слоеного теста со сливками, умм-али, приятной сладостью растекался по нёбу, напомнив Гарри обо всем, что Снейп сделал для него за эту долгую неделю: обо всех завтраках, ужинах и местах, в которых они побывали. Профессор не был ему обязан – ничем. Чем бы он ни руководствовался, предлагая свое сопровождение – Гарри должен быть бесконечно ему благодарен за потраченное время. Так какого же черта он занимается самоедством вместо того, чтобы просто поблагодарить и спокойно распрощаться? Мало ли какие у Снейпа дела. Он же жил без Гарри семь лет – почему семь дней должны быть чем-то большим, чем незначительный эпизод? Попытавшись смириться с этой мыслью, Гарри направился в сторону трамвайной остановки. Портье говорил, что местный трамвай стоит того, чтобы на нем проехаться – почему бы и нет? Пора учиться развлекаться самостоятельно.

Два часа спустя, вдоволь накатавшись и выйдя наобум на какой-то станции, Гарри направил стопы в центр города, убеждая себя, что в отпуске нужно отдыхать, а не переживать из-за надуманных проблем. Может, Снейп действительно очень занят – чем бы он там ни занимался?

Стрелка на знаке с надписью «Помпейская колонна» указывала прямо, и Гарри пошел: темнота, разбавленная светом фонарей, не должна была помешать насладиться видом. Тем более, колонну упоминал и Снейп – говорил что-то о Сфинксе, который ее охраняет, изредка выдавая идиотские пророчества, которые, тем не менее, сбываются.

Видимо, магглы решили облегчить жизнь туристам, собрав несколько памятников в одном месте: высокая колонна, несколько барельефов, тот самый Сфинкс. С точки зрения Гарри это выглядело кощунством – особенно виднеющиеся на заднем фоне многоэтажные дома – но озвучить свои мысли в отсутствие Снейпа было некому.

Гарри обошел памятники по кругу и стал напротив Сфинкса, который, откровенно говоря, не выглядел ни волшебным, ни внушающим трепет: обычная статуя с отбитым носом. Гарри сдержал порыв восстановить ему недостающее при помощи «Репаро», кашлянул и сказал что-то вроде: «Э-э, привет?».

– Гарри Поттер! – глаза статуи открылись, оказавшись небесно-голубыми.

Гарри решил считать их цвет воплощением представлений древних египтян о прекрасном – а то, что какой-то древний памятник напомнил ему о Дамблдоре, списал на шутки подсознания.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– О тебе многие рассказывают.

Рот Сфинкса едва шевелился, а живые глаза над осколком носа выглядели жутковато. Гарри передернуло.

– И что рассказывают?

– Хвалят, – Сфинкс скрестил передние лапы и зевнул. – Чего тебе?

– Э-э. Ничего вообще-то. Я просто гуляю.

– Попытки сбежать от собственной судьбы еще ни у кого не увенчались успехом.

– О чем вы? И... почему вы говорите на английском?

– У тебя штука на шее, которая помогает меня понимать, – кивнул Сфинкс.

– А-а.

– Чего ждешь?

– Я просто вежливый, – буркнул Гарри. – Жду, чего вы еще скажете.

– Тебе мало? Хорошо, – он снова зевнул, – завтра ты будешь кричать.

– Что это за пророчество такое дурацкое?

– Какое есть. Оно двенадцать тысяч сто сороковое – сам понимаешь, надоело растолковывать каждому идиоту, что я имею в виду, – Сфинкс снова поменял лапы местами. – Я устал. Уходи.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Профессор все еще не появился.

Гарри попросил портье передать господину Снейпу, чтобы он обязательно сообщил, где его найти, и, подумав, протянул измятый клочок бумаги с названием искомого свитка.

Портье отказывался понимать, что от него требуется, и Гарри, хмыкнув, положил на стойку галеон. Недоумение в глазах служащего сменилось пониманием – универсальное «пожалуйста» работало лучше любых просьб.

Ночью ему снились древнеегипетские иероглифы.

16

16. Александрия

Утро началось с салата, чая с молоком и орехового печенья. Гарри принял душ, надел любимые драные джинсы, черную футболку, которая, на его взгляд, слишком облегла бицепсы – но кто обращает на такое внимание? – и постучал в двери профессорского номера. Раз, второй, а на третий двинул по ней ногой со злости.

За окном в торце коридора проплывали белые облака – идеальная погода для Египта; впереди были еще шесть дней отпуска и свадьба. Напомнив себе об обязательствах перед Джинни, Гарри оторвал взгляд от дверной ручки и спустился вниз поинтересоваться, не оставил ли Снейп для него сообщения.

Портье с извиняющимся видом протянул записку, в которой было детальное описание, где искать свиток, и тонкую книгу на арабском. Гарри тихо выматерился: оказывается, Ра-Хоратхе был тем самым божеством, о рождении которого рассказывал Снейп во время их круиза. А он прослушал.

– Господин Снейп сказал, когда вернется?

– Нет, он попросил только передать вам это.

Гарри снова выматерился и направился в библиотеку.

Свиток нашелся сразу же – именно там, где Снейп и рекомендовал его искать, в разделе легенд. Гарри присел, украдкой огляделся – не следят ли за ним, вытащил из-за пазухи лист бумаги и произнес заклинание копирования, записанное со слов Гермионы.

На листе сами собой появились символы; Гарри довольно крикнул, встал и сунул рулон на полку.

.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....

– Северус! Портье сказал мне, что ты здесь! Открывай, блин! – Гарри еще раз двинул кулаком и услышал из-за двери возмущенный голос:

– Я занят!

Этого он не ожидал. Ладно, дела. Но за последнюю неделю Снейп ни разу не говорил с ним подобным образом. Да, иронизировал, язвил и прикрикивал, но на настолько пренебрежительный тон – будто Гарри снова четырнадцать, и он взорвал котел – профессор не переходил ни разу.

– Хорошо. Я... буду у себя! – сообщил он дверной ручке и уже шагнул в сторону, когда клацнул замок, и дверь приоткрылась.

Снейп, взлохмаченный, в расстегнутой рубашке, загораживал проход, но Гарри успел заметить за его спиной какого-то грузного мужчину.

– Что случилось?! – рявкнул Снейп.

– Н-ничего, – сказал Гарри, моментально зверея.

Значит, пока он мучится, раздумывает о том, не влюбился ли, пытается определиться с будущим, надеется – этот гад занят кем-то другим, еще и таким... старым? Обида окатила эго Гарри, как струя холодной воды из шланга.

– Не буду тебе мешать! И... я возвращаюсь в Каир. Спасибо за всё! – выпалив это в лицо Снейпу, он развернулся и, сжав кулаки и закусив нижнюю губу, чтобы не ляпнуть лишнего, отправился к себе.

Вот как, значит, думал Гарри, бросая в чемодан одежду. Значит, дела. Ничего удивительного – это он, дурак, размечтался. Снейпу-то зачем переживать? Тот-то явно не страдает от недостатка секса: сначала Чарли, который весь диван слюной закапал, на него глядя, теперь – этот мужик. Вероятно, профессору нравятся мужчины постарше. Или светловолосые. Или потолще – хотя нет, Чарли просто шире в плечах.

Поймав себя на рассматривании собственного отражения в зеркале – если он нравится Снейпу меньше, чем эти одутловатые тела – значит, совсем урод – Гарри ужаснулся и принялся швырять в чемодан все, что попадалось под руку, с утроенной скоростью. Мерлиновы яйца! А он ведь... он ведь уже рисовал в фантазиях картины с двумя сплетающимися телами на шелковых простынях. Он ведь уже почти смирился с тем, что влюблен. Он уже был готов променять свою красивую молодую невесту на этого крючконосого мерзавца!

Гарри бросил на грудку скомканной одежды лист со скопированным свитком, присел на корточки, чтобы застегнуть чемодан, и услышал громкое «Аллохомора!».

Дверь распахнулась, едва не слетев с петель, и в комнату влетел еще более растрепанный, чем пару минут назад, Снейп.

– Поттер! Что это за... – он осекся, обводя взглядом номер. – Ты что творишь? Что это за истерика?

Гарри сжал зубы, уменьшил чемодан, запрятал его в карман, после чего медленно встал и повернулся к Снейпу, надеясь, что его голос не будет срываться.

– Я уже сказал: возвращаюсь в Каир.

– А как же документ для мисс Грейнджер?

– Я его нашел, спасибо за указания... Счастливо оставаться, – Гарри хотел его обойти и спуститься вниз, чтобы аппарировать из вестибюля, но был схвачен и буквально припилен к стене цепким захватом. Голова дернулась, затылок Гарри встретился со стеной, но даже поднять руку, чтобы потереть ушибленное место, Гарри не мог – Снейп стискивал его предплечья с поистине бульдожьей хваткой.

– Да что случилось, твою мать?!

Раньше Снейп не позволял себе нецензурщину, хотя Гарри не сомневался, что в умении материться профессор обойдет даже Джорджа Уизли.

– Отпусти меня!

– Поттер!.. Никуда я тебя не отпущу, пока не объяснишь, что здесь происходит!

– Не хочу тебе мешать, – выплюнул Гарри, стараясь вложить в свои слова побольше презрения. – У тебя ведь дела! – он скривился, выражая тем самым отношение к делам профессора. – Иди к своему этому... блондину! Не стоит тратить время на меня, когда тебя там ждут с распростертыми объятиями!

– Поттер, это французский Министр, я не могу так просто его выгнать и... Поттер?

Гарри закрыл глаза и попытался дышать размеренно и спокойно. Он мог бы без проблем скрутить профессора в бараний рог даже без палочки – просто не хотел ненароком его поранить или что-нибудь сломать. Но вдохнув запах его кожи – Снейп стоял слишком близко – захотел куда более близкого контакта. То есть нет, Гарри ничего такого не хотел – просто подлое либидо действовало по собственной схеме, не подчиняясь гласу разума.

– Так иди и трахайся со своим французским Министром! – выпалил он, снова открыв глаза.

– Тра... что? – Снейп приблизил лицо так, что Гарри при желании смог бы сосчитать количество волосков в его густых бровях, если бы захотел.

– Ты слышал, что!.. Отпусти!

Гарри передернул плечами, и Снейп – видимо, в изумлении – расслабил пальцы.

– Спасибо. Всё. Я пошел.

– Стой!

Он успел только взяться за ручку двери, и тут же оказался в захвате крепких рук.

– Черт, да что ж такое! Отпустишь ты меня или нет?!

Каждая лишняя секунда рядом со Снейпом лишала его остатков самоконтроля – и так разорался, будто девица, так теперь еще и эрекция – если Снейп чуть ниже опустит правую руку, то обязательно поймет, что... Гарри дернулся вперед, не рассчитав сил, и грохнулся лбом о дверь.

– Твою мать!.. – он растер ушибленное место и повернулся к профессору. – Что еще? Ты что-то не сказал? Почему ты... улыбаешься?

Снейп сделал шаг ближе; его улыбка была радостной и искренней: в уголках глаз лучились едва заметные морщинки, а лицо, невзирая на большой орлиный нос, из бесчувственной маски превратилось в живое и по-своему доброе. У Гарри промелькнула мысль, что, улыбайся Снейп во время уроков – наверняка стал бы самым популярным преподавателем в Хогвартсе.

– Не приближайся, – Гарри выставил вперед руку, – стой. Что тебе нужно? И чему ты, черт тебя дери, улыбаешься?

Снейп остановился и посмотрел на него, чуть склонив голову к плечу. Даже преимущество Гарри в росте не помогало: он все равно чувствовал себя провинившимся студентом, виноватым в том, чего не совершал.

– Да что такое?!

– Ты ревнуешь, – сказал Снейп ровно. – Я улыбаюсь, потому что... рад, наверное?

– Да не ревную я, с чего бы мне...

Профессор явно не собирался слушать: мягко обхватил запястье Гарри пальцами, отвел его руку в сторону, сделал еще один шаг – и вдруг оказалось, что у него удивительно нежные губы. И вкус кофе на языке, и что выдающийся нос вовсе не мешает целоваться – как и собственные очки, которые раньше приходилось снимать по время поцелуев.

Гарри сам не знал, как так вышло, но он приоткрыл рот – только чтобы попробовать,

каково это – целовать кого-то, кроме собственной невесты. Дело было вовсе не в том, что от одного только прикосновения губ у него встало так, как никогда в жизни не стояло. И не в том, что запах Снейпа, минуя нос, бил куда-то в мозг – именно в то место, которое отвечало за чувственные удовольствия. Просто ему нужно было попробовать. Всего лишь поцелуй, он ведь никогда не изменял Джинни, а поцелуй – это такая мелочь...

Только осознав, что трется пахом о твердое бедро Снейпа, Гарри пришел в себя. Глаза распахнулись в изумлении от произошедшего, и он вздрогнул, осознавая, что сделал.

– Все хорошо? – прошептал Снейп ему в рот, ласково поглаживая указательным пальцем мочку его уха.

Гарри не знал, что сказать. И не знал, нужно ли. Он был заведен до звезд под веками, до боли в паху, и Снейп это прекрасно понимал; Гарри даже – странное дело – не было стыдно.

Снейп смотрел ему в глаза, не отводя взгляд и не мигая, и от одного этого дыхание Гарри участилось. Оба не двигались, но давление жесткого бедра на член было таким правильным, сильным – еще пары поцелуев Гарри хватило бы, чтобы кончить. А кончить хотелось так, что было плевать на все. Даже на то, что Снейп, видимо, только что вылез из чужой постели.

– Да, – Гарри облизнул губы и заглянул ему в глаза, – мне хорошо, – а потом, задохнувшись от собственной наглости, аккуратно снял с шеи руку профессора и потянул вниз, туда, где она была нужнее всего.

Следующий поцелуй оказался куда более яростным: Снейп просовывал язык ему в рот, с силой раскрывал губы своими, давил так, что они наверняка распухнут, прикусывал до боли – Гарри никогда не целовали настолько страстно; сжимал пальцы сильно и правильно, и Гарри кончил, комкая в кулаках рукава его рубашки. Впервые в жизни – даже не расстегнув ширинку. И впервые – так сильно.

17

17. Александрия-Милос

– Меня ждет Министр, – Снейп, запыхавшийся, с порозовевшими щеками, выглядел по-настоящему живым – более живым, чем когда бы то ни было.

– Хорошо, – кивнул Гарри, все еще слабо соображая.

– Не смей никуда уходить! Я скоро вернусь.

Он вышел, тихо закрыв двери, а Гарри поборол желание стукнуться головой об стену еще разок и, пару раз покачнувшись, направился в ванную.

Собственные пальцы не слушались: кран получилось открутить с третьего раза, и Гарри его едва не оторвал. Набрав в ладони холодной воды, он умылся, но успокоиться это не помогло – дыхание восстановилось, и только.

Он подставил ладони под струю, оперся на умывальник и посмотрел на отражение в зеркале. Вид был еще тот: волосы взлохмачены больше обычного, глаза горят, щетина, которую уже можно с полным правом называть «бородкой». Не растиражированный глянцевыми журналами улыбающийся символ Победы, а злодей из детских книжек. Только золотого зуба и повязки на глазу не хватает – и можно пирата изображать.

Он застонал и прижался лбом к холодному зеркалу.

Я поцеловал Снейпа, думал Гарри, слушая шум льющейся воды. С ума сойти. Или произошедшее – само по себе уже признак помешательства? Снейп ведь... он же – не девушка, он вообще не тот, кого можно хотеть...

Гарри ударил мокрой рукой по плитке и выругался. Самообман еще никого не приводил ни к чему хорошему. Если бы он попросил у Гермионы совета, то она наверняка бы сказала своим менторским тоном что-то вроде: «Нужно повзрослеть и научиться брать на себя ответственность».

Гарри открыл глаза и снова посмотрел на свое отражение.

Ответственность. Но и условности. И обычная жизнь, к которой ему придется вернуться через неделю. И Джинни, о которой после случившегося думать не хотелось вовсе, и не из-за чувства вины – нет. Просто сейчас в его мыслях для невесты не было места.

Гарри еще раз плеснул в лицо водой, закрутил кран и махнул рукой. Будь что будет. Он приспустил брюки и, поморщившись, очистил себя и белье заклинанием. Чтобы переодеться, нужно было снова увеличить чемодан, а Гарри было лень.

Снейп, уже в застегнутой рубашке, сидел на кровати. Если Гарри не померещилось, то профессору тоже было не по себе.

– И как Министр? Не возмущался насчет твоего отсутствия? – собственный голос резанул слух Гарри непривычной злостью. Он не хотел – так получилось.

– Возмущался, но я ему объяснил, что с сегодняшнего дня занят.

– И он не возражал?

– Поттер... – он вздохнул. – Гарри. Мне льстит твоя ревность, но...

– ...я не ревную!

– ...но между мной и Шарлем ничего нет. Это работа.

– Может, в таком случае расскажешь, что у тебя за работа?

– Не сейчас.

– Гм, – Гарри сложил руки на груди и прислонился к комоду, – когда?

– Что «когда»?

– Когда ты собираешься мне рассказать о том, чем занимаешься, кем работаешь, откуда у тебя деньги, что это за дела и... и все остальное тоже?!

– Понимаешь, Гар-ри, – и снова этот тон, от которого моментально потеплело в груди. – Я снял нам домик в Греции.

Он покачал головой, сбрасывая наваждение, и решил не сдаваться до последнего:

– Ты снова уходишь от ответа.

– Я знаю, – Снейп встал с кровати и в два шага пересек комнату. – Гар-ри...

– Не подходи!

– Хорошо, – он остановился и поджал губы. – Раз уж ты собрался – можем аппарировать прямо сейчас.

– Куда?

– На остров Милос.

– И что мы там будем делать?

Поток вопросов был всего лишь следствием нервозности Гарри.

– Отдыхать. Но если ты хочешь чего-нибудь другого...

Внизу живота снова вспыхнуло возбуждение; Гарри сжал кулаки с такой силой, что ногти больно впились в ладонь. Он взрослый мужик, а не подросток. Он не может так реагировать на вопросы, в которых нет никакого сексуального подтекста. И даже если у Снейпа потрясающие губы – это еще не повод думать о его поцелуях.

– Вообще я немного устал, так что...

– ...можем остаться здесь.

– Нет, нет! Я имел в виду, что я не против отдохнуть. Не носиться по стране, а просто, ну... дурака повалить. То есть... мне нравится то, что ты рассказываешь, тебя интересно слушать, но... Уф.

– Вот и замечательно, – Снейп собирался сделать еще шаг, но в последний момент остановился и посмотрел на двери. – Аппарируем?

.....o0o.....o0o.....o0o.....o0o.....o0o.....o0o.....o0o.....o0o.....

Гарри расцепил руки и отскочил от Снейпа с явной поспешностью. Они оказались на пустынном пляже, с двух сторон окруженном скалами; в тени одной из них стоял небольшой деревянный домик, выглядевший игрушечным.

– Как... как здесь красиво!

– Да, – Снейп нагнулся, чтобы потянуть за шнурок. – Песок чистый, так что можно ходить босиком.

Гарри смотрел, как он стаскивает туфли, снимает носки, аккуратно их скручивает и засовывает в карман. Ноги у профессора оказались очень бледными, почти белыми, и рядом с загорелыми руками выглядели так, будто принадлежат другому человеку.

– Хочешь посмотреть дом? – спросил Снейп, выпрямившись.

Гарри кивнул.

Это был даже не дом – хижина с небольшой кухней, уборной с душем и минимумом мебели в комнате. Кроватей оказалось две, из-за чего Гарри неожиданно для самого себя расстроился. Он-то уже представлял, как утром проснется рядом со Снейпом, и на этот раз не придется краснеть: оба хотят одного и того же... наверное.

– Какую кровать займешь?

– Слушай... – Гарри вытащил из кармана уменьшенный чемодан и поставил на стол. – А ты точно не занят? То есть... извини за Министра, но если тебе нужно заниматься своими делами – я пойму.

– Нет, сейчас не нужно. Так какую из кроватей?

– Эту, – Гарри плюхнулся на ближайшую и посмотрел в окно.

Чем дальше, тем более неуютно он чувствовал себя рядом со Снейпом. Тот делал вид, будто ничего не произошло, и это не просто раздражало – бесило. Мог бы сказать хоть что-нибудь, как-то обрисовать свое отношение, объяснить – знает же, что у Гарри это впервые. Но упорно делает вид, что они просто отдыхают. А начать разговор о поцелуе Гарри просто не мог: доставало решимости. Да и уверенности в том, что его не обсмеют

– тоже. Кто его, этого чертового Снейпа, разберет?

– Не хочешь искупаться?

Гарри покачал головой и вытащил палочку, чтобы обновить охлаждающие чары.

На острове было не так жарко, как в Александрии – самая подходящая погода для того, чтобы плескаться в море, – но он решил отсидеться в домике и подумать. Гарри не кривил душой, когда говорил Чарли, что не любит праздный отдых у бассейна; просто одно дело – отель с полчищами магглов, и совсем другое – пустынный пляж без единой души. Здесь можно было наколдовать себе маску и понырять. Или сотворить головной пузырь и поискать русалок. Говорили, что морские русалки куда красивее озерных и менее агрессивные. Только вот раздеваться при Снейпе не хотелось: Гарри не стеснялся своего тела, но под пристальным взглядом профессора он наверняка покраснеет или, того хуже, возбудится – ну уж нет. Лучше он посидит в домике. Один.

Профессор пожал плечами и вышел наружу, а Гарри, осознав, что мучается сомнениями, как девчонка перед свиданием, закатил глаза и со стоном упал на кровать.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Он проснулся от багряного света солнца, проникающего через щель между занавесками. Снейпа в доме не было, и Гарри, умывшись, вышел на пляж.

Песок был бело-золотистым, очень чистым – словно его просеяли сквозь мелкое сито, убрав все камни и ракушки; Гарри разулся и пошел бродить по мелководью, надеясь, что Снейп тоже прогуливается где-нибудь неподалеку. Купаться не хотелось, а вот помочить ноги в теплой, как парное молоко, воде, было приятно.

Находившись и надышавшись свежим воздухом – Снейпа он так и не встретил, – Гарри сел на берегу и довольно ухнул. Он смотрел на море и понемногу примирялся с действительностью. Пляж, скалы, домик – здесь все дышало покоем и умиротворением, даже соленый запах моря успокаивал.

Гарри хмыкнул, сложил руки на коленях, пристроил на них подбородок и улыбнулся. Вот такой отпуск: на пустынном пляже и с полным отсутствием людей – его устраивал гораздо больше, чем осмотр пирамид, местных достопримечательностей и сидение в отеле. Колесить по Порте со Снейпом ему понравилось, но все же отдых должен быть отдыхом, правильно?

Когда солнце закатилось за горизонт, Гарри понял, что замерз. Он поежился и уже собирался вернуться в дом, но услышал шаги и обернулся. Снейп в одеянии типичного туриста был тем еще зрелищем: две тощие волосатые ноги с выпирающими коленками, торчащие из широких шорт; в руках он держал плед.

– Замерз? – он наклонился и, не дожидаясь ответа, набросил плед Гарри на плечи, после

чего протянул ему бумажный пакет. — И вот...

— Что там?

— Ужин. Обед ты проспал.

— Спасибо, — он вытащил аккуратно упакованный сэндвич, развернул его и принялся. — Э-э, а это что вообще?

— Козий сыр.

Судя по выражению лица Снейпа — он ждал подобной реакции. Гарри даже не нужно было услышать «слабо?», чтобы понять, что профессор наверняка заготовил речь об изысканном вкусе народного героя, который, разумеется, не может удовлетворить простая крестьянская еда.

Гарри хмыкнул и откусил.

— Вкусно?

— Угу, спасибо, — он закутался в плед и укусил сэндвич снова. — Необычно, но вполне съедобно... А где ты был?

— Охотился.

— Э?

— Это эвфемизм, Поттер. Добывал нам пропитание.

— А почему меня с собой не взял? — спросил он, прожевав.

— Потому что ты спал.

— Ты мог меня разбудить.

— Я не захотел.

— Ясно.

Гарри доел сэндвич в полной тишине, мысленно выстраивая предположения, почему Снейп ведет себя так, будто не было не только поцелуя, но и целой недели, проведенной в относительном согласии. И чем больше думал, тем четче понимал, что профессорская угрюмость — всего лишь защитная реакция. Снейпу неуютно, и он прикрывает смущение агрессией. Типичный Снейп.

— А я...

– ...Поттер, ты уже доел?

– Ага.

– Замечательно. В таком случае, я иду в дом.

Он встал и церемонно смахнул с задницы песок. Гарри, прищурившись, смерил его хитрым взглядом и хмыкнул.

– Раз ты покупал продукты, то готовлю я.

– М-м? – брови Снейпа вопросительно поползли вверх.

– Буду отрабатывать жилье и питание, как могу.

Гордая ухмылка на лице Гарри продержалась ровно до того момента, пока Снейп не приподнял уголки губ, намекая на двусмысленность фразы.

Вот черт! Вот с ним так всегда, думал Гарри, скомкав в ладонях плед и ощущая, как остатки дневного умиротворения улечиваются, словно пар над котлом с Амортенцией. Одно слово – Снейп.

18

18. Милос-Эгер

– Значит, ты не шутил по поводу завтрака, – хмурый утренний Снейп подвинул стул и сел, обозревая уставленный тарелками стол. – Булочки? Поттер, я точно помню, что не покупал булочек!

– Зато ты купил яиц и молока. А муку я нашел в шкафчике.

– Хм.

Гарри устало опустился на стул напротив и следил за движениями Снейпа: как он протягивает руку – пальцы немного подрагивают, – берет еще теплую булочку, подносит ко рту, приоткрывает губы – черт, какие у него все-таки губы! – и кусает, вначале настороженно, после чего сначала удивляется, а потом выражение удивления на его лице сменяется благодушием.

– Впечатляет.

– Спасибо.

– Ты рано встал?

– Можно и так сказать.

Гарри не собирался рассказывать, что, пролежав в постели час, встал и присел на стул, чтобы понаблюдать за спящим Снейпом. Как рассматривал его приоткрытый во сне рот и о чем думал. И как вздыхал, надеясь, что тот проснется, и...

Нет, об этом точно не стоит говорить.

– Какие планы?

– Никаких, как обычно, – Гарри подпер подбородок кулаком и посмотрел за окно. – Поплаваю, может.

– А не хочешь съездить... куда-нибудь?

– Не особо.

Похоже, они поменялись ролями: Снейп, орудующий вилкой и ножом над омлетом, и молчаливый Гарри. Было в этом что-то неправильное.

– Собираешься провести остаток отпуска здесь?

В воздухе зависло невысказанное «со мной?». Гарри кивнул.

– Ага.

– Скучно не будет?

– С тобой? – фыркнул он. – Сомневаюсь.

– Надо же!.. – Снейп сотворил салфетку из воздуха, в который раз восхитив Гарри этим умением, и вытер рот. – Стоило умереть, чтобы услышать от тебя нечто подобное.

– Не стоило! – буркнул Гарри. – Ты вообще... Эх. Бесполезно.

– Что бесполезно, Поттер?

– Ты представляешь, как я по тебе скорбел?

– Ты?.. С чего бы? Насколько я помню – наша последняя встреча, как и тысячи до нее, была более чем прохладной.

Холодный тон с ноткой злости покоробил Гарри.

– В нашу последнюю встречу ты предоставил мне именно те воспоминания, которые перевернули мое отношение к тебе с ног на голову!

– Ты считаешь, что я специально?.. – Снейп задохнулся от возмущения. – Да как ты...

– ...я не то имел в виду! – рявкнул Гарри обиженно. – Чертов параноик!

– Не смей повышать на меня голос!

Услышав знакомый высокомерный тон, он разозлился еще сильнее:

– А тебе, значит, можно?! Ты, значит, особенный?

– Я тебя на двадцать лет старше, – Снейп уже почти шипел, и это было признаком крайней степени ярости. – Извольте относиться ко мне с уважением, мистер Поттер, хотя бы из-за этого. Даже если вы успели забыть, что я преподавал у вас...

– ...ты все равно будешь считать меня наглым сопляком, у которого нет права голоса!

– ...так ведите себя соответственно!

Гарри считал, что вел себя соответственно. Оказывается, даже его терпеливого игнорирования профессорских подначек было недостаточно – вот же сволочь!

– ...тебя все равно не устроит мое поведение, даже если я из штанов выпрыгну, пытаюсь тебе доказать, что вырос! Ты всё равно не слышишь! – он встал, оттолкнув стул, который с грохотом упал на пол.

Снейп будто пришел в себя: отложил в сторону вилку, сложил руки на столе и, бросив взгляд за окно, снова посмотрел на Гарри.

– Если вас смущает случившееся вчера, Поттер – вовсе не обязательно закатывать истерику, дабы избавиться от моего общества. Можете сказать об этом прямо.

– ...иди к черту! – Гарри отпихнул ногой стул, выскочил в соседнюю комнату, схватил со стола бумажник и дисаппарировал куда глаза глядят.

Он не думал, что может оказаться посреди моря. Что может попасть в место, где полно магглов, и это повлечет за собой неприятности в Министерстве. И что совершает большую глупость – тоже.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

– Эй!

Гарри как раз поднимался с брусчатой мостовой, на которую приземлился коленями.

Тошнота и стесанная до крови кожа отнюдь не способствовали улучшению настроения – как и это громкое резкое «Эй!» от незнакомой тетки, похожей на Риту Скиттер выбеленными кудряшками и выражением лица.

– Что?

– Английский?

Гарри просунул руку за пазуху и понял, что кулон остался в домике на пляже.

– Да, английский.

– Вы художник?

– Почему это художник? – удивился он, поморщившись: в присутствии магглы залечить ссадины на коленях Гарри не мог, а тошнота – ну и черт с ней, пройдет. Надо было спросить у Снейпа о том заклинании – собирался же, но все откладывал... Гребаный Снейп. Где он – там проблемы. Даже в отпуске.

– У вас борода и очки.

– И что?

– Все художники так выглядят.

– Разве? Это не борода, а щетина, и... Неважно. Нет, я не художник.

– Заблудились?

– Почему вы так решили?

– У нас много небольших улочек, как эта. Несложно заблудиться, если город не знаешь.

– Да, – Гарри решил, что проще согласиться, чем пользоваться одной из инструкций Министерства по поводу объяснений магглам в случае аппарации в незнакомую местность. – Да, я заблудился. Скажите, пожалуйста, как пройти в центр?

Десять минут спустя он знал о своей спутнице гораздо больше, чем его могло бы интересовать, но ее болтовня и поток вопросов отвлекли от мыслей о недавней ссоре. При помощи осторожных уточнений Гарри выяснил, что находится в Эгере, небольшом старинном городке на севере Венгрии. К счастью, Венгрия была частью Османской империи. Если бы Гарри решил аппарировать в Лондон, то его бы размазало бы по антиаппарационному барьеру – да еще и местные власти обязательно заинтересовались бы потенциальным нарушителем границы. То, что Гарри занесло именно в Эгер, было большим везением... не считая того, что в его бумажнике не было местной валюты, он не знал язык и страну, а вся одежда осталась в домике на пляже.

Сбежать от спутницы получилось только после стенаний о том, что он ужасно голоден и умрет, если прямо сейчас не поест. Заняв столик в кафе на площади, Гарри достал бумажник и вздохнул: разумеется, иначе и быть не могло – не с ним, по крайней мере. Он обязательно обратил бы внимание на тиснение в виде буквы S, размер и вес портмоне, если бы не был настолько взбешен. Выходит, в любом случае придется вернуться к Снейпу, чтобы отдать бумажник.

Гарри положил его на клетчатую скатерть и принялся гипнотизировать взглядом.

Улыбчивая официантка спросила что-то на венгерском языке, но Гарри пожал плечами, объяснил жестами, что не понимает, и вернулся к созерцанию портмоне.

Если он откроет – это будет нарушением всех правил приличия. У самого Гарри в бумажнике были не только деньги, а и магловский паспорт – на всякий случай, – пропуск в Министерство, письмо от Джинни, несколько чеков и еще какая-то бумажная мелочь. По содержимому его кошелька можно было составить вполне подробный портрет владельца. У Снейпа наверняка то же самое – по крайней мере, паспорт. Открыв портмоне, можно узнать какие-нибудь подробности нынешней жизни профессора. Но это будет невежливо. А Снейп, узнав об этом, просто убьет Гарри. И будет совершенно прав.

Он вздохнул, снова посмотрел на бумажник... и любопытство победило. Затаив дыхание, Гарри отщелкнул замок и заглянул, ожидая найти ответы хотя бы на часть своих вопросов.

Внутри обнаружилось несколько видов валюты и три кредитные карты – на имя Северуса Снейпа, разумеется. Ладно, деньги – они путешествовали, и профессор мог заранее обменять галеоны. Но кредитки? У самого Гарри не было ни одной, хотя он смутно представлял, как они работают – и то только благодаря тому, что несколько раз участвовал в расследованиях финансовых махинаций на маггловском рынке ценных бумаг.

И никакого паспорта, никаких чеков или записок.

Гребаный Снейп!

– Готовы заказывать? – официант, на этот раз парень, вежливо улыбался, пока не увидел у Гарри в руках пачку денег – и его темные брови медленно поползли на лоб. – Мне сказали, что вам нужен официант, который говорит на...

– ...Это... я часто путешествую, – сообщил Гарри поспешно. – Посмотрите, тут есть ваши... эээ...

– Форинты.

– Ага.

Парень кивнул, указав пальцем на верхнюю купюру.

– Спасибо. А можно кофе и какой-нибудь десерт?

.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....

Керосиновая лампа чадила, и в комнате, несмотря на открытое окно, чувствовался неприятный запах. В тусклом свете круги под глазами у Снейпа, сидевшего на кровати, казались черными, как у тяжелобольного, а нос – огромным.

– Я тебе торт принес, – Гарри поставил блюдо на стол и потупился. – Я утром попробовал, и мне понравилось. Это...

– Я знаю, что это торт Добош. Пёркёльт ты тоже попробовал?

– Нет. А надо было?

– Да.

После нескольких часов пеших прогулок по Эгеру у Гарри было одно желание – присесть. Следом в списке приоритетов шел душ, а потом – разговор со Снейпом и извинения. Вероятно, у судьбы было другое мнение по этому поводу.

– Извини, – сказал он, избегая смотреть профессору в глаза. – Я... идиот.

Вообще он хотел сказать «виноват», но в такой формулировке Снейпу должно было понравиться больше.

– Ты не идиот, – он поднял руку, подвел к виску и тут же отдернул – видимо, автоматическая привычка поправлять длинные волосы осталась еще с до-османских времен. – Ты... не идиот.

– Извини.

– М...

– Я вообще хотел извиниться, – Гарри сел на свою кровать, но смотреть на Снейпа все еще не осмеливался. – Не только за утро, а вообще.

– Хм?

– За то, как вел себя в школе. За то, что подозревал тебя в том, что...

– ...заткнись! – резкий окрик заставил Гарри вздрогнуть и все-таки посмотреть на Снейпа. Лицо профессора перекосило, будто от сильной зубной боли. – Я не хочу об этом слушать.

– Тогда я... пойду, наверное? – он встал и покосился на свой чемодан.

Раз Снейп не расположен мириться – или выяснять отношения – то делать здесь больше нечего. И дураку, которым Гарри, безусловно, является, понятно, что уговорить Снейпа невозможно: раз уж он что-то решил, то мнения не изменит.

– Куда?

– Ну... в Каир, наверное.

– Поттер, я тебя не выгоняю! Я просто... уф, – Снейп отвернулся и снова поморщился. – Я все время боялся, что ты решишь расставить все точки над I. А мне не хочется вспоминать войну, объяснять, что я имел в виду, когда снимал баллы с Гриффиндора... и не уверен, что сейчас поступил бы иначе, если бы был тем, кем был... Я не сожалею, – добавил он после паузы. – Ни о чем. И мне не нужны твои извинения.

– Но я хочу!..

– Будем считать, что произошел взаимозачет.

– Хорошо, – Гарри кивнул. – Ладно. Но насчет утра...

– ...Поттер!

– Нет, мне нужно сказать. Ты сказал про то... про поцелуй, – оказалось, что назвать вещи своим именами не так уж сложно. – Так вот: я тоже не сожалею.

– Ч-что?

Вид смущенного и запинающегося Снейпа стоил приложенных усилий. Гарри хмыкнул и сделал два шага, приблизившись к профессору. Осталось только руку протянуть, и он смог бы дотронуться до гладко выбритой щеки.

– Я хочу попробовать снова. Если ты не против, конечно.

– Попробовать что?

Гарри закатил глаза и сел рядом, надеясь, что не испортит момент: его бедро прижималось к твердому бедру Снейпа, лицо Снейпа находилось в паре дюймов от его, жар тела чувствовался даже через ткань грубоотканых льняных брюк Снейпа.

– Это.

Он закрыл глаза и наугад ткнулся губами. Кожа на скуле оказалась прохладной, сухой и мягкой. Восхитительной.

– Гар-ри...

– Если ты не собираешься меня остановить – помолчи, – он положил ладонь на шею профессора и потянул его к себе, – потому что я понял наконец, чего хочу.

– И чего же? – голос Снейпа звучал хрипло, словно ему было сложно произносить слова, а дыхание было рваным.

– Тебя.

И Гарри его поцеловал. Сам.

19

19. Милос

Эту главу (NC-17, обратите внимание!) автор посвящает тому (или тем) читателям, которые самоотверженно шлют СМС :)

Вы хоть сообщайте, а то я даже не знаю, кого благодарить.

Как бы там ни было, это - вам :)

– Пот... Гар-ри, – Снейп увернулся от жадного рта и вцепился в плечи Гарри, не давая ему снова наброситься с поцелуями, – постой.

– Что? Ты не... не хочешь, да? Черт, какой я идиот!

– Мерлин, и за что мне это? – спросил Снейп у потолка, задрав голову. – Нет, Поттер, я хочу!

– Тогда в чем дело?

– Твоя борода... Не то чтобы я имел что-то против, но – вот, – он поднял руку и указал пальцем на свой рот.

– А? – Гарри, возбужденный и слабо из-за этого соображающий, не понял: смотреть на губы профессора, особенно такие – чуть распухшие, ему нравилось, но целовать их было куда приятнее. – Что?

– Ты меня исколол!

– Извини... Это Чарли виноват.

Снейп приоткрыл рот, закрыл, тряхнул головой и спросил уточняющим тоном, в чем именно виноват мистер Уизли.

– Мы купили одноразовые бритвы, но он уволок их с собой в Румынию, а я все время забываю зайти в магазин, потому что мы с тобой постоянно переезжаем, и... Я бы взял свою – мне Билл с Флер когда-то подарили бритву, – но в Порту нельзя ввозить режущие предметы, мне Кингсли сказал, поэтому...

– ...Поттер!

– Что?

– Чем тебя не устраивает зелье?

– Какое зелье?

– Зелье супергладких щек! В «Волшебном Востоке» у тебя на полке стоял флакон – почему ты не забрал его с собой? Все волшебники планеты им пользуются!

– Откуда мне знать про это зелье? Там бутылочек десять стояло, а мне нужны только шампунь и мыло, я на остальное даже не смотрел. Я ж сказал – у меня бритва есть!.. Дома.

Снейп громко фыркнул, взял со стола палочку и, взмахнув, призвал из ванной флакон, который прилетел по идеальной дуге – Гарри снова невольно восхитился умением профессора колдовать, – и впихнул его в протянутую руку.

– Вперед, Поттер.

После нескольких поцелуев, обещавших долгий томный секс, подобная прагматичность показалась Гарри кошунством:

– Ты серьезно?

– У меня лицо чешется... Да, я серьезно!

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Гладкие щеки отчего-то вызвали ощущение незащищенности, и их постоянно хотелось потрогать, чтобы убедиться, что борода исчезла. Гарри скорчил рожу небольшому зеркалу над раковиной, прикрыл глаза, вспоминая вкус Снейпа и предвкушая множество поцелуев, после чего решительным жестом стянул футболку через голову и отбросил в сторону. Профессор подождет... и ему наверняка будет приятнее притрагиваться к чистому телу без следов дорожной пыли и пота.

Принимая душ, Гарри напевал песню про Мери и барашка, гнусаво фальшивя. Неважно, что вода была чуть теплой, а половину слов он не помнил. Главное – ему было хорошо, а все неприятности и прошлое казались чем-то далеким и несущественным. И совсем скоро он снова будет целовать этот чувственный рот, гладить стриженный затылок, вдыхать

потрясающий запах – и Снейпу тоже будет хорошо.

Если Гарри ничего не испортит, как обычно.

Он попытался вообразить, что произойдет позже, и моментально покраснел. Мысли о сексе с женщиной никогда не вызывали приступов смущения – разве что в школьные годы. Но со Снейпом все было иначе. Стоило только представить, как Снейп целует его в шею – и в животе сразу же огнем вспыхнуло возбуждение, а член дернулся и привстал. Смущение и похоть одновременно – это было больше, чем Гарри мог вынести: он выкрутил кран с холодной водой до упора и решительно подставил под душ сначала лицо, а потом, недолго поколебавшись – и живот.

Можно было бы решить проблему иначе, но заниматься рукоблудием, когда в комнате ждет живой и такой охренительно желанный человек – мужчина – какая разница? – казалось кощунством.

К моменту, когда Гарри вернулся, одетый только в обернутое вокруг бедер полотенце, лампа уже не горела.

– Эй, я сейчас споткнусь и обязательно грохнусь на пол, а давать тебе лишний повод надо мной поиздеваться мне не...

– ...люмос!

Свет на кончике палочки Снейпа осветил комнату. Стол был передвинут на то место, где раньше стояла кровать Гарри, а сам профессор лежал, закрывшись одеялом по самую шею, на большом двуспальном ложе с резной деревянной спинкой и бархатным балдахином; его загорелые руки и лицо даже в тусклом свете «Люмоса» контрастировали с белоснежным покрывалом.

– Ничего себе!

– Если ты возражаешь – я верну всё как было, – скороговоркой проговорил Снейп.

Тяжесть, давившая Гарри на грудь – он неопытный, он ничего не умеет, он намечтал невозможного, на самом деле Снейп его не хочет – сразу же исчезла. Они оба нервничают, и у обоих есть для этого повод. Дышать сразу же стало легче.

– Можно к тебе? – спросил он осторожно, снимая с носа очки и все еще не до конца веря в реальность происходящего.

Похоже, Снейп оценил зрелище: его глаза даже в полумраке влажно блестели, а вместо ответа он издал сдавленный вздох.

Гарри сделал шаг к кровати и широко улыбнулся, потянув за край полотенца.

– Так можно все-таки? – влажная тяжелая ткань упала на пол, и взгляд Снейпа метнулся к паху Гарри.

– Я... – он быстро облизнул губы. – ...я понятия не имею, чем ты руководишься, предлагая мне себя настолько открыто. Не знаю, чего ты ожидаешь – я не настолько опытен, как тебе могло показаться... но если это шутка – тебе стоит остановиться прямо сейчас.

– Это не шутка! – посомневавшись с секунду, Гарри присел у кровати на корточки и повторил сказанное ранее, но гораздо более уверенным голосом: – Я действительно тебя хочу.

– Не понимаю.

– Но веришь?

– Верю и... не понимаю.

Гарри приподнял покрывало и осторожно, стараясь случайно не коснуться Снейпа рукой или ногой, лег рядом.

– Так ты не против?

– Мерлин, как я могу быть против? – Снейп повернулся на бок и посмотрел ему в лицо. – Ты красив настолько, что у меня дух захватывает, даже когда ты просто пьешь чай, я всю неделю хожу с постоянной эрекцией, мне приходится принимать Успокоительное зелье, чтобы не сорваться от одного взгляда на то, как ты ерошишь волосы. Я рад бы не хотеть тебя, но не могу!

Гарри поднес руку к его лицу и кончиками пальцев, едва дотрагиваясь, провел линию от скулы к подбородку, обогнув тревожную складку возле рта.

– А у меня встает от твоего голоса, – указательный палец скользнул выше и очертил нижнюю губу Снейпа, – у тебя потрясающий голос. Когда... когда утром – ну, когда мы плавали по Нилу – ты сказал «втрахать», я чуть не кончил.

– Гар-ри... Мы будем разговаривать или трахаться?

Даже если Снейп его поддразнивал – Гарри было плевать: слово «трахаться», произнесенное этим низким баритоном, действовало ничуть не хуже, чем если бы профессорский рот прикоснулся к его мошонке. В паху сразу же потяжелело, и Гарри едва слышно всхлипнул.

– Трахаться, – собственный голос казался чужим и звучал еле слышно.

Снейп еще пальцем к Гарри не прикоснулся, а он уже готов был умолять – и умолял бы,

если бы понадобилось.

– Почему же, в таком случае, ты тратишь время на разговоры? – этот низкий голос с бархатными нотками пробирал до дрожи в животе – и в коленках тоже.

– А ч-что нужно делать?

– Заткнись.

Гарри хотел возмутиться и возмутился бы, но его рот внезапно был захвачен умелыми губами, а сверху навалилось длинное горячее тело. Он непроизвольно раздвинул ноги, устраиваясь поудобнее и обнимая Снейпа за шею, и вдруг замер, осознав, что подобные действия могут быть истолкованы неверно.

– Что случилось? – выдохнул Снейп в его приоткрытые губы. – Если ты передумал, то...

– ..нет. Просто, – он провел ладонью по коротким волосам на затылке профессора, подбирая правильные слова, – просто... как это будет? Я ведь...

– Гар-ри, ты слишком много говоришь! – Снейп опустил голову и лизнул его пухлую нижнюю губу. – Я знаю, что ты впервые с мужчиной. И... – он толкнулся членом в бедро Гарри. – ...я не собираюсь тебя принуждать. Будет только то, чего ты сам захочешь.

– Хочу, – неважно, что его голос звучит жалобно, решил Гарри. Снейпу должно понравиться. Он ведь любит демонстрировать преимущество во всем, в постели – наверняка тоже. – Ох... Мерлин, ты голый?

– А ты любишь заниматься любовью в трусах?

Разговаривая, Снейп не переставал толкаться, и надави он чуть сильнее – Гарри бы кончил. Он и так едва сдерживался, чтобы не подаваться навстречу этим толчкам. Горячий и твердый член Снейпа – Гарри снова охнул, осознавая, что они оба совершенно обнажены под тонким покрывалом – идеально скользил по его собственному, а еще этот изумительный сводящий с ума запах, от которого и безо всяких прикосновений в животе появлялось приятное щекочущее ощущение.

– Поцелуй меня еще, – прошептал он, опуская руки Снейпу на пояс и прижимая его ближе; дыхание срывалось, и говорить из-за этого было сложно. – Ох, я, кажется, скоро... Почему ты остановился?

– Нет. Не так, – Снейп сел, и Гарри пришлось расставить ноги еще шире.

Поза была бесстыдной; от предвкушения у Гарри перехватило дыхание. Снейп смотрел ему в пах так жадно, что насчет того, кто окажется сверху, сомнений не оставалось.

– Ты меня... да?

Снейп задумчиво провел пальцем по его члену и кивнул.

– А... это больно?

– Ты о чем, Гар-ри?

– Но ты же собираешься меня, ну... трахнуть?

– Нет, – он почти улыбнулся, знакомо приподняв уголки губ. – Я собираюсь сделать кое-что другое.

А потом наклонился и одним плавным долгим движением заглотнул член Гарри почти до самого основания. Гарри затрепыхался, шаря руками по простыням в поисках опоры и хватая ртом воздух. Он знал, что это должно быть приятно, но чтобы так – горячо, мокро, всасываяще, до звезд под веками? Ему никогда в жизни не было настолько хорошо. Всё: и осознание того, что его член во рту Снейпа, что именно Снейп скользит по нему губами, придерживает его бедра, и жаркая обволакивающая глубина его рта, – это было большим, чем Гарри мог выдержать. Он подмахивал, постанывал, голова металась по подушке, из его рта вырывались странные шипящие звуки – а все его чувства сконцентрировались внизу живота и на члене, с которым Снейп творил что-то невероятное.

– Я сейчас... – Гарри попытался вывернуться, но Снейп хмыкнул, и этот низкий рокошущий звук послал дрожь прямо в позвоночник. – Не могу, – охнул Гарри, – я больше не могу! – и взорвался в оглушительном оргазме.

Он кончал и кончал – бесконечно, а когда первая обжигающая волна схлынула – взглянул на Снейпа, который продолжал медленно облизывать его член, придерживая рукой, и снова выгнулся, изливаясь в этот замечательный рот.

Отдышавшись, Гарри откинулся на подушке и закрыл глаза.

Это был лучший опыт в его жизни – а ведь ничего особенного не произошло. Тело приятно покалывало, а в голове царила звенящая пустота.

– Плохо быть популярным, Гар-ри? – спросил Снейп, укладываясь рядом и тяжело дыша.

– Ты о чем?

– Если бы не твоя слава – ты попробовал бы это раньше.

– Откуда ты знаешь, что я не пробовал? – спросил он ленивым голосом; спорить не хотелось.

– Шок на твоём лице был неподдельным, – Снейп подтянулся повыше и обдал щеку Гарри теплым дыханием. – И это – лучший комплимент моим талантам.

Гарри хотел повернуться к нему лицом, но почувствовал, что в бедро упирается все еще твердый член Снейпа; ему сразу же стало неловко.

– Ты ведь не?..

– Я – не.

– А можно, я... сделаю то же самое?

– Нет.

– Нет? – Гарри стало обидно; захотелось как-то оправдаться: сказать, что отсутствие опыта в таких вещах некоторым, напротив, нравится, а Снейпу вовсе незачем бравировать своими умениями.

– Мне хватит и меньшего, – профессор вздохнул, взял Гарри за запястье и потянул его руку вниз. – Сожми его... сильнее.

Прикосновение к чужому члену оказалось неожиданно приятным: чуть толще, чем его собственный, немного длиннее, гладкий, словно шелк, и твердый, как нагретый солнцем камень. Сознание того, что он прикасается к другому мужчине настолько интимно – и что Снейп этого хочет! – заставило Гарри испытать новый прилив возбуждения.

Он повернулся на бок и приблизил лицо к лицу Снейпа.

– Поцелуй меня.

– А ты, оказывается, требователен сверх меры, – весело хмыкнул тот, но послушно потянулся к его губам.

Гарри сжал ладонь и с силой провел ею вверх-вниз, и снова, и снова, на языке Снейпа ощущался вкус собственной спермы, и это тоже заводило. Гарри провел большим пальцем по скользкой головке, на мгновение оторвавшись от губ Снейпа, и ускорил движения.

Ему было неудобно делать это левой рукой – но, черт, это ведь был член сукиного сына Северуса Снейпа в его ладони, рот Снейпа, тело Снейпа, и эти замечательные хриплые звуки издавал именно Снейп. Гарри просунул свободную руку ему под шею, притягивая ближе, чтобы углубить поцелуй, почти кусая и с силой впиваясь в его губы.

И когда член в ладони запульсировал – Гарри сам чуть не кончил, собирая губами крик удовольствия с профессорского рта.

Гарри придвинулся ближе к Снейпу и довольно зажмурился, уткнувшись носом в его затылок. Идеальное начало дня: прохладный морской воздух, теплая узкая спина, к которой так приятно прижиматься, и этот изумительный запах – Гарри сделал глубокий вдох и скользнул рукой по груди Снейпа ниже, чтобы разбудить его самым приятным из возможных способов.

– Я сплю, – пробормотал тот, – и собираюсь поспать еще какое-то время.

– Ты не... не хочешь?

Некстати вспомнилось, что Снейпу уже за сорок, и он может просто не хотеть секса – ни с Гарри, ни с кем бы то ни было. Волшебники стареют позже магглов, но Снейп в любом случае не полный сил юнец, который думает только об удовольствиях плоти.

– Не сейчас.

– Э-э... Прости.

– Дело не в тебе, я действительно хочу выспаться... Мерлин, и почему мне постоянно приходится оправдываться? Пока ты гулял по Эгеру, я оббегал Каир, добрался до местного Министерства, побывал у Абефорта, аппарировал семь раз, а потом ночью мы... я устал.

Гарри застыл, прижав руку к его животу.

– Откуда ты знаешь, что я был в Эгере?

– Ты говорил.

– Нет, – он сделал глубокий вдох, и в полной тишине этот звук показался Гарри очень громким. – Нет, этого я не говорил, я просто принес тебе торт. Я даже не упоминал, что был в Венгрии – ладно, это ты и по тарту мог вычислить, но на нем нет шоколадной таблички с надписью «сделано в Эгере»... Ты за мной следил?

– Поттер... – он убрал руку Гарри, сел на кровати и поднял подушку повыше, чтобы на нее облокотиться. Даже без легиллименции было понятно, что Снейп тянет время, придумывая отговорку: – ...Нет, я за тобой не следил.

– В таком случае – откуда ты знаешь про Эгер?

– Я...

Гарри нахмурился, отодвигаясь.

– ...Наверное, тебе очень хочется сказать, что мне об этом знать необязательно, да?

– Отнюдь. Я узнал об этом в Министерстве.

– Каким образом?

– Они отслеживают аппаратуры на большие расстояния в пределах империи. Та женщина, которую ты встретил в Эгере – она кто-то вроде аврора.

– Прекрасно, – протянул Гарри, – почему она об этом не сказала? Это у них политика такая по отношению к иностранным гражданам?

– Я просто случайно услышал разговор... Поттер, я действительно собираюсь еще поспать пару часов. Позже поговорим.

Гарри и думать забыл о том, чего хотел каких-то десять минут назад. Хотя объяснение звучало достаточно логично – расспрашивать Снейпа о подробностях, как он уже давно понял, было бесполезным занятием.

– Сладких снов, – Гарри отвернулся и призвал при помощи палочки свой чемодан. – А я пока прогуляюсь.

– Поттер, прекрати вести себя как импульсивный подросток!

– Что бы я ни делал – ты все равно будешь считать меня... даже не знаю, кем, – он натянул трусы и потянулся за футболкой. – Раньше я бы сказал «сопляком», но после вчерашнего это не совсем подходящее определение. Достаточно хорошо, чтобы меня хотеть, но не дорос до того, чтобы воспринимать меня всерьез. Так, Северус? – он обернулся и посмотрел на профессора.

– Не так. Просто есть вещи, Поттер, которые очень сложно объяснить, и...

– ...у меня есть имя, – перебил его Гарри, снова наклонившись к чемодану. – Где мои джинсы? А, вот, нашел. Я буду неподалеку. Встанешь – позовешь.

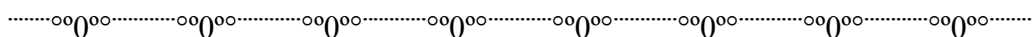
– Гар-ри...

– ...мне нужно побыть одному, – он оделся и встал. – Акцио сандалии...

– Гар-ри, дело не в том, что ты не заслуживаешь серьезного разговора!

– Сладких снов, – повторил он, обуваясь. – Надеюсь, тебе приснится что-нибудь хорошее.

Очки так и остались валяться на столе.



Последние полчаса Гарри развлекался тем, что превращал песок в гальку и пускал по воде «блинчики». Голод не давал успокоиться, а вот подсакивающие над прозрачной бирюзовой водой плоские камушки – он превзошел собственный юношеский рекорд, заставив один пропрыгать аж восемь раз – отчасти помогали. Можно было использовать волшебство, сделав их более легкими, но Гарри посчитал это неспортивным.

Снейп не был сволочью. А даже если и был – Гарри больше не считал это недостатком. Только вот хотелось, чтобы именно к нему профессор относился иначе: ценил, уважал, интересовался его мнением. Назойливая мысль, что Снейп решил соблазнить его с момента их встречи в Каире, что все поездки, завтраки и экскурсии были просто способом подобраться к его телу, то и дело всплывала на краешке сознания. Если профессор даже не посчитал нужным сказать, что знает, где Гарри пропадал весь день, если все еще отказывается рассказывать о своей нынешней жизни, если из него каждую подробность биографии приходится клещами вытягивать – это ли не признак того, что Гарри нужен ему исключительно для секса?

Думать о плохом не хотелось, но переключиться на более приятные мысли тоже не выходило. Ему нужны были доказательства, что он – что-то большее, чем просто тело, а ждать от Снейпа каких-либо признаний было бы глупо.

Гарри взял еще один камень, поднял руку и опустил, так его и не бросив.

Неужели Снейпу так сложно вести себя иначе? Гарри ведь не просит многого – он даже готов терпеть его язвительность и бурчание, но чтобы Снейп перестал относиться к нему, как к... как к кому? Ведь не может же быть дело только в сексе. Да и непохоже, что у Снейпа с этим проблемы – один только Чарли... Вот черт! Гарри обернулся на звук шагов и посмотрел на Снейпа снизу вверх.

– Ты трахался с Чарли?

– Что? – удивился тот.

– Когда мы втроем сидели у нас в номере. Я ушел спать, а вы остались. Ты с ним трахался?

– Не понимаю, какое это имеет отношение к...

– ...ответь мне!

– Нет. У меня с мистером Уизли в ту ночь ничего не было.

– Почему?

– Потому что... Поттер, тебе не кажется, что это не твое дело?

– Угу. Как обычно.

– Как же с тобой тяжело, – Снейп сел сзади, после секундного колебания обнял Гарри и прижал его спиной к своей груди. – Я не переспал с Чарльзом, потому что он мне не нравится.

– Но он ведь... – сосредоточиться, когда он шептал прямо в ухо, было сложно. – Чарли красивый.

– Это не повод.

– Он тебя хотел! Это даже я заметил.

– И это – тоже.

– Но ведь раньше вы... ну, у вас уже было!

– Тогда я был моложе, а каждый день мог оказаться последним... поэтому я пользовался теми подарками, которые посылала мне судьба. Сейчас я смотрю на мир иначе.

– Как?

– Через твое плечо, – Снейп легко коснулся губами виска Гарри. – Оказалось, что отсюда вид гораздо лучше.

– И снова эти твои метафоры, – фыркнул он, понемногу расслабляясь.

– Но ты ведь понял?

Гарри отклонился назад, устраиваясь удобнее, и накрыл сцепленные в замочек руки Снейпа ладонью.

– Надеюсь, что да.

– Я... – он кашлянул и продолжил: – ...Я пришел сказать, что ты неправ.

– В чем именно?

– Я отношусь к тебе серьезно.

Щеки Гарри моментально порозовели, а он ненавидел эту дурацкую детскую способность краснеть по любому поводу, но – наконец-то Снейп сказал то, что ему хотелось услышать.

– Разве?

– То, что я тебе не рассказываю некоторые подробности своей жизни – это не гордыня, не скрытность и не неуважение к тебе. Просто... сейчас не время.

– Почему?

– Слишком много вопросов, – Снейп прижался губами к его шее, а руку положил на бедро; хорошо, что Гарри был в джинсах: под ними его эрекция была не так заметна, хотя сидеть становилось неудобно.

– Ты снова отказываешься отвечать, – пробормотал он, уворачиваясь от профессорских губ. – Будто я не пойму.

– Ты поймешь. Позже.

– Как всегда, угу.

– Ты совершил две тактические ошибки, – шепнул Снейп ему на ухо, продолжая поглаживать бедро в опасной близости от самого чувствительного органа.

– Какие? – он почти всхлипнул и раздвинул ноги, устраиваясь поудобнее.

Нужно было отодвинуться или встать, но собственное тело не слушалось: плотная джинсовая ткань уже больно давила на член, и хотелось податься навстречу руке Снейпа, который явно знал, что делает.

– Позволил мне подойти к тебе со спины, – он провел указательным пальцем по ширинке – это заставило Гарри вздрогнуть, – и сказал, что тебя возбуждает мой голос.

– Д-да... И что? – он запрокинул голову, опершись затылком на твердое плечо.

– Я еще не коснулся твоей кожи, – вопреки собственным словам, Снейп на мгновение прижался мягкими губами к его шее, – а ты уже заведен.

Он приподнял край футболки Гарри и положил ладонь ему на живот, не прекращая поглаживать внутреннюю часть бедра.

– Ты... ты специально! – Гарри заерзал, пытаясь подвинуться так, чтобы ладонь накрыла его член; он часто дышал, щеки покраснелись еще больше, а рот приоткрылся. – Я... ох, сукинтасын!

– Я могу перестать, – шепнул Снейп, скользнув рукой выше и легко сжав прохладными пальцами его сосок. – Тебе стоит всего лишь попросить.

– Просить... о чем? – он закрыл глаза и резко выдохнул, когда пальцы сжались чуть сильнее, посылая в пах разряд чувственного удовольствия.

– О чем угодно... Ты представить не можешь, на что я способен.

Гарри представил; возбуждение заставило горло сжаться и выплеснулось наружу в сдавленном стоне, когда Снейп просунул правую руку вперед, безошибочно накрыв ладонью его мошонку.

– Ты такой отзывчивый... кто бы мог подумать? – его губы обхватили мочку уха Гарри, послав по позвоночнику рой щекочущих мурашек. – Скажи, чего ты хочешь.

– Всего... – Гарри охнул, когда Снейп опустил руку еще ниже, прижавшись грудью и дав понять, что тоже возбужден – твердый член упирался Гарри в поясницу. – Я... я не могу, – он выгнулся, приподняв зад и еще шире раздвинув ноги.

– Что не можешь?

– Терпеть, – Гарри расстегнул пуговицу на поясе и потянулся к молнии – давление становилось слишком болезненным, – но Снейп отшвырнул его ладонь в сторону.

– Нет.

– Сволочь!

– Безусловно, – он провел языком по уху Гарри, очертив круг, и выдохнул: – Проси!

– Не буду!

– Отлично, – рука, поглаживающая бедро, застыла, а вторую он вытащил из-под футболки и накрыл ею шею Гарри спереди, поддерживая его подбородок, словно бокал с бренди. – Проси.

– Нет, – он снова дернулся, но это ни к чему не привело: Снейп не двигался, только пальцы продолжали невесомо гладить нежную кожу чуть ниже подбородка. – Я хочу услышать о том, чего ты ждешь.

– Да чего угодно!

Ласка успокаивала, но возбуждение никуда не делось: казалось, что молния на ширинке вот-вот лопнет.

– Конкретизируй.

Пальцы пробежались по его кадыку и скользнули к губам, обведя их контур.

– Не могу!

– Тогда терпи, – Снейп потерся пахом о низ спины Гарри, и лишнее напоминание о том,

что не он один хочет большего, вызвало еще один прилив вожделения; профессор был настоящим гадом, измываясь настолько искусно, что Гарри уже действительно почти – почти! – готов был просить о большем.

– А я знаю, чего хочу я, – прошелестел Снейп, перемежая слова поцелуями в ухо и вокруг него, – я хочу тебя. Хочу, чтобы ты был подо мной, голый, возбужденный, готовый на все – но... ты ведь и сейчас готов?

– Д-да, – Гарри не собирался отвечать – слова сами слетели с языка.

Рука, лежавшая на бедре, взлетела, и указательный палец очертил контур его члена. Гарри понял, что дрожит от возбуждения и невозможности разрядки, что просто не может успокоиться – Снейп сзади, спереди, вокруг, его голос, его запах – рядом с ним собственное тело отказывалось повиноваться.

– А чего хочешь ты?

– Тебя! – почти проорал Гарри, выворачиваясь из его рук и приземляясь на песок ладонями и коленями, тяжело дыша. – Ух, иногда я тебя ненавижу!

– Правда?

Насмешка в этом голосе оказалась последней каплей: Гарри почти зарычал и с силой толкнул Снейпа спиной на песок. – Сукин сын!

– О, да, – профессор протянул руку и одним рывком расстегнул молнию на его джинсах. – Еще какой!

Гарри быстро спустил штаны вместе с бельем ниже и упал сверху, вжимаясь в Снейпа бедрами и животом. Он только-только начал привыкать к мысли, что Снейп – живой человек из крови и плоти, и возможность лежать на нем сверху, целовать его рот, и тереться, тереться, с каждым толчком бедер приближаясь к оргазму, восхищала Гарри до дрожи.

Он представил, каково это – действительно заниматься с профессором любовью, быть в нем – внутри, по-настоящему, – и стиснул зубы, сдерживая стон.

– Может, разденемся? – спросил запыхавшийся Снейп, стоило Гарри на секунду оторваться от его губ.

– Нет! – он просунул язык ему в рот и содрогнулся, когда тот сжал его бедра своими и подтолкнул, заставляя двигаться быстрее.

Напряжение внизу живота нарастало с пугающей скоростью. Ночью ему было хорошо, но происходящее на пляже ощущалось совсем иначе. Руки Снейпа, обнимающие его спину, бедра Снейпа между его собственными, вкус его губ кружили голову и напрочь отключали

ту часть мозга, которая еще хоть как-то соображала. Гарри застонал, почувствовав, как Снейп укусил его нижнюю губу и потянул: легкая боль ничуть не помешала – только обострила его чувства до предела; на лбу выступили бисеринки пота, а дыхание сбилось – Гарри почти стонал при каждом вздохе.

Жаркая похоть и невыносимый жар в паху побуждали двигаться быстрее, вжиматься сильнее, и, когда Гарри почувствовал, как Снейп бесконтрольно зашарил по его спине, вздрогнул всем телом и застыл, изливаясь между их животами – сгреб пальцами волосы профессора, застонал ему в щеку и кончил так бурно, что почти потерял сознание.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Плака, столица Милоса, куда Снейп переместил их после скудного завтрака, оказалась удивительно красивым городом. Многие здания были выкрашены в белый цвет, который создавал ощущение необыкновенной чистоты; на контрасте с деревьями, покрытыми ярко-розовыми цветами, они выглядели волшебными сахарными замками. Всё это буйство красок: ярко-голубое море, розовые цветы, прозрачное небо и белоснежные домики – вызвало у Гарри давно позабытое ощущение, будто он попал в сказку – настоящую, не придуманную.

Все дороги к Плаке были слишком узкими для автомобилей, поэтому местные жители ходили пешком или разъезжали на велосипедах и мотоциклах.

Гарри обратил внимание на то, как поморщился Снейп, когда мимо проехал очередной мотоциклист, и сделал мысленную пометку каким-то образом изменить его отношение к маггловской технике. У Гарри уже давно были права – обязательное требование для авроров, сотрудничающих с магглами, – а любовью к мотоциклам он заразился еще в школьные времена от Сириуса. Это могло стать неплохим развлечением – если Снейп не запланировал для них какое-нибудь очередное путешествие по Османской империи.

Гарри постоянно ловил себя на том, что обращает внимание на случайные жесты Снейпа: как тот ненадолго замирает, заметив интересное здание, как потирает мочку уха, задумавшись, как облизывает губы перед тем, как рассказать очередную из множества историй про греческих богов, живших здесь тысячи лет назад.

Снейп ему нравился. Дело было не только в похоти – Гарри воспринимал его не просто как объект желания, ему хотелось говорить, слушать, смотреть. Он привыкал к тому, что они теперь вместе – по крайней мере, до конца его отпуска, – и ощущение этой близости согревало изнутри так же, как теплое солнце – снаружи.

Гарри улыбался, шутил – а Снейп хмыкал в нужных местах и задавал вопросы, на которые было интересно отвечать. Они беззлобно подтрунивали друг над другом, и Снейп даже не оскорбился, когда Гарри обозвал его слизеринской сволочью. Это был мир – еще хрупкий, но уже почти то, чего Гарри всегда не хватало в отношениях с профессором.

Ему было хорошо – если бы не ощущение неловкости, возникающее каждый раз, когда

Гарри думал о сексе со Снейпом. О настоящем сексе, а не о возне, которой они занимались утром. Если минет в исполнении профессора оказался настолько сногшибательным, то каково это – быть с ним всецело? А вдруг Снейп не захочет быть снизу? Если Гарри понял правильно, то предполагалась другая расстановка ролей, а он еще не был готов отдаться. И сомневался, что когда-нибудь будет готов.

Заметив вывеску банка – Мерлин, спасибо тебе за то, что греки дублируют их и на английском заодно! – он сказал Снейпу, что сейчас вернется, и побежал менять деньги. Пять минут спустя Гарри был уже гордым обладателем пачки евро вдобавок к тем, которые у него оставались из обмененных в Гринготтсе, и вручил сотенную бумажку Снейпу.

– Что это? – спросил тот, брезгливо принимая ее двумя пальцами.

– Я потратил твои деньги в Венгрии – вот, возвращаю. Кстати, извини, что взял твой кошелек.

– Хм... Я знал, что ты сплошной недостаток о двух ногах, но оказалось, то ты вдобавок мелочный и раздражающий тип. Впрочем, ничего нового.

– Почему это мелочный? – возмутился Гарри.

– Потому что беспокоишься из-за мелочей.

– Да на сто евро неделю можно обедать в кафе около Министерства! Очень хорошо обедать, между прочим!

– Я и говорю – мелочный, – хмыкнул Снейп торжествующе.

Они пообедали в одном из уличных ресторанчиков, где Гарри попытался заплатить за обоих – безуспешно, – потом прогулялись по Плаке, зашли в музей народного творчества и закончили день походом в небольшой супермаркет.

Снейп хотел аппарировать из ближайшего переулочка, и Гарри, который весь день размышлял, как бы втихую договориться об аренде, предложил профессору переместиться первым.

– Мне нужно кое-что купить, – сказал он, улыбаясь как можно более невинно. – Я скоро буду.

Прокат он нашел сразу же, но на двери уже висел большой амбарный замок.

Гарри грустно вздохнул и решил, что вернется сюда на следующий день. Спускаясь вниз по узкой лестнице, он увидел на углу продавца мороженого, хитро прищурился и достал из кармана бумажник. Снейп может не любить сладкое или шоколад, но в мире нет никого, кто мог бы в жаркий летний день отказаться от пломбира.

Именно, решил Гарри, указав пальцем на большое пластиковое ведро с веселой этикеткой на крышке. До этого дня Снейп старался сделать приятное ему – пришло время поменяться ролями.

21

21. Милос

После дня, проведенного в праздной болтовне, атмосфера во время ужина казалась Гарри гнетущей. Кусок в горло не лез, хотя нежнейшее утиное мясо с клюквенным соусом сделало бы честь любому шеф-повару – Снейп и тут не смог не выпендриться, отомстив Гарри за булочки в свойственной ему манере. Он то и дело самодовольно хмыкал, побуждая Гарри наклоняться все ниже к тарелке и отводить взгляд, чтобы не смотреть на его рот и его пальцы, в которых даже вилка и нож казались музыкальными инструментами. Последним, что волновало Гарри, было умение Снейпа готовить: мысли витали только вокруг того, что случится, когда наступит ночь, о его запахе, о поцелуях и всех тех потрясающих порочных вещах, в которых профессор был мастером – впрочем, как и во всем остальном.

Вечером, в сумраке, идеи покормить его мороженым и покатать на мотоцикле выглядели отнюдь не так привлекательно, как при свете дня. Гуляя по Плаке, Гарри ненадолго позабыл о том, кто такой Снейп. Что он не просто невозможно язвительный тип с потрясающим голосом, а и бывший шпион, бывший Упивающийся смертью и много кто еще. От него всегда исходил легкий флер опасности и тайн – возможно, именно из-за этого Гарри никогда не мог чувствовать себя спокойно, находясь рядом со Снейпом.

Профессор – во всех отношениях – был самой неподходящей парой для героя магического мира. И именно из-за чувства противоречия Гарри и влюбился.

Вот черт!

Он поперхнулся, закашлялся, на глазах выступили слезы, и, пока Снейп выхватывал палочку и произносил заклинания, Гарри будто со стороны смотрел на профессора и с ужасом осознавал, что – да, влюбился. С вождением бороться было бы куда проще, но это совершенно точно была не просто похоть. Рядом с объектом желания Гарри бы не смущался, не переживал бы из-за мелочей, не сжимался бы от мысли о предстоящей ночи и не старался бы понравиться. То, что раньше было смутным подозрением, наконец приобрело определение.

Влюбленность.

Черт-черт-черт!

– С-спасибо, – выдавил он, когда смог нормально дышать.

В горле саднило, но это была сущая мелочь по сравнению с осознанием собственных чувств. Посмотреть Снейпу в глаза и хотя бы улыбнуться внезапно стало непосильной задачей. Гарри казалось – стоит им встретиться взглядами, и профессор все поймет.

– Все в порядке?

– Да, – он отодвинул тарелку и взял в руки глиняную кружку с горячим какао. – Утка была... восхитительной.

– И поэтому ты не съел и половины?

– Я... не голоден, – Гарри сделал глоток, надеясь, что успокаивающим эффектом шоколада обладают и напитки из какао. – Но утка была очень вкусной, честно!

– Хм, – Снейп встал со своего места и уставился на него серьезным взглядом – пронзительным, словно это был урок Зельеварения, а Гарри снова написал эссе меньшего размера, чем ожидалось; он выглядел настолько чужим, что в груди что-то сжалось, и дышать стало стократ труднее. – Мне нужно кое-что сделать, поэтому... Я прогуляюсь. Ложись без меня.

Гарри не успел даже возразить – профессор махнул палочкой и дисаппарировал, оставив ему гору грязной посуды и нетронутый пломбир в морозилке.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Он проснулся от прикосновений теплых рук, скользящих по телу. И сразу же утонул в запахе – этом запахе, уже ставшем родным, который сейчас оказался разбавлен табачным дымом и легким ароматом алкоголя.

Гарри зевнул и схватил Снейпа за запястье руки, выводящей на его животе замысловатые иероглифы.

– Перестань.

– Почему? – выдохнул Снейп ему в затылок, и этой малости хватило, чтобы поколебать решение Гарри не поддаваться на провокации, пока они не поговорят: в животе искрой вспыхнуло возбуждение, а член приподнялся.

– Терпеть не могу твою загадочность, – пробормотал он. – И... с кем ты пил?

– С коллегой.

– Как его зовут?

– Ты его не знаешь.

Гарри вздохнул и отодвинулся – на пару дюймов, но сразу же стало легче дышать.

Бесполезно расспрашивать Снейпа, когда тот ясно дал понять, что отвечать на подобные вопросы не будет, но Гарри не собирался мириться с таким положением вещей.

– Почему ты ушел вечером?

– Потому что ты явно тяготился моим обществом. Я решил тебе не мешать. Полагаю, вечера в одиночестве тебе хватило, чтобы успокоиться?

Гарри выругался про себя: всё было ровно наоборот, но не будет же он объяснять Снейпу, что проблема в его влюбленности? У них только-только начало что-то получаться, а его признание наверняка всё испортит. Да и вряд ли профессор поверит: с момента их первого поцелуя Гарри ни разу не упоминал в беседах свадьбу или Джинни, а Снейп делал вид, что его это не интересует; глупо признаваться в каких-то чувствах, если в Лондоне вовсю идет подготовка к самой громкой свадьбе десятилетия.

– Я не... не тяготился. Просто кое-что в голову пришло.

– Ты можешь остановить меня в любой момент, если то, что я делаю, тебе неприятно.

Гарри поморщился: Снейп неверно понял его объяснение.

– Мне не неприятно, – сказал он, стараясь четко выговаривать слова – получилось неважно, – наоборот, просто...

– ...если я сделаю, – слово Снейп подчеркнул, – что-либо подобное. Тебя наверняка смущает мысль о... проникновении.

От слова «проникновение», сорвавшегося с губ профессора, у Гарри внутри все сжалось. Один только голос возбуждал, а уж когда Снейп говорил о сексе – тело реагировало само.

– Смущает, – шепнул он, разжав пальцы. – Но... я тебе доверяю.

Громкий выдох согрел кожу на шее, а рука Снейпа тут же сдвинулась ниже, к бедру.

– Насколько доверяешь?

– Ц-целиком, – Гарри невольно вздрогнул, когда Снейп прижался к нему сзади; член профессора скользнул по ложбинке между ягодицами, и это заставило Гарри замереть.

– Наверное, все же не целиком? – шепнул Снейп ему на ухо.

– Да, блин, я нервничаю!.. Но я правда хочу поп... попробовать.

Он, пересилив себя, расслабился и решил, что ничего страшного не произойдет. Снейп занимается этим не впервые – да вот хотя бы с Чарли? – поэтому знает, что и как.

Моральная составляющая Гарри отчего-то не беспокоила. Никто не узнает – а даже если и так, то и черт с ними, переживать по этому поводу он не собирается. Не волновало Гарри и то, что секс с мужчиной сделает его менее мужественным или женоподобным: Чарли выглядел самым сильным из знакомых ему мужчин – во всех отношениях – хотя был самым что ни на есть геем.

– Тогда нам стоит ограничиться малым?

– О чем ты? – спросил он, перевернувшись на спину.

– Мы можем не... – Снейп, явно смущенный, кашлянул: – ...можем обойтись без...

– Никогда не думал, что услышу, как ты запинаешься, – улыбнулся Гарри, – это так... мило!

– Мило? Ты считаешь меня милым? – его фырканье вполне могло сойти за смех. – Ох ты ж Мерлин, меня еще никто не называл... милым!

Гарри отбросил одеяло и, обняв, притянул профессора ближе. Такого Снейпа, довольного и не скрывающего веселья, хотелось прижать и не отпускать как можно дольше. Таким он не просто нравился – Гарри затопило желание защитить, пролепетать какие-то нежные глупости, признаться в своих чувствах... Он чертыхнулся и моргнул. Это уже походило на одержимость – черт, он ведь в постели со Снейпом, со слизеринским ублюдком Снейпом, которого терпеть не мог все школьные годы, так почему же сейчас хочется плюнуть на весь мир и... остаться с ним?

– Опять что-то не то в голову пришло? – спросил Снейп, проведя ладонью по его растрепанным волосам.

– Прости.

– Поттер, – он глубоко вздохнул и обнял Гарри в ответ, – ты так и не научился концентрации.

– Это ты к чему?

– К тому, что ты постоянно думаешь о чем-то не том, когда стоит думать только об... – он опустил левую руку ниже, обхватил член Гарри прохладной ладонью и сжал: – ...об удовольствии.

– Я не могу не думать о том, что это скоро закончится!

– А мне не хочется выслушивать твои глупости, – Снейп притянул второй рукой Гарри за

шею и поцеловал, заставив поперхнуться первым же словом.

Целовался он обстоятельно и уверенно, не давая Гарри передышек. Язык скользил по языку, губы сминали губы Гарри, руки гладили спину, сползли на поясницу, позже – на зад, и Гарри сдался: все ненужные мысли вытеснило тягучее, медленно растущее возбуждение.

Когда палец Снейпа, легко погладив ложбинку между ягодицами, втиснулся и нажал на его анус, Гарри снова застыл, но расслабился почти сразу же: прикосновение было пугающим, да – но и осторожно-приятным, волнующим – он задрожал и закрыл глаза, позволяя Снейпу делать всё, что тот пожелает.

Когда Гарри оказался на спине с широко раздвинутыми ногами, с членом у Снейпа во рту и его смоченными слюной пальцами в заднице, происходящее больше не казалось неестественным или ненормальным. Гарри стонал, извиваясь на простынях, хватал ртом воздух и верил в то, что находится там, где должен.

После оргазма – омерзительный кончилснейпуврот! – он, отдышавшись, лег рядом и, едва дыша от волнения, сам потянулся к члену профессора.

Потребовалось меньше минуты, чтобы довести Снейпа до пика, и Гарри был в восторге, когда его пальцы залило горячей липкой спермой. Именно он заставил Снейпа кончить, именно благодаря ему Снейп издал тот странный, полный удовольствия, звук, именно его лицо Снейп покрывал легкими благодарными поцелуями после.

О собственной свадьбе Гарри твердо решил подумать когда-нибудь... потом.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

– Чай с молоком или кофе со сливками? – Гарри, счастливый и улыбающийся во весь рот, опустил наколдованный поднос, демонстрируя стоящее на нем Снейпу. – Сэндвичи с рыбой, круассаны с шоколадом и салат. Выбирай.

– Ты решил меня откормить? – Снейп потер колючий подбородок и сел, подоткнув подушку поудобнее.

– Да, немного мяса на твоих костях не помешало бы, – Гарри не сдержался – нагнулся и чмокнул его в переносицу. – Потому что когда мы будем... ну, ты понимаешь – ты наверняка наставишь мне синяков на бедрах, – он поставил поднос на кровать и лег поперек, накрыв ладонью случайно выглянувшее из-под одеяла колено Снейпа. – Ты ужасно костлявый. То есть, мне нравится, но если бы ты был чуть потолще – нравился бы еще больше.

Снейп приподнял брови и смерил его удивленным взглядом.

– Твоя беззаботная радость меня пугает. Что ты задумал?

– Ничего, – все еще улыбаясь, Гарри покачал головой. – Ничего особенного. Тебе понравится.

– Мне понравится, если ты подашь мне палочку, чтобы я мог очистить живот от последствий нашей ночной возни. И круассан с кофе.

– Ацио палочка Северуса, – Гарри подал ему палочку, повернул поднос и провел указательным пальцем по покрытому темными волосками колену, заставив Снейпа хмыкнуть. – После завтрака мы поедем...

– ...поедем?

– Да, поедем. В Адамас.

22

22. Плака

Гарри нравилось управлять мотоциклом: узкие горные дороги требовали предельной концентрации, в крови бурлил адреналин, от подъемов и резких спусков захватывало дух ничуть не хуже, чем от маггловских русских гор, на которые его когда-то затащила Джинни. После получаса уговоров и споров Снейп согласился проехаться на мотоцикле в качестве пассажира – с кучей оговорок и ограничений, разумеется, – но сейчас, когда Гарри вошел в раж и открутил ручку газа до максимума, профессор не прекращал орать что-то вроде «твоячерезколеномерлинаналево». Гарри ничего не слышал: его захватила поездка. Состояние эйфории, как во время первого полета на метле, затопило его целиком; он чувствовал себя всесильным за рулем этой послушной его движениям машины, а сознание того, что именно руки Снейпа обнимают его за пояс, что Гарри везет их обоих, только подстегивало.

И это было прекрасно.

Пока на повороте от удара о большой булыжник их не подбросило на несколько футов – Гарри заорал: «Ура-а-а!» – мотоцикл накренился, и, когда переднее колесо соприкоснулось с усыпанной галькой дорогой – машину повело в сторону.

Гарри еще не успел осознать, что они падают с обрыва, а Снейп уже нечеловечески быстрым движением стаскивал его с мотоцикла, умудряясь выкрикивать какие-то беспалочковые заклинания.

Они летели вниз медленно – слишком медленно, если учитывать закон Ньютона. За это время Гарри успел перейти от состояния радостного восторга к ужасу, пару раз себя мысленно проклясть и, наконец, похолодеть, представив, что могло случиться. Высота обрыва была небольшой – каких-то шесть или семь ярдов, – но если бы Снейп не успел стащить их с сидения – без травм бы точно не обошлось.

Приземлившись, Гарри охнул и громко выматерился; профессор тут же разжал руки, и он шлепнулся на задницу.

– Блядь, – повторил Гарри уже с куда меньшей экспрессией. – Твою мать!

– Да! – проорал Снейп, снимая шлем и отшвырнув его в сторону. – Именно, Поттер! Твою мать! Безответственный, бестолковый мальчишка!

Гарри в ответ прошипел что-то нечленораздельное и прижал руку к груди: отпуская руль, он стесал пальцы о рычаг сцепления. Кожа на костяшках была содрана, а залечить ссадины без палочки он не мог.

– Почему ты не остановился, когда я тебе сказал?!

– Не слышал, – он опустил глаза и поморщился. – Рев ветра... сам понимаешь.

– Не понимаю!

Гарри отстегнул ремень и снял свой шлем, но отшвыривать не стал – положил рядом.

Теплый ветер приятно поглаживал лицо, внизу тихо шелестело море, небо было ярко-голубым и без единого облачка; в такую погоду нужно было валяться на песке, попивая коктейли, а не падать с обрыва.

А виноват во всем снова был один только Гарри.

Он перевел взгляд на покореженный мотоцикл с разбитым лобовым стеклом. Переднее колесо продолжало вращаться – Гарри скривился, испытал очередной приступ сожаления.

– Э-э-э... Извини.

– Извини? – Снейп навис над ним, согнувшись почти вдвое, и проорал: – Извини?! Ты считаешь, что этого достаточно? Ты нас едва не угробил! Мы могли разбиться! Если бы мы полетели со скалы в море – неизвестно, чем бы эта поездка закончилась! Импульсивный сопляк – каким был в школе, таким и остался! Мне казалось, что ты вырос – но нет, ты такой же идиот!.. Если тебе плевать на собственную безопасность – мог бы подумать о том, что везешь пассажира! Ты...

– ...ага, – Гарри лизнул ссадину на указательном пальце и грустно кивнул, соглашаясь.

– Ты... ранен? – у Снейпа моментально сменился тон – с разъяренного на участливый.

Такая резкая смена интонаций удивляла, и Гарри посмотрел на него с опаской.

– Нет, просто... вот, – он вытянул руку. – Ничего страшного.

– Дай сюда, – Снейп присел рядом и, вытащив палочку, произнес заживляющее заклинание.

Ссадины прямо на глазах затянулись, и Гарри пару раз моргнул, внимательно рассматривая собственную руку – так, будто видел впервые.

– Спасибо. Я уже сколько лет волшебник, а никак не привыкну, что это – так просто.

– Это не просто, это семь лет Хогвартса и несколько специальных курсов по колдомедицине в рамках программы Высших Зелий в Загребе.

– Да-да, я уже понял, что идиот.

Снейп медленно перевел взгляд с руки Гарри на его лицо.

– Ты не идиот.

Гарри его не услышал: повернув голову, уставился на знак, возле которого валялся разбитый мотоцикл.

– Это... – он приподнял запыленные очки, сузил глаза и прочитал: – Венера Милосская?*

– Да, Поттер. Именно здесь местный житель обнаружил ту самую Венеру Милосскую.

– А... А я все думал, почему мне название острова знакомо. Я все-таки идиот.

– Это не идиотизм, – Снейп выпрямился и протянул ему руку. – Это обычная для волшебника ограниченность. Мы настолько могущественны, что не считаем нужным изучать маггловские науки и культуру.

– Я читаю маггловскую литературу.

Гарри проигнорировал его руку и встал. Разговоры со Снейпом вот так – лицом к лицу, – все еще вызвали у него ощущение легкой нереальности происходящего. То, что профессор был чуть ниже ростом, его загар, его короткие волосы – сейчас, после шлема, они немного растрепались, но до вечного хаоса на голове Гарри Снейпу все равно было далеко, – всё это было непривычно и странно.

– И если ты сейчас готовишь речь о том, что детективы или романы – не литература, то...

– ...литература?

– Да. Но я предпочитаю политическую аналитику.

Снейп кашлянул и удивленно приподнял бровь.

– Метишь в Министры?

– В Министры метит Гермиона. А я всего лишь по-прежнему хочу сделать мир лучше, – Гарри вытер испачканные ладони о брюки и снова покосился на мотоцикл. – Адамас, как я понимаю, мы сегодня не посетим?

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

– Восемнадцать тысяч евро! – орал владелец проката, бешено жестикулируя.

То, что он едва доставал ростом Гарри до груди, должно было казаться комичным, однако смеяться не хотелось. Вовсе.

– Вы попросили самый дорогой мотоцикл! Вы клялись, что умеете водить! Вы говорили, что вернете его сегодня же без единой царапины, но он безнадежно сломан!

Снейп едва заметно хмыкнул, сделав вид, что чешет переносицу, и Гарри одарил его злобным взглядом. Злорадствует – ну разумеется! Нет чтобы поддержать!

– Я вызову полицию, чтобы они зафиксировали дорожно-транспортное происшествие! – орал мужчина еще громче. – Вы мне всё компенсируете!

Гарри уже почти привычно выматерился про себя и нацепил наиболее обезоруживающую улыбку. В Британии его бы отмазали служащие Министерства, а тут, где он был никем – одним из множества туристов – неприятности с властями могли оказаться довольно серьезными.

– Я компенсирую ремонт, – сказал Гарри, доставая из кармана кошелек. – Сколько?

– Восемнадцать тысяч евро! – проорал толстяк, ткнув его пальцем в грудь. – И расходы на транспортировку с места происшествия!

– Но... – Гарри опешил: – ...Но ведь его можно отремонтировать!

– Я уже сказал, что нельзя! Без-на-деж-но! – произнес тот по слогам. – Вы вообще английский язык понимаете?

Фраза, произнесенная с заметным греческим акцентом, вызвала у Гарри невольную улыбку, что, разумеется, разозлило владельца проката пуще прежнего.

– Я вас по судам затаскаю! Вы мне всё компенсируете! Нарушение обязательств! Обман! Докумен...

– ...погодите, – прервал поток его речи Снейп. – Вы хотите, чтобы мы оплатили стоимость мотоцикла? Он не застрахован? По местным законам вы не имеете права сдавать его в

прокат, предварительно не застраховав. Вам компенсируют расходы.

Не успел Гарри выдохнуть с облегчением – как толстяк, покачнувшись от натуги, громко икнул и выдохнул:

– Прекрасно. Значит, я вызываю полицию, и мы оформляем акт порчи имущества.

– Но, – Гарри снова попытался встрять, – вы хотите восемнадцать тысяч евро наличными? У меня нет с собой столько, и...

– ...я заплачу. – Снейп с непроницаемым лицом вытащил из кармана бумажник и достал из него пластиковую карту. – Снимайте восемнадцать тысяч.

– И триста пятьдесят евро за транспортировку!

– Хорошо. Снимайте столько, сколько потребуется.

– Северус, – охнул Гарри, – это же огромная сумма!

– Вытащить тебя из местной кутузки будет стоить дороже. А расследовать дело они могут месяцами. Держите, – он снова протянул карту.

– А вы, собственно, кто? – прищурился мужчина. – Я вас впервые вижу.

Гарри замер не дыша. Это был один из тех моментов, которые определяют суть отношений – ему больше не нужно будет намекать или задавать наводящие вопросы, чтобы выяснить, чего профессор от него ждет. Если Снейп скажет «никто» или «родственник» – это будет понятно, пусть и немного обидно – Гарри не имеет никаких прав рассчитывать на большее. Если «любовник» – значит, это только секс. «Любимый»? На подобное Гарри не смел даже надеяться. «Друг», «парень»?..

– Я тот, кто платит. Вы берете карту, или мы всё же подождем полицию?

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Войдя в домик, Гарри тут же отправился на кухню за соком.

Снейп маячил за его спиной, молчаливый и серьезный, словно статуя дона Гонзаго, и от этого было немного не по себе.

Допив сок, Гарри поставил стакан на стол и повернулся к нему.

– Что?

– Ты молчишь с того момента, как я заплатил за разбитый мотоцикл. В чем дело?

– Ни в чем, – Гарри нарочито весело хмыкнул. – Ты получишь деньги назад, как только я вернусь в Лондон. И можешь даже не пытаться возражать.

– И не собирался... Послушай, – Снейп сделал шаг; за спиной Гарри был стол, а сбоку – кухонная стена: получилось, что он не мог двинуться, не коснувшись профессора – а это наверняка закончилось бы не разговором. Не то чтобы ему хотелось поговорить, но беседы, в отличие от постельной возни, успокаивали. – Я понимаю, почему ты злишься.

– Я не злюсь.

– Гар-ри, я довольно внимателен... всегда. И замечаю твои реакции. Не только на такое, – Снейп поднял руку и провел пальцем по его приоткрытым губам, – а и на вербальные раздражители. Ты хотел, чтобы я рассказал ему о нашей связи?

«Связь» была нехорошим словом – будто на каком-то министерском бланке кто-то вроде Перси Уизли написал ровным каллиграфическим почерком: «У Гарри Джеймса Поттера и Северуса Снейпа половая связь». Гарри передернуло.

– Нет. Не хотел.

– Тебе не нужна публичность. А одно случайно сказанное слово может обрести подробностями и звучать совершенно иначе. Ты ведь знаешь, как могут быть опасны слухи?

– Знаю. Все нормально. Я... ничего не ждал.

– Не лги мне. Я ненавижу ложь, даже ложь во спасение.

И снова этот учительский тон, от которого мурашки по коже.

– Всё нормально, – пробурчал Гарри.

– Хорошо, я попробую объяснить иначе, – Снейп отвернулся к окну и перед тем, как продолжить, провел по губам языком – у Гарри в паху сразу же потяжелело. – В исламских странах гомосексуализм – харам. Даже если забыть о твоей известности и маловероятной возможности того, что обнародование наших отношений могло обернуться скандалом – я гражданин Османской империи. Если бы мои предпочтения стали известны, то меня могли бы побить камнями – и имели бы право совершить публичную казнь. Законно, – Гарри от изумления даже рот приоткрыл: в его сознании не укладывалось, что наказание может быть настолько жестоким. – То же самое ждет любого, кто изменил супруге или супругу. Для мусульман подобные запреты – норма. Хотя османское Министерство магии куда более лояльно, но рисковать мне, как ты сам понимаешь, не хочется.

– Понимаю.

– Дело не в тебе, – добавил Снейп, подводя черту. – Кстати, у нас еще осталась утка.

Обедать будешь?

– Буду. То есть... – Гарри замялся, но пересилил смущение и продолжил: – ...то есть ты не мог? В Османии.

– Что «не мог»?

– Ну... найти кого-нибудь! Если там... здесь это считается преступлением.

– Не мог, но я и не искал, – пожал тот плечами. – У меня другие приоритеты. Или у тебя создалось впечатление, что я меняю любовников еженедельно?

Откровенно говоря, именно такое впечатление у Гарри и создалось, но после пояснений профессора он увидел всё в ином свете.

– На самом деле нет?

– Разумеется, нет! Я отдаю себе отчет в том, что непривлекателен, и глупо было бы...

Гарри вспомнил речь, произнесенную Снейпом во время их кризиса, – о том, кем его считают окружающие, и тут же возмутился:

– ...Ты красивый!

– Гар-ри, у тебя очки в каких-то пятнах. Протри и посмотри снова.

– Прекрати! Ты, может, не красавец, но красивый!

– Твоя логика ошеломляет – впрочем, как обычно.

– Ты не понимаешь, – Гарри снял очки – не потому, что они на самом деле запачкались, просто он немного нервничал. – Северус, у тебя потрясающие глаза, на твой рот я могу смотреть часами, даже твои тощие коленки и стриженный затылок приводят меня в восторг. Я косноязычен, знаю, но... мне очень нравится, какой ты. Не только твой ум или твоё запредельное чувство юмора – оно у тебя есть, не смей отрицать! Но и то, как ты выглядишь.

Сейчас Снейп выглядел ошеломленным. Он приоткрыл рот, уставившись Гарри в лицо, и часто моргая.

– Ты мне не веришь?

– Верю, но я удивлен. Мне никто... Неважно. Ты слепец. Тебя нужно показать колдомедикам.

– Лучше поцелуй меня, – Гарри, обмирая от собственной наглости, обнял его за шею и

притянул ближе. – А еще мне ужасно нравится твой нос.

Снейп должен был возмутиться, но почему-то послушно подался навстречу и первым поцеловал Гарри – страстно и сильно, будто изливая в поцелуе благодарность за приятные слова.

Следующий час им было не до разговоров.

* <http://img26.imageshack.us/img26/3904/vindplaatsvenusvanmilo.jpg>

23

23. Милос

Снейп получил письмо – впервые за время их совместного отдыха. Профессор читал, а Гарри удивленно смотрел на птицу, пока та клевала хлебные крошки. Его так и подмывало спросить, нет ли другого способа доставлять почту волшебникам – если кто и знал о подобном, то Снейп. Когда тот наконец дочитал письмо, Гарри поинтересовался, почему почту принес голубь, и – ну разумеется! – выслушал пятиминутную лекцию о разнице между голубем и вяхирем, о восточном менталитете и о том, почему письма предпочтительнее писать на бумаге.

А потом Снейп переоделся и аппарировал, напоследок обозвав Гарри Пенелопой.

Это уже слишком, решил он, глядя на то место, где еще секунду назад стоял профессор. Первым порывом было отследить перемещение Снейпа по аппарационному следу, хотя это не только считалось проявлением неуважения, но и было действительно опасным – и высказать все наболевшее. Едва сдержавшись, Гарри напомнил себе об аварии, фыркнул и вытащил из-под кровати чемодан. Чем бы Снейп ни занимался и какими бы важными ни были его дела – Гарри был в отпуске и имел полное право отдыхать, а за три недели еще ни разу не плавал в море. Пришло время вспомнить заклятье Головного пузыря и познакомиться со здешней морской фауной. И с русалками – если повезет.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Рыбы не было. То есть рыба, конечно, была, но где-то далеко, а косяки серебристых мальков Гарри совсем не впечатлили. Он был готов встретиться с акулой – даже гарпун из песка трансфигурировал, с дельфином, на худой конец – с какой-нибудь редкой большой медузой. Но то ли охранные заклятия в бухте распространялись и на прибрежные воды, то ли он сам перестарался, накладывая на себя защитные чары, но гулять по морскому дну Гарри наскучило довольно быстро. Тем более, что ни больших ракушек, ни обломков затонувших кораблей он так и не обнаружил. На мелководье вообще был просто песок, красиво отливающий голубым, чуть дальше от берега – валуны и островки темных лениво шевелящихся водорослей. И ни одной завалящей русалки. Скукотища.

Побродив по дну с полчаса, Гарри отвязал груз и всплыл на поверхность. Уши сразу же заложило от резкого подъема – оказалось, что он зашел на довольно приличную глубину – но берег был совсем недалеко, в каких-то пятидесяти ярдах. Гарри вытащил из прикрепленного к бедру карабина палочку и уже собирался превратить свои ноги в плавники, чтобы побыстрее доплыть до берега, наплевав тем самым на все запреты в отношении неполной трансфигурации человека, но услышал какой-то странный звук, напоминающий звон колокольчика. Медленная печальная мелодия звучала так, словно ее издавало какое-то волшебное существо: у человека не могло быть настолько высокого и необычного голоса с таким широким диапазоном. В песне слышалась и тоска, и желание, и одиночество; Гарри испытал иррациональную потребность найти того, кто поет, и как-то утешить. Не для того, чтобы прекратить песню – он готов был слушать и слушать, просто в тот момент ему казалось, что ничего печальнее в своей жизни он не слышал.

Гарри повернулся к источнику звука, но увидел только две одиноко торчащие из воды скалы. Он на всякий случай снял водоотталкивающие заклинания с очков, решив, что заколдованные стекла могут каким-то образом исказить действительность, но по-прежнему видел только голые камни и плещущиеся об них мягкие волны.

Между тем пение становилось все громче и глубже, а тоска в голосе – почти запредельной. Гарри набрал побольше воздуха и поплыл. Идти по дну было куда проще, но в тот момент он был не в состоянии мыслить трезво: просто двигался на пение, стараясь побыстрее увидеть обладателя голоса, и в итоге, когда добрался до ближней из скал – напрочь выдохся. Усталость в мышцах после такой короткой дистанции стала поводом дать себе зарок, что после возвращения в Англию он обязательно займется спортом. Впрочем, подобные обещания Гарри давал себе довольно часто, и пока еще ни разу не сдерживал.

Он задрал голову и прислушался.

Судя по звуку, поющее существо сидело на скале сверху, а летать без метлы Гарри, увы, пока не научился. Он схватился за выступающий камень, задрал голову и проорал:

– Эй! Вы в порядке?

Голос тут же умолк, а резкий порыв ветра поднял волну; вода попала Гарри в лицо. Он сплюнул морскую воду, закашлялся и скривился. Очки тут же покрылись каплями, и пришлось их снять. Держаться одной рукой за мокрые камни, с которых постоянно соскальзывали пальцы, оказалось сложно: махнув палочкой, Гарри возобновил водоотталкивающие чары и снова нацепил очки на нос.

Желание помочь не пропало, зато энтузиазма поубавилось.

Когда какая-то тень закрыла солнце – Гарри обернулся и понял, что волну поднял не ветер, а движение воздуха, вызванное взмахом огромных крыльев сирены.

Сначала он обратил внимание на облако черных вьющихся волос, после – на лицо,

красивое до такой степени, что казалось созданным при помощи иллюзионных чар. В действительности настолько прекрасной женщины существовать не могло. Впрочем, опустив взгляд чуть ниже, Гарри оценил птичье туловище, покрытое черными с фиолетовым отливом перьями, и его восторги поутихли.

– Привет, – сказал он и расплылся в улыбке.

Сирена в ответ проклекотала что-то невразумительное, и Гарри скривился: разумеется, он не подумал, что в море может понадобиться кулон-переводчик.

– Я не понимаю, простите. А английский вы знаете?

Возмущение в ответе он мог понять и без перевода. Сирена взлетела повыше, и волны, которые поднимал каждый взмах ее крыльев, заставляли его постоянно нырять и захлебываться водой.

– Простите, – отдрейфовав подальше, крикнул Гарри, – я... я скоро вернусь.

Развернувшись, он все же трансфигурировал свои ноги в огромный рыбий хвост и поплыл к берегу.

В дом он не шел – бежал, бросив на берегу и карабин, и копье; нужно было как можно скорее вернуться к сирене и понять, что ей требуется. В этот момент Гарри готов был ради нее на всё... почти на всё.

Только в домике, выбрасывая из чемодана вещи – футболки и выглаженные заботливой горничной в Каире рубашки неровной кучей высились на кровати, а пергамент со скопированной для Гермионы легендой полетел под стол – он понял, что ведет себя ненормально. Гарри было интересно поговорить с сиреной, но навязчивое желание вернуться и понять, что именно произносят эти восхитительные губы, было неестественным и слишком сильным.

Очнувшись, Гарри хмыкнул и снова наложил на себя защитные заклинания. Так он сможет поговорить, но под действие чар сирены точно не попадет. Подумав еще немного, он вытащил из потайного кармана купленные в подарок для Джинни бусы и повесил на шею. Если он правильно помнил из курса истории магии в Хогвартсе – сирены любили всякие блестящие побрякушки, как любые крупные пернатые.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Полуптица покачивалась на волнах, напоминая огромную утку. Гарри отогнал гастрономические ассоциации подальше и вежливо улыбнулся.

– Здравствуйте, – он махнул рукой и решил остаться на расстоянии в пару футов: если сирена взлетит – его наверняка накроет волной, а глотать соленую морскую воду по второму разу не хотелось.

– Ты ушел, – сказала она.

Голос был очень громким и мелодичным, но высоким, и из-за этого у Гарри создалось ощущение, что сирена – большая кукла, а озвучивает ее кто-то, спрятавшийся неподалеку. У такой громадины должен был быть низкий хриплый бас, а никак не странная смесь лепета маленькой девочки с тембром оперной дивы.

– Ушел, потому что нужно было взять переводчик, – Гарри указал на висящий на шее кулон, – иначе бы я вас не понял.

– Как ты смел уйти?

– Мне нужно было взять переводчик, – повторил он терпеливо. – А что, легенды о том, что вы погибнете, если путник проплывет мимо – правдивы? В таком случае...

– ...ты слишком много говоришь, – оборвала его сирена. – Я жива, как видишь. Но оскорблена.

– Извините, – он виновато улыбнулся, – я не знал.

Под действием защитных чар ее красота вызывала куда меньше восхищения: стали заметны неглубокие морщины, шелушащиеся губы и небольшое косоглазие.

– Я могу тебя убить, – сказала сирена, сощутив один глаз и до ужаса напомнив этим ворону; Гарри, не сдержавшись, тихо хмыкнул.

– А я – вас.

– Ты не можешь.

– Почему это?

– Не посмеешь.

Гарри посмотрел на нее исподлобья и понял, что диалога на равных не выйдет. Если сирена привыкла к тому, что любой мужчина теряет голову от ее голоса, то привыкла к раболепию – следовательно, нельзя было ее винить за подобный стиль общения. Только вот Гарри не лебезил даже перед Министром – не то что перед огромной птицей с человеческой головой, пусть и красивой.

– Как вас зовут? – спросил он, все еще надеясь на разговор. – Меня – Гарри Поттер.

– Меня нарекли Фелксиопой, Гаррипоттер, – сказала она, едва заметно склонив голову.

– О, так вы дочь Ахелоя? Та самая?

– Нет, конечно! – она возмущенно махнула крыльями, и Гарри отнесло поднявшейся волной на несколько ярдов в сторону. – Я его прапрапра... – остаток перечисления «пра» Гарри не услышал, поскольку вода попала ему в ухо.

И стала, образно говоря, последней каплей.

– Привет сестрам! – крикнул он, махнув рукой. – Всего хорошего! Мне пора, до свидания! – и нырнул, предварительно снова сотворив головной пузырь: Фелксиопа могла оскорбиться и действительно совершить что-нибудь неприятное.

Гарри не боялся, но лишних неприятностей на свой зад находить тоже не хотел.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Он еще немного побродил по дну, нашел две крупные розовые ракушки и направился в сторону отмели.

Вот если бы Снейп был рядом – наверняка рассказал бы какую-нибудь историю про Посейдона или про сирен. Без него даже прогулка по морскому дну оказалась скучной.

Гарри устало вздохнул, вспомнив профессора, и вынырнул, на всякий случай опасливо осмотревшись. Сирены нигде не было видно – значит, можно выходить.

Он повернулся к берегу и расплылся в широкой довольной улыбке: Снейп сидел на песке рядом с его вещами и смотрел на море.

– Тебе испортили настроение? – спросил Гарри, достав ногами до дна и сделав пару шагов: выражение лица Снейпа резко диссонировало с умиротворяющим пейзажем – видимо, что-то случилось.

– А? – Снейп дернулся, обернулся и посмотрел на него изумленно.

– Поездка была неудачной, да?

– Нет! – его настроение явно было не самым радужным.

Гарри вышел из воды, плюхнулся на песок рядом и подставил лицо теплым солнечным лучам.

– А в чем тогда дело? – спросил он, покосившись на Снейпа; молчать с ним рядом было приятно, но сейчас он выглядел так, будто вот-вот взорвется.

Неприятное предчувствие царапнуло где-то под сердцем, но Гарри никогда не верил в плохие знаки, поэтому решил, что это проделки подсознания.

Вместо ответа Снейп стиснул в пальцах гарпун и отбросил в сторону; его лицо было перекошено, губы подрагивали – он казался ужасно расстроенным и злым.

– Что случилось? – Гарри поднял руку и хотел дотронуться до его плеча, но Снейп дернулся, словно опасаясь удара. – Да что такое?

– Что такое? – Снейп задышался от ярости; вчерашняя гримаса гнева по сравнению с тем, что сейчас выражало профессорское лицо, казалась жалкой пародией на настоящую злость. – Вот что такое! – он указал пальцем на вещи Гарри. – Я думал, что ты... Что с тобой что-то... Что я должен был думать?! – он глотал слова и запинаясь, но в этот раз его косноязычность Гарри не восхищала – напротив, пугала.

– ...ничего себе мнительность! Я... я всего лишь плавал!

– Всего лишь?! – перекрикнул его Снейп. – Я возвращаюсь, а в доме кавардак, на берегу твои вещи, но тебя, плавающего, я не вижу! Что я должен был подумать?!

– Что я изучаю морскую флору и фауну, – пожал плечами Гарри.

Оправдываться, не ощущая себя виноватым, ему не нравилось.

– Ты мог бы записку оставить!

– Зачем? Ты сказал, что у тебя дела, а я даже не знал, когда ты вернешься. Пришлось развлекаться так, как умею.

– Развлекаться, значит? – Снейп задержал дыхание и медленно выдохнул, явно подбирая слова: – Отлично. Надеюсь, ты найдешь подходящее развлечение на оставшиеся три дня твоего отпуска, – он встал и смерил Гарри сверху вниз знакомым взглядом, полным неприязни.

Это было не просто обидно – хотелось заорать и высказать мнительному ублюдку всё наболевшее.

– Да что с тобой такое? – выкрикнул Гарри. – Я тут, я живой и в порядке, я просто плавал и бродил по дну! Я же не маггл, который может утонуть в тарелке воды! К чему это выступление?

– Ты еще не понял? – Снейп сложил руки на груди – снова знакомая до боли поза! – и продолжил: – Я возвращаюсь в Египет!

– Почему, твою мать? – Гарри тоже поднялся и уставился на него, насупив брови. – Я же ничего плохого не сделал!

– Ты не исправим. Объяснять тебе про степень ответственности и уважение к чужому спокойствию бесполезно, посему... эх, – Снейп махнул рукой и направился в дом.

Гарри остался стоять, все еще не понимая, чем провинился, и ощущая себя полным и абсолютным идиотом. Он не принимал во внимание ни тот факт, что логика профессора была не совсем стандартной, ни что Снейп был импульсивным и раздражительным типом. Гарри бы в жизни не повел себя так – и точно не стал бы обвинять ни в чем не повинного человека в непредусмотрительности и черт знает чем еще. И наверняка не сообщил бы о том, что совместный отдых подошел к концу, даже не выслушав возражения!

Вот параноик! Самый настоящий.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Снейп вышел из дома пять минут спустя и посмотрел на Гарри, переминающегося с ноги на ногу у крыльца, ничего не выражающим взглядом.

За то время, что профессор собирал вещи, Гарри так и не смог придумать достойную его внимания речь и подобрать аргументы, чтобы убедить его остаться. Кроме мнительности, тот обладал еще и редким упрямством – переубедить Снейпа в чем-либо было делом невозможным.

Поэтому Гарри стоял и пялился на него, разрываясь от противоположных желаний: хотелось одновременно и побольнее ударить – хотя бы словом, – и, обняв, наговорить дурацких нежностей, чтобы он понял, что теряет.

Хотя ничего особенного не потеряет, конечно – Гарри прекрасно отдавал себе отчет в том, что его постельные умения куда ниже среднего, а уровень знаний недостаточен для того, чтобы Снейп посчитал его достойным собеседником.

– Ты сказал, – профессор первым нарушил молчание, – что я не должен... что если ты меня обременяешь – мне стоит всего лишь намекнуть. Так вот: ты меня обременяешь!

– Да неужели? – сразу же возмущившись, фыркнул Гарри. – Объясни – чем именно!

– Всем. Ты, Поттер, на редкость безответственен и слишком склонен к авантюрам. Вчера я понадеялся, что история с мотоциклом послужит тебе уроком – но нет. Я... счастливого отдыха, – он сделал два шага и – Гарри не успел ничего ответить – аппарировал.

Чудесная бухта с золотым песком и бирюзовым морем без Снейпа показалась Гарри на редкость унылой.

Он зашел в дом, с грустью посмотрел на кровати, которых снова стало две, на аккуратно сложенную на стуле одежду – педант хренов! – и понял: сколько бы он себя ни убеждал, что до свадьбы всего ничего, что Снейп сам считает случившееся курортным романом, а Гарри – неподходящей компанией – всё это глупости и бред, поскольку им нужно хотя бы поговорить.

Он переоделся в брюки и рубашку с длинными рукавами, собрал вещи в чемодан, уменьшил его, спрятал палочку за пояс и, мысленно пожелав себе удачи, аппарировал в Каир.

24

24. Египет

Часы на стене всё так же размеренно тикали, у дивана была всё та же золотистая обивка, а Гарри после аппарации всё так же мутило.

Он рухнул на колени, закашлялся и попытался справиться с тошнотой.

Когда дышать стало полегче – встал, вытащил чемодан, увеличил его до нормального размера и распахнул по карманам необходимое: бумажник, документы, повесил на шею кулон и, осмотревшись – Снейп тут явно не появлялся, – аппарировал на окраину Харги.

Жаркий пустынный ветер бросил Гарри в лицо горсть песка; спина и подмышки сразу же взмокли. Он чертыхнулся, наложил на себя освежающие чары и быстрым шагом направился в сторону окраины. После второго перемещения подряд тошнота усилилась, но Гарри посчитал это чем-то вроде епитимьи: плохое самочувствие не было искуплением, но напоминало о том, что он облажался. Самое правильное настроение перед встречей со Снейпом – если профессор все еще считает его виноватым, то наверняка оценит страдальческое выражение лица и искреннее раскаяние. Или почти искреннее.

Самостоятельно найти дом Гарри не смог; проблему решила монета, которую он протянул одному из играющих в мяч мальчишек. Неприметное жилище обнаружилось на соседней улице, но пришлось раскошелиться еще на горсть мелочи, чтобы отблагодарить остальных провожатых, увязавшихся за ним следом.

Двери легко открылись обычной «Аллохоморой»; Гарри помахал палочкой, проверив, нет ли следов остаточной магии, и грустно вздохнул: Снейп здесь не появлялся. При всем своем нарочитом аскетизме профессор вряд ли бы захотел задержаться дольше необходимого в доме, где не было даже туалета.

Минус одно место из длинного списка.

Гарри посмотрел на узкую койку и с чувством выругался, осознав, что с самого начала искал не там: если Снейп решил скрыться, то только Абефорт Дамблдор сможет подсказать, где он может находиться.

Мысль неожиданно воодушевила; вместо того, чтобы как-то подготовиться к визиту, Гарри просто взмахнул палочкой, собираясь переместиться прямо во двор дома Абефорта. Он не задумался о том, что в гости с пустыми руками не ходят, не предупредил Абефорта через камин о своем визите и аппарировал третий раз за день, хотя рекомендовалось не больше

двух аппаратов в сутки. То, что полагаться на собственную уже ставшую легендарной удачу не стоило, Гарри понял сразу же: напорвшись на охранные чары, он отлетел на несколько ярдов и пребольно грохнулся спиной на запыленную дорогу.

Спазм в глотке был таким сильным, что даже боль в спине не помогла отвлечься. Гарри согнулся вдвое, прижал руки к животу и едва слышно всхлипнул.

Страный Египет.

Хренов Снейп.

Нет, Снейп... без него это всё не имело бы смысла.

Гарри встал, отряхнулся, с грустью посмотрел на испачканный рукав рубашки и подошел к дверям, надеясь застать если не Снейпа, то хотя бы Абефорта.

И оказался прав.

– Гарри? – двери приоткрылись, и сразу стало понятно, что и тут Снейпа тоже не было: ярко-голубые глаза Абефорта распахнулись в явном удивлении. – Что ты здесь делаешь?

– Ищу Северуса. Он не у вас?... Простите, – его снова скрючило, и Гарри согнулся, схватившись за косяк и надеясь, что все же сможет сдержать рвотные позывы. – Черт!...

– Ты какой-то бледный, – обеспокоенно заметил Абефорт. – Заболел?

– Нет, – Гарри попытался улыбнуться, но получилась вымученная гримаса. – Я плохо переношу аппарацию, поэтому... вот.

– Стой здесь, – двери захлопнулись, и он уставился на бронзовый молоток в виде головы льва с кольцом во рту.

Гриффиндорцы оставались гриффиндорцами даже в Африке.

Абефорт вел себя странно – их, безусловно, сложно было назвать хорошими знакомыми, но Гарри привык, что его обычно приглашали войти, даже если он заявлялся в гости в неурочное время. Видимо, в отсутствии пиетета со стороны окружающих были свои минусы.

Он не успел додумать мысль, когда двери снова распахнулись, и ему в руку впикнули стакан с ядовито-зеленой пузырящейся жидкостью.

– Пей, – сказал Абефорт, – это зелье от желудочных проблем. Должно помочь.

Гарри благодарно кивнул и опрокинул стакан, залпом глотая прохладную субстанцию со вкусом мяты и эстрагона.

Тошнота сразу же исчезла, и дышать стало легче; от чувства облегчения он едва не взлетел.

– Спасибо! – выдохнул Гарри. – Огромное! Вы даже не представляете, как...

– ...на здоровье, – оборвал его Абефорт. – Так что ты хотел?

– Э-э... Северус не у вас? – радости в голосе заметно поубавилось, но, судя по выражению лица Дамблдора – тому было плевать на тон Гарри.

– Нет, не у меня.

– А вы не знаете, где его можно найти?

– А зачем тебе Северус?

Гарри, уже открывший рот, клацнул челюстью и поморщился. К такому вопросу он готов не был.

– Я... я ему должен восемнадцать тысяч евро, – ответил он после долгой паузы. – Хотел бы отдать.

Абефорт усмехнулся и протянул ладонь.

– Давай, я ему передам.

– Хм...

– ...ты мне не доверяешь?

– Нет, не в этом дело! – Гарри чувствовал, как медленно краснеет; ему стыло стыдно. – Просто с собой у меня денег нет, я смогу снять в банке только когда вернусь в Лондон! Но если вы скажете, где его найти – я туда перемещусь и все улажу.

– Можешь положить на мой счет в Гринготтсе, когда вернешься домой, – пожал плечами Абефорт. – Я с Северусом как-нибудь разберусь.

– Уф, – похоже, в этом маленьком состязании Гарри потерпел оглушительное поражение. Потоптавшись и мысленно выругавшись, он вздохнул и кивнул, соглашаясь. – Ладно. Он мне нужен не только из-за денег.

Абефорт прислонился к стене, сложил руки на груди, будто специально копируя манеры Снейпа, и посмотрел на Гарри вопросительно.

– Он ушел!

- Наверное, у Северуса были на то причины?
- Нет!.. Не знаю. Неважно. Он мне нужен.
- Ты хочешь перед ним извиниться?
- Простите, конечно, но это... вас не касается, – ответил Гарри, запнувшись. – Вы можете сказать, где он?
- Я не знаю, где Северус.
- А где он может быть?
- Он может быть в Австралии. Или в Шри-Ланке. Или на Аляске.
- Это вы так шутите? – уточнил Гарри; день был настолько странным, что можно было поверить даже в то, что брат непогрешимого Альбуса решит над ним поиздеваться.
- Нет, у него бессрочная открытая виза и... род деятельности, который предполагает регулярные путешествия.
- Открытая виза? Даже у меня нет открытой визы, а я – сотрудник Министерства!
- Британского Министерства. Здесь другие порядки и другие свободы.
- Чем он таким занимается, если у него открытая виза?
- Прости, но тебя это не касается, – повторил Абефорт недавнюю реплику Гарри без тени иронии или издевки. – Если он не посчитал нужным сообщить – значит, у него были на то свои причины.
- Ладно. Я так понимаю – вы все равно мне ничего не скажете, – Гарри просунул руку в карман и вытащил палочку. – Попробую поискать его в Асуане и в измирском хамаме. Не найду – отправлюсь в Министерство.
- Может, всё же объяснишь, что произошло?
- Нет, не объясню, – сказал Гарри упрямо.
- Позволишь мне высказать несколько предположений?
- Позволю... то есть, простите – да.
- Ты явно не чувствуешь себя виноватым – следовательно, Северус решил что-то в свойственной ему алогичной манере и хлопнул дверью, верно?

Он удивился прозорливости Абефорта. Нужно было очень хорошо знать Снейпа, чтобы сделать подобные выводы – и неплохо разбираться в людях, чтобы понять настроение Гарри.

– Примерно так. Хотя он объяснил... но я не согласен!

– И что именно он сказал?

– Что он за меня испугался... Не смотрите на меня так – я просто плавал в море! И на мне была куча защитных заклинаний! Мне ничего не угрожало.

– Ты ведь так и не понял? – улыбнулся Абефорт, пригладив бороду.

– А что я должен был понять? Я не испытываю чувства вины, вы правы. А с Северусом просто поговорить хочу. И разобраться, какого черта он ведет себя так странно!

– Ты ведь довольно хорошо его знаешь?

– Знаю... как-то. Потому что он ужасно скрытный тип, очень сложно понять, что у него на уме и чем он руководствуется, делая выводы!

– Мерлин! – хохотнул Дамблдор; в его голосе слышалось восхищение. – Я и не думал, что...

– ...Что? – спросил Гарри, так и не дождавшись окончания фразы.

– Что вы всё же... Ты ведь женишься в конце недели!

– Женюсь, – теперь ему стало по-настоящему неуютно. – И что?

Приблизительно так же Гарри себя чувствовал, когда его вызывал для бесед Дамблдор-старший.

– А ты думал о чувствах Северуса?

– Конечно!

– Ну так подумай еще, – он приоткрыл двери и сделал шаг внутрь, загородив дверной проём спиной. – Стой. Я сейчас вернусь.

Гарри снова уставился на львиную голову, пытаясь понять поведение хозяина дома. Что-то с Абефортом было не то: если бы не его пронизательность и манеры – можно было бы заподозрить кого-то другого под Оборотным зельем, но это совершенно точно был Абефорт. Только вот вел он себя исключительно странно. А его намеки, пусть и прозрачные, не дали Гарри ничего, кроме лишних сомнений в правильности случившегося

на острове.

Когда двери снова распахнулись, Гарри уже раздумывал над тем, что ему сделать – аппарировать, не попрощавшись, или все же постучать и напомнить о своем присутствии.

– Вот, возьми, – как и десять минут назад, Абефорт впихнул ему что-то в руку. На этот раз – флакон с темно-зеленой жидкостью. – Желудочная Шипучка. Одна капля на стакан, но при злоупотреблении вероятны побочные эффекты.

– Какие?

Он задумчиво потер висок.

– Не помню.

– Э-э... Спасибо.

– Кстати, я думаю, что Северус в Эмиратах.

– Где именно в Эмиратах? – оживился Гарри: это было хоть что-то, а что-то – лучше, чем ничего.

– В глубинке. У него там замок. Но ты все равно не сможешь туда попасть – там антиаппарационные чары на мили тянутся. Он туда переезжает, когда... в общем, там ты до Северуса всё равно не доберешься.

Спасибо за помощь, думал Гарри, взмахивая палочкой и аппарлируя в Асуан. Лучше бы он не приходил сюда вовсе: вместо ответов получил только новую порцию загадок, а загадки ему и так надоели до чертиков.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Он снова не задумался, произнося «Аппарейт», но на доме Снейпа вообще не оказалось охранных чар. Это было не просто странно, и Гарри проверил, есть ли здесь хоть какая-то защита. Оказалось, что периметр охранялся не хуже Министерства: заклинания наслаивались и дублировались – Гарри насчитал десятков только иллюзионных, – и большинство из них были сложными; значит, чары специально настроили так, чтобы он мог попасть внутрь.

Гарри улыбнулся, заходя в гостиную и ожидая увидеть там Снейпа, но улыбка тут же исчезла: тут его тоже не было.

На столе стояла кружка, из которой Гарри на прошлой неделе пил чай; настроение испортилось окончательно.

Если Абефорт был прав – а он, безусловно, не ошибался – то продолжать поиски не имело

смысла.

У Гарри оставалось еще три дня отпуска, и их стоило провести с пользой, а не перемещаясь из города в город без толку; он сел на диван, закрыл глаза и попытался внушить себе, что не переживает.

Тщетно.

Дело было не только в том, что любые отношения, по мнению Гарри, требовали определенности. Просто Снейп действительно был ему нужен. Пускай как просто знакомый, которому можно послать открытку на Рождество или поздравить через камин с Днем рождения – совсем не обязательно продолжать то, чем они занимались... секс, одернул себя Гарри. Они могут обойтись без секса. Но он не собирался забывать Снейпа. Ему необходимо знать, что профессор в порядке, что у него всё хорошо, что с ним можно связаться в случае необходимости. И если к тому, что их роман закончится к дню его свадьбы, Гарри готовил себя с первого поцелуя, то с нынешним поворотом событий был категорически не согласен.

Он встал, взмахнул палочкой и, уже кружась в разноцветном вихре, краем уха услышал какой-то странный звук, напоминающий стрекотание кузнечика – очень большого кузнечика.

В номере гостиницы Гарри приземлился аккурат на стеклянный столик, по которому сразу же пошла трещина; накладывая «Репаро», он с опозданием вспомнил, что в доме Снейпа было множество техники, а рядом с ней нельзя было колдовать.

Это, как ни странно, радовало: Снейп с его почти маниакальным желанием поучать вряд ли бы оставил порчу своего имущества без внимания. Значит, существует довольно высокая вероятность, что он заявится, чтобы прочитать нотацию о безответственности некоторых личностей.

В душ Гарри отправился, насвистывая песню из репертуара Селестины Уорбек.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

Вынырнув из сна с полетом на драконе, Гарри поначалу не мог понять, где находится. Он с трудом разлепил глаза, посмотрел на стену, куда падал свет луны из окна, и, издав протяжный стон, снова рухнул на постель. Всё тот же ненавистный номер, всё те же накрахмаленные простыни и шум города за окном.

Гарри повернулся на бок, искренне уверенный в том, что дело исключительно в негостеприимной атмосфере номера, а вовсе не в мыслях о Снейпе, которые то и дело всплывали в сознании, и снова закрыл глаза.

И сразу же услышал грохот.

Он вздрогнул, рука рефлекторно потянулась за палочкой – а потом кто-то щелкнул выключателем, и комнату залил яркий свет.

Гарри прищурился, прикрыв глаза ладонью.

– Ничего, что сейчас глубокая ночь? – пробормотал он, пытаясь разглядеть гостя.

Даже на лекциях в аврорской школе неоднократно упоминали, что в опасной ситуации главное – отвлечь врага любым доступным способом.

– Еще одиннадцати нет, – знакомый голос сочился сарказмом.

Гарри нашарил на тумбочке очки и сразу же напялил их на нос, расплываясь в улыбке.

Он вернулся!

Снейп в распахнутой галабее, из-под которой виднелись черные трусы и смятая майка, и съехавшем на бок голубом тюрбане стоял у входа в комнату, протягивая Гарри знакомое ведерко с мороженым.

– Нельзя оставлять пр... пр... про-дук-ты... вот, ты забыл, – сказал он.

И, покачнувшись, рухнул на пол.

25

25. Каир

Глава небечена, завтра заменю

Гарри оттранспортировал Снейпа в другую комнату, стащил с него тюрбан, галабею и, подумав, открыл окно. Перегаром от профессора несло так, что сомнений в причине его неадекватного поведения не оставалось.

Мороженое пришлось поставить в бар, предварительно наложив на него замораживающие чары – эх, хорошо все-таки быть волшебником! – после чего, хмыкнув и покачав головой, Гарри вернулся в свою комнату. Как только голова коснулась подушки – он провалился в глубокий сон.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

После утреннего душа жизнь казалась прекрасной: Снейп здесь – значит, все будет хорошо.

Гарри распахнул двери ванной, сделал шаг и впечатался в профессорскую грудь, обтянутую шерстяной мантией.

– Э-э, – протянул он, – а где твоя роскошная галабея?

– Трансфигурировал.

Снейп выглядел точь-в-точь как в бытность преподавателем, для полноты образа не хватало только обрамляющих лицо тяжелых прядей и пепельной бледности, в остальном – включая выражение лица – это был именно тот профессор Снейп, которого Гарри когда-то яростно ненавидел.

– Зачем? – ничего умнее под этим угрюмым взглядом в голову не приходило.

– Мне нужно выглядеть официально.

– Ты уходишь? – сердце ухнуло вниз и забилось в три раза чаще.

– Да.

Гарри опустил голову и уставился на гостиничные тапочки с вышивкой-вензелем. Все слова, которые он вчера подбирал для беседы, казались глупыми и наивными, а просто пялиться Снейпу в лицо не хотелось.

– По... почему? – пробормотал он.

– Вчера вечером я был несколько не... не в себе.

– Ты был пьян в стельку! – Гарри снова посмотрел ему в лицо. – И если скажешь, что просто принес мороженое – я тебя прокляну, честное слово!

– Мороженое?

– Блин, это ж сколько нужно было выпить, чтобы забыть?

– Не дорос еще меня осуждать. Сопляк.

Вот теперь сходство с тем-самым-Снейпом стало полным.

– Ладно. Я сопляк.

– И всегда им будешь, – голос был тихим – затишье перед бурей, как обычно.

– Если ты жалеешь, что вернулся, если у тебя ко мне еще есть какие-то претензии – скажи об этом, а не строй из себя ужас подземелий, – Гарри пытался говорить спокойно, чтобы не разозлить Снейпа еще сильнее – надежда его вернуть и так была призрачной. – Если я виноват – я извинюсь.

– Извинений недостаточно!

– Окей. Я учту все твои пожелания. В море гулять точно не буду. И... на мотоцикле ездить тоже. Другие предложения будут?

Профессор, который уже открыл рот, чтобы проорать что-нибудь еще, посмотрел на него, удивленно приподняв бровь.

– Я серьезно, – добавил Гарри. – Я хочу, чтобы ты остался.

Снейп молчал.

– И я понимаю твои чувства.

– Понимаешь? – тот будто ожил: хмыкнул, приподняв уголки губ, но ухмылка была слишком грустной, чтобы успокоить Гарри. – Расскажи мне, в таком случае, что я чувствую.

– Я думаю, что... ты переживаешь за меня. И поэтому вчера ушел.

– Это всё, что я, по-твоему, чувствую?

– Нет, но... расскажи мне, – Гарри сделал шаг и почти прижался к Снейпу, опасаясь дотронуться, но вдыхая его запах, от которого сразу же стало сложнее сохранять спокойствие – пусть видимое, – а внизу живота сразу же потяжелело. – Останься. Пожалуйста.

– Ты женишься.

Гарри облизнул губы и кивнул.

– Да. Но если ты хочешь, чтобы... Если нужно – я могу... Черт.

– Нет. Я не буду говорить тебе, что делать. Но я знаю, – он выделил это слово, – что ты женишься.

Гарри попытался представить себя на месте Снейпа – даже если он не влюблен... нет, даже если для него это просто секс – в подобных обстоятельствах Гарри было бы чуть хуже, чем паршиво. Вот как, значит. Вот о чем говорил Абефорт, вот из-за чего Снейп ушел.

– Ты из-за этого ушел? – спросил он.

– Нет. Я говорил, почему: ты безответственный и недальновидный тип.

– Не понимаю.

– Ты мог умереть! – прошипел Снейп ему в лицо, покачнувшись.

Гарри заметил, что его дыхание было свежим – никакого утреннего перегара. Наверняка этот перестраховщик таскает с собой кучу флаконов с зельями.

– Не мог.

– Идиот.

– Я не идиот. Но если ты хочешь на меня поорать – ори, чего уж там. Я переживу.

– Я волновался за тебя, ты, эгоистичный бесчувственный имбецил!

– А я вчера весь день аппарировал по стране – тебя искал.

– Ты!.. – Снейп фыркнул и отвел взгляд. – Ты не понимаешь.

– Понимаю, – сказал он как можно мягче. – Теперь понимаю. Правда. И я... я постараюсь больше не давать тебе повода переживать из-за меня, – Снейп хотел что-то сказать, но Гарри обхватил ладонями его лицо и заставил посмотреть себе в глаза. – Хочешь – можешь прочитать мои мысли. Ты мне нужен. Очень.

Черты лица Снейпа понемногу смягчались: глаза потеплели, складка у сжатых губ разгладилась, но он молчал, и Гарри, отчаявшись, решил использовать последний аргумент: зажмурился, снял очки, потер переносицу, пытаясь набраться решимости, и выдохнул:

– Трахни меня.

– Ч-что?

Он открыл глаза, приблизил губы к его уху и повторил:

– Я хочу, чтобы ты меня трахнул.

От собственных слов, от того, что смог это озвучить, Гарри испытал облегчение и одновременно с ним – всплеск желания. До этого момента он не признавал до конца, что готов, что хочет быть с Северусом по-настоящему, но стоило произнести нужные слова вслух – и всё словно стало на свои места.

– Я тебя хочу, – шепнул он, обдавая ухо Снейпа горячим дыханием – и вздрогнул, когда сильные руки сорвали обернутое вокруг его бедер полотенце и легли на ягодицы, стискивая, прижимая ближе, впечатывая в шерстяную ткань мантии.

Гарри отбросил очки куда-то на пол и охнул: только в подобные этому моменты приходило полное осознание, что он с мужчиной. У женщины не могло быть таких сильных рук и уверенных губ; женщина не смогла бы раскрывать его рот с силой и просовывать внутрь язык – сминая губы, заставляя поддаваться, подчиняя. Снейп целовал, изливая на Гарри всё сразу: злость, обиду, но и желание, и его открытость ужасно возбуждала, а острые, на грани боли, ощущения давали возможность почувствовать себя по-настоящему живым и поверить в то, что Снейп действительно здесь, рядом.

Гарри просунул руку к его шее и попытался расстегнуть верхнюю пуговицу.

Нестерпимо хотелось лишний раз коснуться, почувствовать под пальцами гладкость кожи, вдохнуть этот восхитительный запах – и дать понять Снейпу, сколько тот для него значит.

Гарри не собирался строить из себя опытного – да и Снейпа, похоже, устраивали его эротические умения, – но всё же опасался сделать что-нибудь неправильно. Поддрагивающие пальцы нервно выдергивали агатовые пуговицы из петель, в его рту все еще хозяйничал язык Снейпа, задницу так же сжимали сильные пальцы, член терся о сукно, что было почти больно – и Гарри с трудом разорвал поцелуй. В паху уже ныло, а стоять на ногах без поддержки оказалось сложно, но если бы Снейп опустил руку и просто дотронулся до его члена – Гарри бы кончил.

– Нет, – собственный голос оказался низким и хриплым, – теперь моя очередь.

Он опустил голову, чтобы уткнуться носом в обнажившийся изгиб шеи и провести по ней языком.

На вкус Снейп оказался замечательным: чистая кожа с легким горьковатым привкусом и тот самый запах в концентрации, сшибающей с ног – буквально.

– Можно? – он покачнулся, схватившись за воротник мантии, лизнул колючий подбородок и потянулся к следующей пуговице. – Можно тебя раздеть?

Вместо ответа Снейп произнес какое-то незнакомое Гарри заклинание, и мантия в одно мгновение испарилась, превратившись в облако черного дыма, которое сразу же растаяло.

Гарри отступил и склонил голову к плечу, оценивая зрелище: раньше у него не было возможности рассмотреть обнаженного профессора вот так, при свете дня. Снейп был худым, но не нескладным: стройный, загорелый – и с бледной, контрастирующей с остальным телом, кожей на бедрах и лобке. Островок коротких черных волос обрамлял стоящий почти вертикально багровый пенис; Гарри громко сглотнул, наткнувшись на него взглядом. Видеть Снейпа таким – обычным человеком из плоти и крови с выпирающими коленями, со шрамом на сгибе локтя, родинкой под правым соском – было странно; Гарри, несмотря на всё, что между ними было, по-прежнему его то возвеличивал, то демонизировал – в зависимости от настроения, – и только сейчас образы ублюдка из хогвартских подземелий и того мужчины, который умел лучше всех рассказывать восточные легенды и целовать так, что подкашивались колени – слились в один. Это всегда был Снейп: колючий, язвительный, заботливый и беспокоящийся гораздо больше, чем следует.

В груди что-то сжалось, а потом Гарри громко и с облегчением выдохнул, не скрывая восторг.

– Нравлюсь? – Снейп положил одну руку на плечо и выставил вперед ногу, будто специально имитируя позу Давида – во много раз более изящный, чем статуя Микеланджело.

За этим показушным позерством скрывалась нервозность; Гарри сделал шаг и кивнул.

– Ты красивый... очень.

– Дурак, – беззлобно ответил Снейп и снова потянул его к себе, целуя в лоб почти по-отечески. – И слепец.

– А ты болтун.

Профессор что-то промычал, когда его рот накрыли жадные губы, но Гарри обнял его за пояс и потянул к золотистому дивану, не обращая внимания на слабые протесты.

Предвкушение того, что должно случиться, подстегивало; Гарри смутно представлял, что последует дальше, но очень хотел попробовать – отдался, поправил он себя.

По-настоящему, всецело, чтобы Снейп поверил наконец в то, что для Гарри это чуть больше, чем роман. Вероятная боль не пугала, а сознание того, что его отымеет мужчина –

он ведь должен был ощущать хоть какой-нибудь протест, так? – напротив, наполняло радостным трепетом. Дело было исключительно в Снейпе. Никто и никогда не вызывал у Гарри подобного восторга, да и настолько острого желания – тоже.

Он обхватил ногами бедра Снейпа и выгнулся, впившись пальцами в его плечи, будто в спасательный круг. Гладкость кожи, вес тела, горячего и осязаемого, уверенность в том, что именно он, Гарри, причина сбившегося дыхания и горящих глаз Снейпа, – всё это заводило до головокружения.

Зарывшись пальцами в короткие волосы, он приоткрыл рот, всосал шершавый язык и приподнял бедра, толкаясь навстречу, тяжело дыша и вздрагивая каждый раз, когда чувствительная головка упиралась в жесткие волоски на лобке профессора; низкий утробный стон, который издал Снейп, вызвал волну приятной дрожи внизу живота. Гарри снова толкнулся, желая снова услышать этот замечательный звук – и еще раз, и снова – пока Снейп не зарычал, впечатывая Гарри в золотистую обивку дивана, широко раздвинул его ноги – сразу же заныли мышцы, – и вжался так яростно, будто хотел срастись с ним – костями, плотью – всем телом.

– Не так, – с трудом прошептал Гарри, выворачиваясь, – я хочу... иначе.

И секунду спустя оказался на спине: Снейп одним взмахом руки и едва заметным движением губ приподнял их обоих в воздух и перевернул; перед глазами все закружилось, и Гарри упал сверху, приложившись подбородком о твердое ребро.

Мощь профессорской магии поражала: даже сейчас он мог колдовать без палочки, тогда как Гарри наверняка и «Вингардиум левиоса» не осилил бы. Это вызвало новый всплеск восхищения и желания доказать, что он тоже чего-то стоит: усмехнувшись, Гарри скосил взгляд на его грудь и обхватил губами темный сосок.

То, как Снейп зашарил по кровати, запрокинув голову, воодушевило: Гарри приподнялся, облизнул пальцы, сжал ими второй сосок и хотел продолжить, но ему на голову легла рука и мягко подтолкнула вниз.

Гарри застыл, задержав дыхание. Он не собирался пробовать всё, но мысль о том, что придется сосать член, пусть и пугала, но не вызывала никакого отторжения.

– Нет? – уточнил профессор.

Гарри стряхнул с головы ладонь и сполз ниже, устраиваясь между его ног.

Диван был слишком узким и коротким для двоих, пятки упирались в бортик, а ногу Снейпа пришлось пристроить на своем плече, но дискомфорт не имел никакого значения – Гарри никогда не чувствовал себя настолько удобно.

Он обхватил ладонью член, снова поразившись, насколько приятно к нему прикасаться, и без лишних раздумий слизнул выступившую на кончике каплю – солоноватую и густую. Легкий запах пота и мускуса ударил в нос, вышибая из мозга остатки сомнений насчет правильности происходящего.

Гарри наверняка был не лучшим в мире любовником, а профессор наверняка испытывал в жизни куда более приятные ощущения, но одно только сознание, что Снейп позволил ему – попросил его! – об этом, почти довело Гарри до пика; пришлось просунуть руку между

ног и сжать мошонку в попытке унять возбуждение.

Он заглотнул член глубоко, насколько смог, повел губами вверх, скользя ими по влажной плоти, и едва не захлебнулся от восторга: оказалось, что касаться Снейпа губами и языком удивительно приятно; Гарри плавился от восхитительного ощущения этой нежной бархатистости под губами, от запаха и вкуса Снейпа, от того, что тот позволил – попросил! – об этом.

Если бы он знал, что Снейп будет шипеть сквозь зубы, сдерживая стоны, хватать его за волосы, направляя, вздрагивать каждый раз, когда язык касался уздечки, то намного раньше перестал бы мучиться сомнениями – и то, как Снейп реагировал на ласки, только подтверждало, что он все делает правильно.

Хотелось заставить его кончить, и мысль о том, что придется глотать сперму, Гарри вовсе не пугала. Челюсть заныла, а шея побаливала от ритмичных монотонных движений, подбородок и щеки были мокрыми от слюны, но он не собирался останавливаться – когда вдруг пальцы обхватили его ухо и легко потянули вверх.

Гарри с громким хлюпающим звуком выпустил член изо рта и вопросительно посмотрел на профессора.

– Что-то не так? – спросил он, сглотнув.

– Остановись, – Снейп, покрасневшийся, с приоткрытыми губами и затуманенным взглядом выглядел просто потрясающе, – я могу... я не хочу излиться тебе в... уф.

В этом старосветском «излиться» был весь Снейп – собранный даже в момент сильнейшего возбуждения.

– ...зато я хочу!

– Разве? – он приподнял руку, выставив указательный и средний пальцы и намекая тем самым на то, что должно было стать главным пунктом программы.

У Гарри к щекам моментально прилила кровь.

– У-уже?

– Да, – кивнул Снейп. – Встань... пожалуйста.

Гарри с трудом сполз с дивана и встал, глядя на профессора слегка осоловевшим взглядом и покачиваясь: стоять ровно оказалось почти непосильной задачей.

Снейп повернулся на бок и сел; он выглядел так, будто пытается сформулировать вопрос. Член торчал почти вертикально, и Гарри непроизвольно облизнулся, испытывая потребность снова коснуться его губами.

– Я... может, пойдём в кровать?

Гарри пришлось напрячься, чтобы оторвать взгляд от его промежности, и отрицательно покачать головой.

– Нет. Здесь, – хотелось снова почувствовать жар тела Снейпа; секунду поколебавшись, Гарри перекинул ногу через его колени и сел сверху, лицом к нему. – Прости. Тяжело стоять.

– Ты уверен? – теплые ладони обхватили его задницу, чуть сжали, раскрывая, и тонкий палец скользнул в ложбинку между ягодиц. – Мы еще можем остано...

– ...нет! – буркнул Гарри, обхватывая Снейпа руками за шею и приподнимая зад.

– Акцио, – лежащая на полу мантия зашелестела, и к ним подлетел тюбик, зависнув у уха Гарри. – Точно?

Тот замахал головой, снова прижимаясь к горячему телу; что бы Снейп не сказал, о чем бы ни попросил – Гарри готов был сделать что угодно: вселенная сжалась до размеров дивана и сидящего на нем Снейпа. В данный момент всё прочее не имело никакого значения.

Возможность прижиматься к нему вот так – лицом к лицу и член к члену – наполняла Гарри ощущением близости; когда смазанный палец нажал на анус, надавливая – он подался вперед, толкнулся членом в упругий живот и задрожал; возбуждение и так было чересчур сильным: яички поджались, а в паху ныло.

Когда Гарри коснулся губами щеки Снейпа – короткая щетина оцарапала губы. Он всхлипнул и вцепился непослушными пальцами в волосы профессора.

– Можно... уже? Я больше не могу, – Гарри с трудом мог произнести самые короткие слова. – Мне нужно... Пожалуйста!

– Нет, – Снейп надавил сильнее, втискивая кончик скользкого пальца внутрь, – еще рано.

Оба были потными, перед глазами все плыло, и Гарри пытался уцепиться взглядом за что-нибудь, но единственной точкой, все еще связывающей его с реальностью, были глаза Снейпа: яркие, горящие настоящим голодом.

Казалось, что мир вращается, и все ощущения сконцентрировались там, где в него проникали узкие умелые пальцы – два, а потом, вроде бы, три. То ли из-за того, что он так сильно хотел Снейпа, то ли благодаря тому, что после их прежних игр был подготовлен, но боли не было вовсе – только острое тягучее возбуждение, которое уже разрывало его на части: Гарри трясся, словно в ознобе, постанывал и подавался навстречу – и Снейп наконец сдался: медленно вытащил пальцы и приподнялся, придерживая Гарри за зад.

Ощущение потери немного отрезвило, но он все равно почти не соображал; только когда Снейп, осторожно придерживая его за бедра, заставил опуститься ниже, а в анус толкнулось что-то большое, гладкое и горячее – Гарри вскрикнул и понял, что да, сейчас Снейп его действительно трахнет.

В горле запершило от желания сказать что-то важное, но слова ускользали, и он молчал.

Снейп замер, глядя на него немного встревожено, и Гарри решился: закрыл глаза и качнул бедрами, ощущая, как его по дюйму медленно заполняет горячий твердый член. Оба тяжело дышали, и их дыхание смешивалось; Гарри потянулся к губам Снейпа, будто за поддержкой, и прижался к ним своими, даже не открывая рта – этого было достаточно: близость Снейпа странным образом успокаивала.

Боли он не чувствовал, хотя был к ней готов – только неприятное жжение. Гарри попытался расслабить мышцы, чтобы впустить член глубже, и вдруг громко застонал Снейпу в губы: головка проехала по простате, и волна чувственного удовольствия разлилась из паха по груди и выше, заставив его задрожать; это было ярче и острее, чем даже оргазм – чем что угодно.

– Северус, – выдохнул Гарри, когда насадился до основания. Он ждал, пока жжение пройдет, и оно не так чтобы мешало – Гарри все еще чувствовал давление на то замечательное местечко внутри, – я... я долго не выдержу.

Снейп довольно хмыкнул и, обхватив его бедра, потянул вверх. Это было лучшим поощрением: Гарри схватился за его плечи, охнул и снова медленно сполз вниз, стараясь плотнее прижиматься членом к животу Снейпа, потом приподнялся и опять опустился – на этот раз быстрее, и каждый раз вспышки удовольствия, казалось, становились все острее.

Снейп сместил ладони на его поясницу и смотрел в лицо Гарри, не отрываясь – будто впитывал каждую эмоцию, напряженный, как натянутая струна. С каждым толчком, когда Гарри двигался по его члену вверх-вниз, Снейп приподнимался навстречу, и это было глубоко, и сильно, и ошеломляюще прекрасно.

Гарри не успел понять, что кончает – оргазм накрыл его девятым валом, и он судорожно хватал ртом воздух, кончая Снейпу на живот и мечтая, чтобы это никогда не закончилось.

Только когда его дыхание выровнялось, Гарри поднял голову с профессорской груди и посмотрел на него хмельным взглядом. Снейп уже вытащил член, и это почему-то вызвало легкий укол сожаления.

– А ты? – спросил Гарри немного смущенно. – Ты ведь...

Он знакомо приподнял уголки губ в почти-улыбке и провел ладонью по его влажным волосам – спокойно и устало.

– Я успел еще до тебя, – Снейп обхватил его и прижал ближе, устраивая поудобнее. – Отдыхай, Гарри.

Его имя, произнесенное этим голосом, звучало лучше любого признания; Гарри зевнул и закрыл глаза.

Теперь точно всё в порядке. Северус рядом, а остальной мир может отправляться к черту.

Да, решил Гарри, засыпая. Главное у него уже есть.

Гарри открыл глаза и сонно поморщился: комната, в которой он проснулся, совершенно точно не была гостиничным номером. Смесь золотого и разных оттенков желтого слепила

глаза; нарочито роскошная обстановка комнаты – Гермиона наверняка назвала бы этот стиль «китчем» – были словно из восточной сказки о каком-нибудь султানে.

– Проснулся наконец?

Он обернулся на звук голоса и расплылся в сонной улыбке.

– Привет. Где это мы?

– В моем доме в Эмиратах. Ты спал, и...

– Ясно, – Гарри сел и охнул: неприятные ощущения в заднице живо напомнили о произошедшем; он бросил короткий взгляд на Снейпа и смущенно отвернулся.

Черт!

Он понадеялся, что секс решит все проблемы и разногласия, но увы – теперь не представлял, как смотреть Снейпу в глаза, зная, что отпуск вот-вот закончится. Тот, по всей видимости, подобных проблем не испытывал.

– Есть хочешь?

– Да.

Снейп щелкнул пальцами, двери распахнулись, и в комнату вошел мужчина в униформе дворецкого, лицо которого украшали роскошная борода и бакенбарды.

Гарри перевел взгляд на профессора и вопросительно приподнял брови – что, мол, происходит? Тот хмыкнул и махнул вошедшему рукой.

– Джордж, распорядитесь сервировать обед в большой гостиной... минут через пятнадцать.

Дворецкий поклонился, щелкнув каблуками.

– Десерт, мистер Снейп?

– Да, – тот посмотрел на Гарри и с полуулыбкой кивнул. – Шоколада побольше.

– Особые пожелания будут?

– Красное вино.

– И жареная картошка, – сказал Гарри, тут же прикусив язык – он в чужом доме, а не в ресторане. Может, Снейпу не нравятся гости с претензиями? – Ты ведь не против?

– Нет, – тот взмахом руки отослал дворецкого и присел на кровать, подобрав полы мантии.
– Ты хорошо себя чувствуешь?

Гарри решил, что жжение в заднице не стоит того, чтобы рассказывать о нем Снейпу. По крайней мере, пока тот не возжелает повторить.

Будто услышав его мысли, Снейп наклонился и мягко поцеловал Гарри в губы.

Это оказалось неожиданностью: раньше профессор не был склонен к проявлениям нежности вне постели, однако оказалось, что целоваться вот так – без расчета на продолжение – удивительно приятно.

Гарри потянулся, желая прижаться к нему и углубить поцелуй, но Снейп отстранился и, еще раз коснувшись его губ своими, шепнул:

– Позже.

Сердце сразу же забило быстрее, а вопросы, до того уже готовые слететь с губ, были забыты. Реакция собственного тела на близость Снейпа сбивала с толку: никогда и никто раньше не вызывал у него такого острого желания. Даже когда Гарри был по уши влюблен в Джинни и всё свободное время проводил с ней – даже тогда нужно было чуть больше, чтобы...

Он тряхнул головой, отгоняя неуместные воспоминания, и посмотрел на Снейпа.

– А... живые слуги? Это же... человек, да?

– У меня небольшой штат: несколько големов и три волшебника. Джордж работает здесь по контракту.

– Здесь – это?.. А, так это тот самый замок в Эмиратах, о котором говорил Абефорт, да?

– Абефорт говорил тебе о моем доме? Когда?

– Вчера. Я тебя искал, ну и решил спросить у него, где ты можешь быть. По правде говоря, он не сказал ничего, что могло бы мне помочь. Похоже, Абефорт решил, что ты будешь не рад, и...

– ..и что? – уточнил Снейп.

– Он знает о том, что мы... ну...

– Замечательное определение: мы «ну». Звучит, как военная шифровка, – он вытащил из внутреннего кармана конверт, держа его за угол двумя пальцами. – Кстати о шифровках. Пока ты спал, портье принес письмо.

Бросив взгляд на конверт, Гарри узнал аккуратный каллиграфический почерк Джинни и принялся оглядываться по сторонам в поисках палочки – нужно было что-то сделать, причем срочно. Если Снейп скажет еще что-нибудь о свадьбе – Гарри точно сквозь землю провалится от стыда. А такие случаи бывали, Биннс на истории магии рассказывал.

– Всё в тумбочке, – Снейп открыл верхний ящик, где обнаружилась палочка и уменьшенный заклинанием чемодан Гарри. – Твои вещи я упаковал и сложил. Надеюсь, не возражаешь?

Он не возражал бы, даже если бы Снейп раздал его одежду бедным; схватив палочку, Гарри подбросил письмо и поджег его «Инсендио». Долгие тренировки в архиве Аврората оказались кстати: письмо вспыхнуло, заискрилось и осыпалось пеплом на желтые простыни. Изумленное выражение профессорского лица искупало неловкость ситуации, и Гарри уверился, что поступил правильно – пока Снейп не открыл рот и не произнес:

– Как драматично, Поттер.

– Да, и...

– ...у тебя свадьба через три дня, ты с невестой уже неделю не разговаривал, она каким-то образом прислала тебе маггловское письмо – видимо, отчаявшись обнаружить тебя любым из привычных волшебникам способов, а ты его... сжег?

Гарри ожидал чего угодно, но никак не возмущения.

– Сжег. И обсуждать это не собираюсь, – он отложил палочку и натянул одеяло до подбородка. – Мне нужно одеться.

– Одевайся.

– Ты сидишь на одеяле. И я... голый.

– О... Я не подумал, что тебе может быть неудобно. Прошу меня извинить, – Снейп встал и, резко развернувшись, направился к дверям.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Гостиная оказалась еще более роскошной, чем комната, в которой Гарри проснулся. Антикварная мебель, несколько картин на стенах; дворецкий доверительным тоном сообщил, что в коллекции мистера Снейпа есть один Писсарро и несколько картин прерафаэлитов. Гарри в ценах на живопись не разбирался, но эти полотна совершенно точно были очень ценными. Жаккардовые обои, обеденный стол и стулья ручной работы, камин в рост человека, облицованный фресками с ручной росписью – все это стоило куда больше, чем Снейп, как считал Гарри, мог себе позволить.

Он не мог избавиться от ощущения, что его надули. Снейп не раз подчеркивал, что у него

достаточно средств, но стоимость такого замка и такой обстановки должна была исчисляться даже не десятками, а сотнями тысяч. Он наверняка ограбил в свое время Гринготтс – никаким честным трудом столько деньжищ заработать нельзя.

Гарри косился на него, запихивая в себя идеально зажаренную картошку-фри, и понимал, что задавать вопросы все равно бесполезно – Снейп в лучшем случае пообещает рассказать позже.

– Невкусно? – профессор положил вилку и нож на тарелку, и посуда тотчас испарилась: прислуга работала безукоризненно; на месте тарелки появилось блюдо с большим куском шоколадного торта. – Это для мистера Поттера, я уже наелся. Благодарю.

Блюде тоже исчезло. Гарри удивленно переводил взгляд со Снейпа на дворецкого, который стоял у стены. Если кто-то колдовал, то должен был делать это при помощи палочки, дворецкий же только изредка моргал и не двигался.

– Мне очень понравилось, – сказал он после долгого молчания, – спасибо. Просто... Ты ведь не объяснишь, да?

– Что именно тебя интересует?

– Всё. Откуда у тебя деньги?

– Нетактичный вопрос, мистер Поттер.

– Я так и думал, – Гарри отодвинул тарелку и схватил бокал.

Запивать фри красным вином он еще не пробовал, и в данный момент ему было плевать на манеры и правила этикета. Если Снейп продолжит смотреть на него, как на проштрафившегося хаффлпаффа, то получить удовольствие от еды все равно не получится.

– Торт тоже не попробуешь?

Гарри посмотрел на это шоколадное великолепие и отрицательно покачал головой.

– Нет. Спасибо. А...

– ...что?

– Ты мороженое из номера не забрал?

– Забрал, оно в кухне. Приказать подать?

– А можно просто ведерко и две ложки? – Гарри оттянул ворот футболки и громко выдохнул. – Не хочешь поесть мороженого на свежем воздухе?

– Я не... – Снейп запнулся на полуслове: – ...Хм. Я не возражаю.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

Он молча провел Гарри по дорожке через небольшой сад к озеру с беседкой в центре. Узкий висячий мостик выглядел ненадежным, но Снейп шел, не сбавляя шаг, и Гарри решил, что в лучшем случае промокнет – ну и ладно. Сад был зеленым и цветущим; ухоженные розовые кусты рядом с финиковыми пальмами выглядели странно, но в целом картина радовала глаз, поэтому Гарри решил придерживаться мнения о странном вкусе садовника при себе.

Воздух был наполнен ароматом цветов и зелени, а ажурные стены беседки защищали от посторонних глаз. Судя по всему, Снейп любил это место – Гарри решил, что и ему здесь нравится.

Он подтянул к себе одну из подушек, сваленных в углу, и сел, по-турецки скрестив ноги.

– Присаживайся. Мороженое будешь?

– Да, – Снейп, посмотрев на него сверху вниз, сел напротив; пауза оказалась гнетущей, и Гарри открыл ведерко.

Пломбир приятно охлаждал нёбо и таял на языке; всё это – беседка на воде, мороженое, шелест ветра, Снейп рядом с ним – должно было стать одним из тех моментов, которые называют лучшими в жизни, но Гарри не покидало ощущение тревоги. И в то же время он не мог отвести взгляд от профессорского рта: каждый раз, когда Снейп слизывал сладкие капли с губ, приходилось сдерживать порыв повалить его на подушки и наброситься с поцелуями. Останавливало его только то, что Снейп такое проявление чувств вряд ли оценит.

На пятой ложке Гарри не выдержал:

– Что-то случилось?

– Нет, – Снейп вытер уголки губ пальцами, и это вызвало очередной всплеск желания в паху.

Я озабоченный, подумал Гарри. У меня встают на пальцы. Он кашлянул в кулак, отгоняя наваждение, и спросил:

– Ты... расстроен чем-то? Если это из-за письма, то...

– ...нет, дело не в письме, – Снейп отложил ложку и посмотрел Гарри в глаза. – Нам нужно поговорить.

Сердце сжалось, и сразу стало тяжело дышать. Не зря он подозревал, что грядет буря – и вот, пожалуйста.

– Я слушаю.

– По поводу твоей свадьбы...

Гарри впился ногтями в ладонь, пытаясь сосредоточиться.

– Да?

– Я хочу, чтобы ты знал – я никаким образом не собираюсь... – Снейп перевел дыхание, и Гарри вдруг понял, что тема свадьбы вызывает затруднения не только у него: – ...я не буду препятствовать твоему браку.

– Э-э... Что ты имеешь в виду?

Снейп отвел взгляд и поморщился.

– Когда мы с тобой начали сближаться – я знал, что ты женишься. Я никоим образом не рассчитываю, что ты расторгнешь помолвку, и не собираюсь каким-либо образом чинить препятствия на твоём пути... – он запнулся и на этот раз не пытался продолжить.

Гарри смотрел на Снейпа, не мигая.

– Ты меня... выгоняешь?

– Да нет же, Поттер! Вероятно, в подобных вопросах я не слишком искушен, поэтому изъясняюсь недостаточно четко, – Снейп действительно выглядел немного растерянным, и у Гарри на мгновение мелькнула мысль, что он мог неправильно понять суть сказанного – но нет, все было кристально ясно. – Нам давно следовало обсудить, и...

– ...это не обсуждение.

– Не перебивай меня, будь добр. Я тебя не гоню – напротив, хотел бы, чтобы мы прожили здесь оставшееся время. Я отменил все дела, перенаправил сов в... неважно. Объяснил я только для того, чтобы ты не мучился угрызениями совести и не совершал драматических жестов под влиянием ложных умозаключений относительно моих желаний.

– То есть... ты хочешь, чтобы я женился?

– Неважно, чего я хочу.

– Для меня – важно.

– Важно то, что будет для тебя лучше. Я готов провести с тобой остаток твоего отпуска и

обеспечить тебе комфортный отдых. Надеюсь, ты не возражаешь против меня в качестве компаньона на оставшееся время... И больше я данный вопрос обсуждать не намерен, – он встал и нервным жестом потер переносицу. – Щелчок пальцами вызовет Джорджа, хлопок в ладони – горничную. Слуги проинструктированы тебе всячески угодать.

– А как позвать тебя?

– Меня не нужно звать – я и так все время рядом, – если это и была улыбка, то слишком грустная. – Я выйду тебе навстречу, здесь чар больше, чем в Министерстве.

После его ухода Гарри несколько минут рассматривал узор на решетке, а потом соорудил себе из подушек подобие кровати и лег.

Пришло время наконец подумать и разобраться со своими чувствами. Сказанное Снейпом должно было облегчить муки совести, но на самом деле только еще сильнее сбilo Гарри с толку.

27

27. Эмираты-Дамаск

27. Эмираты-Дамаск

Перегнувшись через перила, Гарри рассматривал стайки рыб, спящих в прозрачной воде.

Если Гарри правильно понял Снейпа – тот ожидал от него какого-то решения, только вот определиться с будущим за полчаса оказалось слишком сложно. На фоне появившихся в последние дни желаний, о наличии которых Гарри у себя даже не подозревал, чувства к Джинни казались обыденными: ни страсти, ни головокружения от ее близости, ни сбившегося дыхания – ничего, что случалось рядом со Снейпом. Но о нем Гарри почти ничего не знал. Чем он занимается, как зарабатывает на жизнь, кто он вообще такой – вопросы множились, а ни одного ответа Гарри пока не получил – и сомневался, что когда-нибудь получит.

Ужасно хотелось, чтобы Снейп попросил его остаться. Хотелось настолько, что Гарри грезил наяву, рисуя картины страстных признаний и объяснений. Единственное, в чем он был уверен – так это в том, что им никогда не будет скучно. Они наверняка будут ругаться трижды на дню, бить посуду и бросаться громкими словами, но Снейп ему никогда не надоест. Если попросит остаться. А он не попросит, поэтому мечты останутся мечтами, и Гарри вернется в Лондон, выслушает от Джинни уйму претензий, женится и проведет с ней всю жизнь – потому что должен. Если Джинни его не бросит после признания, а рассказать придется – он ведь честный, врать не умеет и... всё такое.

Он выпрямился, бросил еще один взгляд на беседку и направился в сторону замка. Солнце ласково грело, а не жгло – видимо, парк защищали регулирующие погоду чары. Гарри

остановился возле куста розового шиповника и вдохнул запах, напомнивший ему о доме – и о свадьбе.

Возможно, перекладывать ответственность за решение на Снейпа было малодушно, но он понятия не имел о том, чего тот хочет на самом деле. Может, для профессора это действительно просто секс, и после отъезда Гарри он безо всяких сожалений вернется к привычной жизни?

– Не хочешь прогуляться? – раздалось над ухом, и он вздрогнул.

Свойство Снейпа появляться абсолютно бесшумно временами пугало.

– Хочу, – кивнул Гарри, хотя на самом деле с куда большим удовольствием заперся бы с профессором в комнате и занялся чем-нибудь куда более изматывающим, чем прогулки.

Он мысленно одернул себя, напомнив, что Снейп вовсе не обязан разделять его желания, и улыбнулся немного натянуто.

– Если ты имеешь в виду прогулку куда-нибудь далеко – я не против, – добавил Гарри. – Я все равно собирался попросить тебя помочь мне с покупкой голема... или двух. Ты наверняка знаешь, где их можно купить.

– Голема? Зачем тебе голем?

– Хотел подарить... – он запнулся, вспомнив слова Снейпа о том, что вопрос свадьбы тот обсуждать не собирается: – ...мне нужно.

– Но у тебя же есть эльф, если я не ошибаюсь?

– Да, но Кричер – мой эльф, а голема я хотел подарить Молли. Она постоянно обслуживает кучу народа: готовит, убирает... В общем, ей бы пригодился слуга.

– Какая трогательная забота о будущей свекрови, – заметил Снейп язвительно, и Гарри поежился. – Можешь переодеться, если хочешь.

– А разве в Стамбуле тоже нужно закрывать руки и ноги? – он наклонился и посмотрел на свои шорты и сандалии. – Мы с Чарли...

– ...в Стамбуле дорогой рынок для празднующихся туристов, – перебил его Снейп, – а големов лучше всего покупать в Дамаске, там их производят. Хотя... мы попадем прямо на волшебный базар, а тамошние колдуны куда спокойнее относятся к светским условностям.

– Нет уж. Я лучше оденусь, – он еще помнил улюлюканье на улицах Каира. – И кошелек прихватю. Сегодня я плачу – и не вздумай возражать!

– Даже не думал, – голос был серьезным, но в глазах профессора плясали веселые искорки, и у Гарри сдавило горло.

Он точно не сможет просто уехать и забыть. Если бы Снейп хоть как-то дал понять, чего на самом деле хочет! Чертов параноик. Неужели он не понимает, как много значит для Гарри? За каких-то неполных две недели Снейп умудрился изменить его мир, и от осознания того, что скоро это закончится, хотелось биться головой о стены.

Гарри вяло улыбнулся ему в ответ и направился к себе в комнату, угрюмо бурча под нос про скрытных ублюдков, в которых ни в коем случае нельзя влюбляться.

.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....oo0oo.....

К вечеру Гарри устал так, словно весь день разгружал мешки с компостом.

Рынок в Дамаске был не таким впечатляющим, как в Стамбуле, зато там обнаружилось куда больше экзотических товаров, а продавцы улыбались и осыпали Гарри комплиментами, зазывая посмотреть товар. Он купил дудку для заклинания змей – просто так, вечноострый нож для Рона, летающие конфеты для Джорджа, шкатулку с предсказаниями – каждый раз, когда ее открывали, она выдавала очередное пророчество, – для Джинни, и бреющее зелье – для себя. Флакон, который ему всучил Снейп, уже почти закончился, а избавляться от лишних волос при помощи зелья оказалось куда удобнее, чем бритвой. Профессор снисходительно посмеивался, глядя на горящие глаза Гарри, и беззлобно комментировал покупки.

На рынке все пропахло ароматом пряностей. Стоило повернуться в сторону выхода, и Гарри обволок запах корицы, сделать шаг – и он чихал от перца, у лавки с мантиями пахло мускатным орехом, а чуть дальше, у старьевщика – кумином и розмарином.

Големы оказались тупейшими созданиями с минимальными базовыми знаниями об устройстве мира; Снейп объяснил, что их учат сами хозяева, и Гарри, поразмыслив, купил одного, а не двух, как собирался: вряд ли у Молли найдется лишнее время, чтобы заниматься их обучением. Он попросил продавца переправить голема на площадь Гриммо к двадцатому августа, обернулся к Снейпу – и в лицо сразу же пахнуло запахом сушеного базилика. Желудок недовольно заурчал, напомнив о том, что подошло время ужина.

– А здесь есть кафе? – спросил он, оттеснив Снейпа в сторону от толпы; каждый раз, когда к профессору кто-то прижимался, Гарри накрывало ревностью, замешанной на страхе, и собственные эмоции страшно раздражали – особенно то, что он не мог их контролировать.
– Я есть хочу.

– Вечно голодный спаситель – ничего нового, – сказал тот в сторону, и Гарри фыркнул: почему-то бурчание Снейпа перестало его раздражать. – Поедим, а потом я покажу тебе... кое-что.

Они вышли на улицу, и Гарри принялся вертеть головой, осматриваясь. Здесь почти ничего

не напоминало о Сирии – кроме жары, – а вот вывеска над магазином со сладостями, звенящая и меняющая цвет, была явно волшебной. Он вытащил из кармана палочку, чтобы освежить охлаждающие чары, и посмотрел на Снейпа вопросительно – можно ли? Тот кивнул.

– Это волшебный квартал. В Дамаске много волшебников, но Сирия всегда была... – запнувшись, Снейп остановился возле гостеприимно распахнутых дверей небольшого кафе.

– ...была – что?

– Маггловское правительство Сирии часто воевало, а волшебники по натуре своей, как ты знаешь, крайне инертны. Они не хотели вмешиваться, поэтому в начале двадцатого века отделили небольшой участок земли под Дамаском, скрыли его чарами и съехались сюда. Город рос, и постепенно вышло так, что пригород стал частью столицы.

– Но... не понимаю. Если им было плохо в Сирии – почему они не переехали в другие страны? В тот же Египет или Турцию?

– Здешние маги в некотором роде пацифисты, но все же патриоты. Кроме того, семьи арабских волшебников традиционно большие, как и маггловские.

– Ага, ясно, – Гарри понимающе кивнул и взялся за ручку двери. – Мы идем есть?

– Иногда у меня складывается ощущение, что я веду урок Зельеварения, а ты, как и в школе, не слушаешь.

– Не поверишь, – хмыкнул Гарри, – временами со мной случается то же самое. Но на самом деле я слушаю, – он сделал шаг и шепнул: – Обожаю тебя слушать.

Щеки Снейпа едва заметно порозовели, и это выглядело настолько мило, что Гарри сделал мысленную заметку повторить при случае – подобная реакция на невинное замечание была лишним доказательством того, что профессору не всё равно.

Традиционная еда показалась Гарри удивительно вкусной. Проглотив еще один кусок нежнейшей баранины, он с удивлением понял, что ему нравится Османия. И дело было не только в том, что Снейп был рядом – просто теперь Гарри знал, что Александрийскую библиотеку не зря называли «Великой», что сфинксы не врут, а сирены на самом деле существуют, и больше не мог смотреть на местных жителей с типичным для европейского туриста снисхождением.

Он запил мясо стаканом прохладного апельсинового сока и, улыбнувшись, сказал:

– Было бы неплохо пожить здесь подольше.

– Совсем недавно ты готов был вернуться в Лондон и клялся больше никогда сюда не

приезжать. Что случилось?

Ты случился, подумал Гарри.

– Ты помог мне понять.

– И что же из моих многочисленных рассказов тебя впечатлило?

Гарри задумался, глядя на занавески из бусин, которые тихонько звенели, покачиваясь от сквозняка.

– Сложно сформулировать. Ты... ты действительно любишь Османию.

– Люблю, – просто согласился Снейп.

– Здесь спокойно, красиво, но при этом множество всяких штук, о которых я никогда даже не слышал. Хотя, – он улыбнулся, – может, дело именно в тебе. Ты бы и в Исландии чувствовал себя как дома.

– Не думаю. У Исландии подписан пакт с британским Министерством о выдаче преступников.

Гарри напрягся, понимая, что ступил на зыбкую почву. Раньше Снейп никогда не соглашался объяснять, почему переехал именно в Османскую империю. Гарри считал, что выбирал Абефорт – но, видимо, ошибался.

– Ты... скрывался?

– А ты думаешь, что если я вдруг выскочу из камина в холле британского Министерства, то меня встретят с овациями и наградят орденом Мерлина первой степени?

– Нет, но... Ты ведь не преступник!

– Возможно. А, может, и нет. В любом случае, в Великобритании я не смог бы жить так, как здесь. И получал бы традиционные вопиллеры по несколько штук на день.

– Тебе слали вопиллеры?

– Поскольку официально я умер, то уже несколько лет их не... не слышал.

– А в Хогвартсе? Разве хоть раз?... я бы запомнил, точно.

– Поттер, тебе двадцать четыре, а ты продолжаешь мыслить категориями школьника. Вам почта доставлялась за завтраком, преподавателям – в личные покои. Редкий праздник обходился без парочки красных конвертов с наилучшими пожеланиями Упивающемуся смертью.

– В школе? Но... как такое возможно?

– Уверяю тебя: вопиллеры были не самым худшим. Как-то мать одного из моих первокурсников, – в слове «моих» слышалось нетипичное для Снейпа тепло, – узнав, что Шляпа определила ее чадо именно в Слизерин, прилетела в школу и целый день третировала Альбуса, требуя перевести ребенка на другой факультет. Ибо я растлитель и убийца... хотя мое увольнение ее тоже устроило бы.

– Ужас, – Гарри поморщился. – Я даже не представлял, что... Мы же только на четвертом курсе узнали, что у тебя была метка. А до того... Уф.

– Вы были детьми. Ты рос с магглами, Грейнджер – магглорожденная, а Уизли считали неправильным обсуждать с детьми их преподавателей. Тогда как некоторые родители студентов Слизерина заседали в Визенгамоте, когда меня судили. И именно они принимали решение о том, упечь меня в Азкабан или помиловать, пока на сцене не появился Альбус. Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я не стремлюсь обсуждать с тобой за кружкой сливочного пива радостные дни твоего детства?

– Извини.

– Всё нормально. Неудивительно, что ты не знал – ты... был занят другими вещами.

– Ага. Нарушал школьные правила, – раз уж Снейп так разоткровенничался, Гарри решил уточнить: – Значит, Египет выбрал ты?

– Нет, Абефорт перенес меня сюда, а потом мне было не до переездов. Я был... занят.

– Чем?

– Работал.

– Кем?

Снейп вопросительно приподнял брови, давая понять, что этот вопрос давно закрыт для обсуждения.

– Ладно, – Гарри встал и вытащил из бумажника пару банкнот. – Спасибо за ужин. Ты, кажется, обещал мне что-то показать?

– У нас еще есть время пройтись по волшебному кварталу. Здесь изумительно красивые дворы, типичные для древнего Дамаска, но с легким флером магии. Тебе понравится.

– А нас не накажут за вмешательство в частную жизнь? Я бы не был рад, если бы в мой двор вломились какие-то туристы.

– Нет, – хмыкнул Снейп. – Нас... точно не накажут. Пойдем.

28

28. Дамаск

Сегодня выложены две главы, обе не бечены, позже заменю.

– Почему ты не купил ковер в Дамаске? – спросил Гарри, проходя следом за Снейпом в арку.

– Здесь нет больших ковров из дорогих материалов, – ответил тот, будто это что-то объясняло, – только небольшие, на одного... Вот, – он отступил в сторону, и Гарри приоткрыл рот от восхищения.

Двор был чудесным: фонтан с журчащей водой в центре, апельсиновые деревья, окошки с яркими занавесками и качели, на которых раскачивалась девочка лет десяти.

– Действительно красиво... – он проглотил фразу о том, что это – идеальное место для жизни большой семьей с кучей детей. – ...А почему ты сказал, что нас не накажут?

– Потому что мы, туристы, – основной источник дохода здешних волшебников.

Девочка перестала раскачиваться, ловко спрыгнула с качелей и направилась в их сторону. В ее пышных волосах были вплетены цветные ленты, которые оттеняли смуглую кожу и темные глаза, и Гарри невольно улыбнулся, делая шаг навстречу. Она была похожа на Гермиону – особенно умным взглядом – а Гарри понятия не имел, как стоит обращаться к юным леди, тем более – в арабских странах.

Девочка остановилась и посмотрела на него, прищурившись.

– Привет? – Гарри колебался – если бы он был в Барисе, то предложил бы ей пару монеток, но здешние волшебники явно не нуждались; толстый откормленный кот, лежащий на крыльце, зажмурился и мяукнул, и девочка обернулась.

– Вечно голодный, – сказала она, сделав еще один шаг. – Не вы – кот. Здравствуйте.

Гарри поежился. Он никогда не слышал о легиллиментах, которые могли считывать мысли без заклятий, тем более – детях, но ничего не знал об особенностях магии у здешних волшебников – мало ли?

– Мы зашли посмотреть на ваш двор, не возражаешь? – спросил он осторожно.

– Нет. Хотите ... – девочка сняла с шеи ожерелье из деревянных бусин и протянула его Гарри: – ...это? Я сама его сделала. Из персиковых косточек.

– А оно особенное?

– Ага, – она подошла еще ближе и аккуратно надела ожерелье Гарри на запястье. Оно тут же сузилось и обхватило руку точно по размеру. – Видите?

– И как я его сниму?

– А просто захотите – и получится.

Гарри мысленно пожелал снять браслет, и он тут же растянулся в длину, свободно повиснув на запястье.

– Какое интересное колдовство, – улыбнулся он. – Сколько?

– Это, – девочка покосилась на Снейпа, – подарок. Но вы можете заплатить, если хотите.

Гарри посмотрел на профессора вопросительно, но тот молчал, и он вытащил из кармана бумажник и достал пару купюр – явно больше, чем стоило ожерелье.

Кот выглядел так, будто внимательно слушает их беседу. Это мог оказаться анимаг, поэтому Гарри с усилием отвернулся, решив, что пялиться невежливо, и протянул девочке цветные бумажки.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – они неуклюже поклонилась, снова напомнив ему Гермиону, взяла деньги и вернулась к качелям.

– С ума сойти, – пробормотал Гарри, поворачивая к арке. – Не представляю, чтобы какой-нибудь английский ребенок так себя вел.

– Если бы я мог зарабатывать в ее возрасте, то наверняка вел бы себя куда более навязчиво, – Снейп вышел на улицу и остановился. – Хотя... твоё детство было таким же убогим, как мое – ты должен понимать.

– Я... давай не будем о плохом, ладно? Пойдем?

– Да. Нам направо, – Снейп махнул рукой в нужную сторону. – Если хочешь – можем купить пару бутылок воды.

– Значит, там, куда мы направляемся, нет никаких магазинов, так?

– Гар-ри, я не предлагал угадывать. Я всего лишь хочу показать тебе одно из чудес света.

– Всего лишь, – пробормотал он, – ну конечно.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

– Они же были затоплены! – Гарри стоял на площади и, открыв рот, рассматривал здание: высокие мраморные колонны поддерживали широкие платформы с растительностью; постройка выглядела новой, будто не стояла здесь почти три тысячелетия. – Хм? – он повернулся к Снейпу. – Я могу ошибаться... я наверняка ошибаюсь, и ты уже можешь начинать язвить по этому поводу, но... разве Вавилон был не там, где сейчас Багдад? Биннс говорил, что висячие сады Семирамиды разрушены... и я уверен, что их построили в Вавилоне.

– Вавилон несколько южнее Багдада, и – нет, ты не ошибаешься, – он едва заметно улыбнулся, – это новодел. Здешние волшебники отстроили сады Семирамиды в начале двадцатого века, рассчитывая привлечь туристов. Они несколько просчитались: туристам неинтересно восстановленное чудо, им подавай настоящие. Поэтому здесь обычно пусто.

Гарри кивнул, с восхищением глядя на здание. Ему-то было все равно – настоящее оно или отстроенное.

– Мы сможем зайти внутрь?

– Разумеется, – Снейп выглядел довольным, – я снял сады на этот вечер.

Гарри подавил удивленный взглас и прошел за ним следом: профессор не переставал поражать его умением устраивать неожиданные сюрпризы, и чем дальше – тем более впечатляющие. Пусть эти сады были ненастоящими, но сам факт того, что Снейп снял их для Гарри, восхищал. Никто так не заботился о нем раньше – да, Гарри были рады видеть, дарили подарки, интересовались его мнением, но ни разу не было ощущения, что это – специально для него и только для него.

Они прошли весь этаж, рассматривая деревья и цветущие кусты. Наверху, под потолком, сияли специальные волшебные лампы с разным светом: где-то – желтым, а в некоторых местах – голубым; пару раз, оступившись, Гарри чуть не грохнулся в один из орошающих растения ручьев.

Снейп остановился у большого платана, увитого лианами, и задрал голову, глядя на его крону.

– Спасибо за то, что привел меня сюда, – сказал Гарри в обтянутую тонким льном рубашки спину, когда пауза затянулась.

– Не за что, – Снейп даже не обернулся.

– Знаешь, – Гарри помедлил и, сделав глубокий вдох, продолжил: – ты потрясающий.

Снейп остановился и резко развернулся; они едва не столкнулись носами.

– С чего бы... это?

– «Это» – это что? – хитро улыбнулся Гарри, придвигаясь ближе и почти касаясь его щеки губами.

– Поттер... – он сделал пару шагов в сторону, остановился у дерева и снова отвернулся; Гарри решил, что смущать Снейпа ему ужасно нравится. – На первом этаже посажены тропические деревья и кустарники.

– Я вижу.

– Мне молчать?

– Нет-нет, говори, я ведь... ты знаешь, как мне нравится твой голос.

Снейп кашлянул и продолжил:

– Семирамида была волшебницей, – он поглаживал мясистый лист эвкалиптового дерева, и Гарри не мог оторвать взгляд от его пальцев, скользящих по листу с удивительной нежностью. – И довольно некрасивой. Но она умела варить зелья, и только поэтому ей удалось охмурить Навуходоносора.

Гарри стряхнул наваждение и улыбнулся.

– Ты хочешь сказать, что мне стоило любить твой предмет, да?

– Нет.

– А... то есть сад построили для того, чтобы у Семирамиды под рукой всегда были свежие ингредиенты?

– Вообще-то я не задумывался о ее подспудных мотивах – меня вполне устраивает официальная версия о тоске по зеленым склонам гор. Но, может, ты и прав.

Несмотря на открытое со всех сторон пространство, здесь было влажно и душно – наверняка для поддержки нужного растениям климата, но, вытерев уже в третий раз испарину со лба, Гарри махнул рукой в сторону мраморной лестницы, устеленной широким бордовым ковром.

– А... можно вверх? Я здесь уже все осмотрел.

.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....0000.....

На втором этаже были высажены местные растения, на третьем – горные, и там оказалось настолько холодно, что Гарри обнял себя за плечи и, сцепив зубы, заинтересовался, можно ли подняться на крышу.

– Разумеется, можно. Ради этого я тебя сюда и привел, – Снейп махнул рукой, и деревья расступились, открывая проход наверх.

Гарри ожидал увидеть кусочек Арктики – или Австралии – но, выйдя на крышу, огороженную высоким бетонным забором с бойницами, громко охнул. Вся поверхность была устелена ковром из цветов, которые составляли какой-то сложный узор. Здесь были одуванчики и розы, хризантемы и орхидеи, и все это пахло, навевая воспоминания о хогвартских теплицах. Узкие тропинки вели к большим шестиугольным ваннам; возле каждой стояло несколько лежанок.

– Красота! А зачем здесь бассейны? Это для сбора дождевой воды, да? Для полива?

Снейп покачал головой, усмехнувшись.

– Это обычные ванны.

– Здесь кто-то купается?

– По слухам, купание в здешних ваннах приносит удачу, но я подозреваю, что эти слухи распространяют и поддерживают сами местные жители. Пойдем.

Снейп провел его по тропинке к ближайшей из ванн, остановился и принялся расстегивать пуговицы на рубашке – так, будто купание на крыше садов Семирамиды было для него обычным делом.

– Э-э... ты собираешься здесь мыться? На глазах у всего Дамаска?

– Положим, весь Дамаск нас не видит, даже волшебники не видят – помимо забора здесь множество скрывающих чар. И мы здесь одни. Но если ты не хочешь, – он снял брюки и отбросил их на лежанку, – можешь просто позагорать.

Ну уж нет, думал Гарри, раздеваясь и старательно отводя взгляд от паха Снейпа – ему было интересно, собирается ли тот разоблачиться полностью, но пляться казалось невежливым. Судя по всему, наготы стыдился только Гарри: Снейп разделся и, держась за бортик, опустил в пузырящуюся воду, которая сразу же забулжила.

Минуту спустя Гарри полулежал в воде, искоса поглядывая на профессора. Осознание того, что Снейп голый, мокрый и, вроде бы, в подходящем настроении, спокойствия не прибавляло. Хотелось к нему притронуться, слизнуть с его щеки каплю воды, провести рукой по его волосам, прижаться – сделать все те вещи, о которых Гарри думал, не переставая. И сдерживало только то, что реакция Снейпа на приставания могла оказаться

какой угодно – кто его разберет? Может, он вправду только покупаться решил?

Гарри снова на него посмотрел и облизнул губы. Ну да, они утром занимались любовью, и задница все еще побаливала, но мысль о том, что Снейп ждет от него проявления инициативы, настойчиво всплывала на поверхность.

Вздыхнув, Гарри оттолкнулся от стенки и подплыл к нему, на ходу пытаясь состроить невинную мину.

– Поттер? – слово прозвучало за мгновение до того, как Гарри схватился за бортик и практически впечатался в худое мокрое тело.

– Ой. Извини, – вопреки собственным словам, он обнял Снейпа за шею и прижался к нему сильнее. – Хм. Прости... черт, – чтобы удержаться на воде, пришлось обхватить его еще и ногами.

Снейп смотрел на него с хитрой усмешкой, явно ожидая продолжения.

– Раз уж мы тут оба... обнажены – можно тебя поцеловать? – выпалил Гарри.

– Похвальная предупредительность, – фыркнул Снейп, обнимая его за пояс. – На всё прочее ты тоже будешь спрашивать разрешения?

– А нужно?

– Если бы я знал, какие именно методы воспитания действуют на тебя наиболее эффективно, то...

– ...соблазнил бы меня еще в школе? – выдохнул Гарри в притворном ужасе.

– Я не совращаю детей... Какая идиотская тема для беседы. Предлагаю заткнуться и заняться делом.

Гарри не возражал.

29. Дамаск

Гарри едва слышно вскрикнул, когда ладонь Снейпа сжала его зад – все же стоило выпить какое-нибудь зелье, – и профессор посмотрел на него с оттенком удивления во взгляде.

– Что-то не так?

– Все так, просто...

– ...Поттер, твою мать! – Снейп моментально разжал руки и, развернувшись, подплыл в

лесенке, ведущей вверх. – Вылезай немедленно!

– Но...

– ...заткнись! И вылезай.

Гарри фыркнул, но все же сделал, что говорили: судя по всему, Снейп был зол, а злой Снейп был способен совершить множество неприятных вещей.

– Ложись.

– Куда? – Гарри посмотрел на деревянную лежанку и покачал головой. – Знаешь, я бы... нет.

– Что «нет»?

– Я не хочу, чтобы... В общем, нет. Я не буду.

– Поттер, ты, недалекий и неразумный мальчишка, немедленно! Я должен был догадаться, что ты не скажешь – как же, гриффиндорцы привыкли терпеть боль! Но степень твоего идиотизма настолько велика, что ты... решил усугубить! – Снейп глотал слова и бешено жестикулировал, что было бы забавно, если бы его гнев был направлен не на Гарри. – Немедленно!

– Нет, – упрямо сказал он. – Я не... не собираюсь подставлять тебе свою задницу.

– Ты ее уже мне подставил, идиот!

– Поэтому и идиот, да? – огрызнулся Гарри. – Охренительное проявление заботы – обматерить меня и разложить на кушетке! Спасибо, я как-нибудь сам справлюсь.

Снейп схватил палочку, призвал свои брюки и вытащил из кармана небольшую жестяную коробку, в которой что-то грохотало.

– Это зелье, – он открыл крышку, вытащил небольшой пузырек и ткнул его Гарри под нос, демонстрируя густое прозрачное содержимое, – если нанести его неправильно, вызывает изменения в тканях! Поттер, ты или ложишься, или...

– ...или что? Оглушишь меня «Ступефаем»?

– Великолепная идея, – Снейп взмахнул палочкой, и Гарри осел, словно куль с мукой, теперь уже не только смущенный, а и разъяренный – да как он посмел? Да какого вообще черта? – Я тебя освобожу, как только осмотрю... и не стоит метать в меня молнии – твои глаза прекрасны, но не настолько, чтобы меня околдовать! Мобиликорпус!

К счастью, он подстелил трансфигурированное из рубашки полотенце, и оно смягчило

падение, зато Гарри пребольно ударился щиколоткой и даже зашипеть от боли не смог; его лицо пошло красными пятнами от злости и смущения.

Черт, Снейп точно извращенец, подумал Гарри. Кому может понравиться рассматривать чужой анус?

Доски больно давили на ребра, а широко раздвинутые ноги вызывали нездоровые ассоциации: в какой-то момент у Гарри промелькнула мысль, что примерно так же себя чувствует поросенок на вертеле.

– Наружных повреждений нет, – Снейп осторожно раздвинул ягодицы и склонился над ними; Гарри задницей – буквально – почувствовал тепло его дыхания. – Наверняка внутренние. Я нанесу мазь.

Гарри мысленно выматерился и сцепил зубы. Ладно. Если постараться, то можно представить, что это элемент эротической игры. Хотя – и представлять не нужно. Снейп, заглядывающий ему в зад, вызывал желание раскрыться еще сильнее, выставив себя на обозрение, и пусть заводится от такого было ненормально, но...

На член «Ступефай» не действовал, и теперь лежать стало еще неудобнее.

А когда скользкие пальцы аккуратно коснулись ануса – Гарри захотелось побиться лбом о лежанку.

Ну какого же, какого же гоблина Снейп не снимает чары? Гребаный Снейп, это же так унижительно – лежать лицом вниз, выставив задницу напоказ! Он наверняка наслаждается процессом – вон как дыхание участилось... или злится?

Гарри попробовал застонать, но получился только сдавленный громкий вздох.

Гребаный Снейп!

Пальцы поглаживали нежную кожу вокруг сфинктера, равномерно втирая прохладную мазь, и Гарри все больше возбуждался. Он смирился с тем, что Снейп сверху – ладно; с тем, что профессор всегда прав – хорошо, но мнение Гарри он ни черта не уважает! Сволочь!

Если бы он был не под заклятием – уже сам бы набросился на Снейпа, и хрен с тем, что будет больно. Беспомощность раздражала, но и заводила одновременно, и из-за этого противоречия внутренности скрючивало в тугий узел, хотелось орать – и чтобы Снейп действовал грубее, а не так – мучительно медленно и осторожно размазывая мазь по чувствительной коже – чуть щекотно, едва касаясь, но приятно до дрожи в коленках. Гребаный, гребаный Снейп!

Когда профессор, осторожно помассировав вокруг ануса, просунул скользкий палец внутрь – черт, это всего лишь лечебная мазь! – Гарри все же взвыл и смог дернуться.

Если сильно захотеть, то даже невербальные и беспалочковые заклятия срабатывают.

Он хотел сильно – сильнее, чем когда-либо. И когда Снейп вытащил палец, чтобы капнуть еще немного зелья – Гарри рванулся, мысленно выкрикивая «Фините Инкататем», и все же смог сбросить чары.

– Тычертовгад! – заорал он, привстав и пытаясь увернуться. – Я тебя убью!

– Не убьешь, – Снейп навалился сверху и резко дернул рукой, снова просунув палец, на этот раз – куда более грубо.

Именно так, как Гарри хотелось.

Он хотел проорать что-то еще более неприятное, но Снейп надавил на простату, и получилось только нечленораздельное бормотание, что-то вроде «Умбпфхх-х-х».

– Хороший мальчик, – Снейп приподнялся, и, не меняя позы, вылил остатки мази из флакона прямо в ложбинку между ягодиц Гарри. – Лежи смирно, я сейчас закончу.

– Сволочь!

– Вероятно, ты прав, – он снова двинул рукой, и у Гарри перед глазами засверкали яркие вспышки. – Но я не могу оставить тебя в таком состоянии.

– В каком? – судя по ощущениям, он был смазан и снаружи, и изнутри, а Снейп продолжал двигать рукой, каждый раз посылая разряды чувственного удовольствия из паха в позвоночник. – Признай, что... тебе... это... просто, ох! Нравится!

– А тебе разве нет? – Снейп просунул свободную руку Гарри под живот, резко приподнял – так, будто тот был не тяжелее котенка – и уверенным движением обхватил его твердый член. – Лжец.

– Но ты мог бы меня послушать и-и-и... – речь превратилась во вскрик, когда Снейп снова коснулся простаты подушечкой пальца. – Ах-х-х, сволочь!

– Я говорил, что... – он встал на колени позади Гарри, касаясь его только руками и не прекращая ритмичных движений: – ...что люблю, когда ты теряешь контроль и лепечешь какие-то глупости?

Гарри предпочел промолчать – не назло, просто язык не слушался, а из горла вырывался только сдавленный хрип. Одного пальца было недостаточно, и все это: падающие на его спину лучи солнца, руки, запах цветов, деревянная лежанка, которая больно давила на колени – почти бесило, но одновременно с яростью каждое мгновение было восхитительно порочным – до дрожи и сбившегося дыхания.

В момент, когда Гарри приготовился, что вот-вот, сейчас, еще одно движение – и он кончит, когда яички поджались, а в паху уже полыхало огнем – Снейп вдруг остановился, вытащил пальцы и спросил участливо:

– Больше не болит?

– Т-ты...

– В таком случае я предпочту закончить сеанс омовения.

Гарри выпрямился, стоя на коленях, и обернулся. Если бы взглядом можно было обжечь – Снейп бы не выжил.

Но он только поморщился и, наклонившись, взял с лежанки полотенце, чтобы вытереть руки.

– Нужно убрать остатки мази. Так что, будь добр, прими соответствующую позу, чтобы мне не пришлось снова тебя оглушать.

– Нет.

– Гар-ри...

Это определенно был запрещенный прием. В груди сразу что-то сжалось, и Гарри улыбнулся, словно заколдованная принцесса при виде своего принца.

– Пожалуйста, – добавил Снейп, приподняв бровь и глядя на его торчащий член.

– Ладно, – проще было согласиться, чем стоять здесь голым и краснеть под этим изучающим взглядом.

Гарри забрал у него полотенце, бросил на лежанку и, фыркнув, лег лицом вниз. Неужели сразу нельзя было просто попросить? Чертов Снейп...

Профессор взял палочку, приблизил ее к ягодицам Гарри и тихо пробормотал: «Тергео»; без скользкой мази внутри желание почему-то стало еще острее: Гарри сжал мышцы и закусил нижнюю губу.

Он не будет просить, не будет, не будет!

– Все, можем продолжить купание, – сказал Снейп и выпрямился.

– С-с...

– Ты против?

– Нет, – Гарри перевернулся на спину, пересилив смущение, и обхватил член ладонью.

В мошонке уже ныло – и имел он в виду все эти неписанные правила поведения для влюбленной пары – хотя какие они, нахрен, влюбленные? Если Снейп решил сыграть роль неприступного героя – Гарри не будет его уговаривать. Кроме того... Он закрыл глаза и пару раз провел рукой по члену.

Снейп продолжал стоять, глядя на него сверху вниз.

– Ты, – Гарри приоткрыл один глаз, – кажется, хотел купаться?

Рука плавно двигалась – он сжимал недостаточно сильно для того, чтобы кончить – и это было замечательно.

– Хотел.

– И почему ты еще... здесь?

– Любуюсь видом, – Снейп сложил руки на груди и склонил голову.

– Нравлюсь? – он снова дернул ладонью и непроизвольно выгнулся: возбуждение накатывало волнами, и, хотя Гарри хотел просто подтолкнуть Снейпа к активным действиям – то, что профессор наблюдает, завело его куда сильнее, чем ожидалось.

– Очень, – ответил тот и облизнул губы.

– А как же... купание? – говорить становилось всё сложнее; Гарри шире раздвинул ноги и опустил вторую руку на мошонку.

Он чувствовал себя ужасно развратным, но остатки стеснения смыло похотью. Даже то, что он лежит здесь, распластанный, и мастурбирует на глазах у Снейпа, больше не смущало.

– Я... – похоже, у профессора закончились слова. – Гар-ри... Прекрати.

– Не могу, – он втянул воздух сквозь зубы и принялся двигать рукой быстрее – еще быстрее, представляя в красках, как выплескивается себе на живот, а Снейп смотрит на жемчужные капли и пожирает его взглядом.

Еще одно движение – Гарри сжал пальцы под головкой, пытаясь оттянуть момент кульминации, и снова закрыл глаза – оргазм был уже так близко, еще немного, еще пара движений – когда чужие руки резким движением еще шире раздвинули его ноги, а член оказался в плену горячего рта. Гарри еще пальцы не успел разжать, а Снейп уже скользил влажными мягкими губами по головке и ниже, всасывая его с привычной для него обстоятельностью – сильно и глубоко. Когда губы коснулись пальцев – Гарри одернул руку и шумно выдохнул:

– Я сейчас...

Но закончить фразу не смог: головка скользнула по гладкому нёбу, и – он приподнял зад, выгнулся и кончил в этот потрясающий рот, выстывая имя Снейпа и рывками глотая воздух.

.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....

Легкий ветер приятно обдувал разгоряченную кожу, а солнце медленно уплывало за горизонт.

Гарри повернулся на бок и посмотрел на лицо Снейпа: тот просто лучился самодовольством – будто довести до оргазма здорового молодого мужчину было чем-то сродни подвигу.

– И ни единого поцелуя. Как тебе это удастся?

– Поцелуй тебе были не нужны, – Снейп положил руку Гарри на пояс и придвинулся ближе, ткнувшись твердым членом ему в бедро. – Хотя... должен признать: сложно сдержаться, глядя на твой рот.

– М-м... правда?

Он стиснул Гарри крепче и прижался губами к его губам.

Гарри вновь восхитился профессорским талантом: только Снейп отдавался поцелую целиком, будто для него ничего, кроме слияния языков и губ, не существовало. Гарри подстраивался, пытаясь расслабиться: он ведь не спешил, ему было тепло и уютно, но так, как у Снейпа, всё равно не получалось. То и дело вспоминалась Джинни и письмо, которое Гарри сжег, и тут же включалась совесть, шепчущая о его лицемерии и предательстве – по отношению и к невесте, и к Снейпу. Это, разумеется, не способствовало расслаблению – скорее, наоборот.

Снейп это почувствовал и отстранился, шепнув в его губы:

– Ты не о том думаешь.

– Извини, – Гарри не стал возражать, только виновато поморщился. – Я... ты охренительно целуешься.

– Следовательно, дело не во мне. Это успокаивает.

– Извини, – повторил Гарри, целуя его в щеку. – А можно...

– ...что?

– Можешь просто меня трахнуть? Мне всякие глупости в голову лезут, а ты замечательно это де...

– ...я – твой способ забыться, Поттер? – перебил его Снейп.

– Нет, что ты! Просто...

– ...я переживу, – Снейп отвернулся, сел и, подняв брошенную на пол палочку, наложил на себя какие-то чары.

На секунду его окутало голубое облако, после чего он обернулся, и Гарри с грустью констатировал, что член Снейпа опал – эрекции словно и не было.

– Это что-то вроде Отрезвляющего, да?

– Да, – он подтянул к себе брюки и принялся одеваться.

– Неприятно, наверное? – продолжил Гарри, ощущая себя еще более виноватым – теперь еще и за испорченный вечер.

– Терпимо.

– Хочешь, – он привстал и провел кончиками пальцев по гладкой спине с выступающими позвонками, – я сделаю тебе... ну...

– Не хочу. Одевайся, – Снейп встал и набросил на плечи рубашку. – Темнеет.

– Северус...

– ...тебе стоит определиться с желаниями, Поттер, – бросил тот резко. – Одевайся. Нам пора.

30

30. Эмираты

Когда они вернулись – Снейп сразу же удалился к себе, буркнув, что ему есть, чем заняться, а Гарри, проводив его виноватым взглядом, отправился побродить по двору.

Очередной приступ самоуничтожения оказался куда болезненнее предыдущих. Раньше Гарри казалось, что Снейп относится к происходящему с присущим ему хладнокровием и сдержанностью – да и фразу про желания можно было истолковать двояко. Но, как Гарри себя ни уговаривал – снова и снова приходил к тому, что профессор вовсе не спокоен. Настроение, и без того не радужное, испортилось окончательно.

Он сидел на берегу озера, не озаботившись защитными чарами, и смотрел в черную воду, пока луна не поднялась в прозрачное небо. А когда встал – оказалось, что его брюки не только промокли, но и позеленели в стратегически важном месте. «Тергео» не помогло, и Гарри, тихо выматерившись, вернулся в замок.

Спать не хотелось, но он все-таки лег в кровать.

Луна мешала, кровать казалась жесткой и неудобной, накрахмаленное белье царапало кожу; проворочавшись битый час, Гарри встал и отправился на поиски Снейпа.

Раз нужно определиться – хорошо. Он... определился, да.

.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....oo.....

Свет «Люмоса» на кончике палочки, третий час ночи, темные пустые коридоры, холодные сквозняки, пижама – Гарри передернуло, когда он вспомнил свои прогулки по Хогвартсу. Сейчас он был вовсе не против столкнуться со Снейпом, но посчитал невежливым зажигать лампы или просить слуг помочь найти профессорские покои, поэтому старался издавать как можно меньше шума и заглядывал во все комнаты подряд – пустые и нежилые, как оказалось.

Черт, ну почему было не спросить у Снейпа днем, где он спит?

Гарри отворил очередную дверь; внутри оказался склад каких-то ведер и тряпок – вероятно, кладовая. Он обернулся, стараясь не шуметь, и вздрогнул: свет «Люмоса» выхватил из темноты бесстрастное лицо.

– Блядь... – буркнул Гарри и тут же смущенно кашлянул в кулак. – Извините, Джордж – вырвалось.

– Я ничего не слышал, – дворецкий отвесил легкий поклон. – Я могу вам помочь?

– Я... искал кухню. Пить хочется, – это было не совсем ложью – пить действительно хотелось. – Покажете?

– Она в противоположном крыле замка. Вас проводить?

– Да, спасибо, – Гарри пошел следом за дворецким по темному коридору, продумывая варианты вопросов о расположении комнат Снейпа. Сформулировать нужно было так, чтобы Джордж не понял, что Гарри на самом деле нужно – и не скомпрометировать хозяина.

– Скажите, – сказал он, когда они завернули в очередную галерею, – а зачем Северусу настолько такой большой дом?

Гарри казалось, что это отличное начало.

– Чтобы принимать здесь гостей.

– И часто у Северуса бывают гости?

– Довольно часто.

– И много их? Ну, гостей, в смысле?

– Когда как.

– Джордж, – Гарри остановился и посмотрел ему в лицо, – я – не шпион и не желаю вашему хо... э-э-э... начальнику зла. Но раз уж я здесь живу – мне хотелось бы знать больше о его жизни.

– Я не уполномочен делиться с вами подобной информацией, – ответил Джордж с серьезным видом. – Более того: мистер Снейп дал всем нам четкие указания относительно ответов на ваши вопросы.

Гарри мысленно фыркнул и в очередной раз понял, что его легендарное везение – всего лишь фикция.

А Снейп снова обвел его вокруг пальца.

Хех.

– И что вы можете мне рассказать?

– Справа от вас находятся двери в его комнаты.

– Не понял?

– Он сказал, что если вы пожелаете услышать ответы – мы должны сопровождать вас к нему. Я привел вас к его комнате. Кухня находится за следующим поворотом.

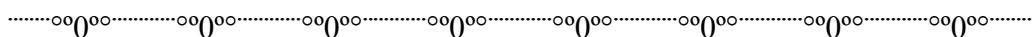
Гарри хмыкнул и пожал плечами.

– Ладно. Спасибо.

– Вы все еще хотите пить?

– Нет, спасибо, – он натянуто улыбнулся. – Я справлюсь самостоятельно.

Снейп спал; Гарри тихо прикрыл за собой двери, разделся и нырнул к нему под одеяло.



Он медленно просыпался, купаясь в восхитительном запахе и обнимая теплое худое тело. Пробивающиеся сквозь тонкие занавески солнечные лучи падали на спину, согревая, а плавно вздымающаяся грудь Снейпа под его ладонью успокаивала: Гарри было невероятно уютно.

Замечательное утро.

Даже когда остатки сна улетучились – всё равно не хотелось разжимать руки и отпускать Снейпа, который, судя по спокойному дыханию, действительно спал. Ощущение близости накрыло Гарри с головой, и он стиснул зубы, чтобы не сболтнуть какую-нибудь романтическую чушь: вряд ли Снейп оценит, если будет разбужен глупым бормотанием о чувствах, с которыми сам Гарри еще не примирился.

Он коснулся губами шеи профессора, вдохнул запах его волос – снова кардамон – и обвел пальцем шершавый подбородок. Снять пижаму перед сном было отличной идеей: теперь Гарри мог прижиматься грудью к его спине, ногами – к ногам, а полувозбужденным членом – к аккуратной заднице.

– М-м? – сонно промычал Снейп, и он улыбнулся ему в плечо.

– Прости, что разбудил.

– Я привык просыпаться рано, – его хриплый со сна голос, как оказалось, действовал на Гарри ничуть не хуже звуков собственного имени. – Какие планы?

– Никаких, – вопреки сказанному, Гарри снова ткнулся членом ему в ягодицы, а губами – в плечо. – Ты...

– Что? – Снейп накрыл блуждающую по его груди ладонь своей и потянул ниже – более чем прозрачное приглашение продолжить. Гарри очень хотелось подчиниться, но сначала нужно было разобраться с собственной совестью.

– Прости за вчерашнее. Я мудак.

– Нет, ты Поттер, – на этот раз в его голосе слышалась плохо скрытая улыбка: лучший из всех возможных вариантов «прощаю». – Я привык.

– Правда? – Гарри опять толкнулся бедрами и скользнул ладонью ниже – невозможно было лежать со Снейпом в одной постели и заниматься самокопанием.

Еще будет время обсудить происходящее подробнее – в более подходящей обстановке.

Тонкие волоски под пальцами казались жесткими, словно проволока; он очертил пару кругов на лобке Снейпа и обхватил ладонью его член.

– Правда, – шепнул профессор. – Но мне нравится предложенный тобой вариант компенсации.

Гарри поцеловал его шею, а потом обхватил губами мочку уха, мягкую и нежную, и слегка прикусил.

То, что на этот раз он был сзади – даже если потом их роли поменялись бы – ужасно возбуждало. Член елозил по ложбинке между ягодич Снейпа, и трение было почти болезненным, но Гарри представил, каково это – оказаться внутри, как там узко и горячо – и почти всхлипнул.

– Хочу тебя, – пробормотал он профессору в волосы. – Хочу тебя трахнуть.

– Хм?

– Да, – Гарри снова двинул бедрами и сильнее сжал пальцы.

Судя по эрекции, Снейп явно был не прочь продолжить. И, хотя просто валяться с ним в постели само по себе было чувственным удовольствием – уже хотелось большего.

– А... хорошо.

В груди что-то дрогнуло, и Гарри обнял его еще крепче.

– Я просто хочу... попробовать. Один раз.

Разговаривать с затылком было куда проще – он наверняка не смог бы произнести то же самое, глядя Снейпу в глаза.

– Пробуй.

– А... как?

Снейп расслабился и хмыкнул – кончик его уха, находящийся перед глазами Гарри, дернулся вверх.

– А как знаешь.

– Ну-у, – он разжал пальцы, огладил мускулистое бедро и легонько подтолкнул Снейпа в спину. – Повернись.

– Уже командуешь? – такой Снейп – расслабленный и довольный, восхищал его еще больше Снейпа обычного; Гарри толкнул его сильнее и заставил лечь на живот.

Профессора нельзя было назвать красивым, даже симпатичным, но от взгляда на его тело

срывалось дыхание. Не то чтобы Гарри раньше заглядывался на других мужчин, но смотреть на его загорелые плечи, на спину с выступающими позвонками и ямочки над крестцом ему ужасно нравилось. Склонившись, он звонко поцеловал одну из ягодиц и выпрямился.

– Если тебе хочется чего-то определенного – я... готов.

– Я сообщу, – Снейп даже голову от подушки не оторвал, и это подстегивало.

Его псевдоинертность означала, что профессор ждет от Гарри активных действий и наверняка не будет возражать, если тот сделает что-нибудь не так. А желаний было множество: хотелось поцеловать его под лопаткой, стиснуть зад, прикусить мягкую кожу на внутренней стороне бедра – и лучше одновременно.

Гарри тряхнул головой, решил, что о смазке спрашивать не будет – рано, и, раздвинув его ноги, сел между ними.

– Ты красивый, – он провел пальцем по безволосой расселине. – Такой... чистый.

Снейп пробормотал в подушку что-то неразборчивое.

– Мне нравится, - добавил Гарри.

– Хм.

– Очень.

Он наклонился, раздвинул пальцами половинки и, вспомнив свои вчерашние размышления насчет того, что никто не захочет рассматривать чужую задницу, громко хмыкнул. Оказывается, это забавно – и совсем не противно.

На фоне белоснежной кожи ягодиц розовое отверстие притягивало взгляд; Гарри пощекотал его пальцем – Снейп дернулся – и, не сдержавшись, лизнул.

– Поттер, – с трудом выдавил Снейп, – ты что... творишь?

Собственная реакция удивляла: раньше ему казалось, что такое не может нравиться, но никакого отвращения он не ощущал, зато собственный член дернулся и теперь прижимался к животу.

– Извини, – Гарри отодвинулся и положил руки на его задницу: прикосаться к ней было ужасно приятно.

– Я не... не против, но...

– Тсс, – Гарри легко шлепнул его по заду.

Я могу шлепнуть Снейпа, пронеслось у него в голове. Охренеть.

– Поттер!

– Что?

– Так и будешь меня исследовать?

А это уже походило на требование. Гарри улыбнулся, оперся на руки и наклонился снова, чтобы коснуться губами впадинки на пояснице.

Снейп пах так, что перед глазами всё плыло; Гарри приподнялся, высунул язык и лизнул кожу чуть повыше копчика. Едва заметная горечь и немного соли – охренительно вкусное сочетание; опустив голову, он провел языком влажную линию от основания спины до шеи Снейпа – медленно, не отрываясь, и застыл, прижавшись губами к выступающему позвонку. Член упирался в ягодицы – ужасно хотелось толкнуться и прижаться сильнее. Гарри одернул себя – рано, Снейп наверняка не оценит подобную поспешность – и вернулся к поцелуям.

Он целовал, облизывал и прикусывал, изучая вкус Снейпа и ожидая хоть какой-нибудь реакции. Тот не двигался и молчал, но его дыхание стало чуть более рваным – если Гарри не показалось.

Ладно, решил он. Хорошо.

Положив руки чуть ниже складочек под ягодицами, Гарри выставил большие пальцы и растянул половинки в стороны. От зрелища захватывало дух: Снейп, покорный и готовый к тому, чтобы его отымили, розовый анус, который едва заметно сжимался, и собственные загоревшие до шоколадного цвета пальцы – нервно облизнув губы, Гарри кашлянул и шепнул:

– Где масло?

– Что?

– Масло, которое... ну...

– В тумбочке.

Он разжал руки и наклонился, чтобы выдвинуть ящик. Моргнув, уставился на***... нет, Гарри в жизни это не озвучит – и очнулся, только когда Снейп беспокойно заерзал.

– Ты... Хм.

– Там один флакон, Поттер!

– И не только, – он просунул руку и вытащил упаковку презервативов. – Я понимаю, что сейчас снова все испорчу, но...

– Это не мои, – сказал Снейп и снова уткнулся лицом в подушку.

– Северус, я, может, и идиот, но это твоя тумбочка!

– Это не мои, Поттер. Но мы можем обсудить этот вопрос... и начать одеваться к завтраку.

– Просто объясни!

Гарри не имел права ревновать, но Снейп говорил, что у него давно никого не было, а волшебники подобными вещами в принципе не пользовались – хватало защитных чар. И Гарри, как ни силился – не мог поверить, что в личной тумбочке могут лежать чужие... презервативы, черт!

– Здесь бывают гости, и иногда им нужно... Я храню их для гостей.

– У тебя тут что, бордель для магглов?

Снейп перевернулся и посмотрел на него с отвращением; Гарри тут же почувствовал себя глупее некуда.

– Извини, – добавил он. – Просто...

– ...просто ты снова сначала говоришь, а потом думаешь!

– И часто у тебя такие гости?

Снейп прищурился.

– У тебя есть последняя возможность заняться тем, чем ты собирался заниматься. Если жаждешь обсудить моих гостей – можем поговорить, но в таком случае... – продолжать надобности не было – Гарри и так все понял.

– Извини. Но потом мы поговорим, хорошо? Это... ну, сложно – только догадываться о твоей жизни.

Снейп кивнул и, откинувшись на подушку, закрыл глаза - самое явное приглашение из возможных. Гарри схватил флакон со смазкой и открутил крышку, его пальцы подрагивали – возбуждение и ревность оказались гремучей смесью.

Мерлин, у него настоящий талант всё портить! Ведь мог же промолчать, спросить потом – и кто его за язык тянул?

Ноги профессора были сдвинуты, но член стоял колом, и Гарри, подумав, вылил немного масла себе на ладонь. Собственная эрекция немного спала, но это было к лучшему: так было легче соображать.

Он раздвинул ноги Снейпа еще шире и нахмурился. Просто запихнуть внутрь пальцы было бы неправильно. Подумав пару секунд, Гарри согнул его ноги в коленях и просунул левую руку Снейпу под задницу, размазывая смазку вокруг отверстия, после чего, набрав побольше воздуха, обхватил губами член.

Гладкая головка на языке, бархатистая нежная кожа под губами, кольцо мышц, которое плотно обхватывало его палец – черт, Гарри переоценил свою выдержку. Несколько раз вобрав член в рот, он снова завелся до звездочек перед глазами и шумно дышал через нос, двигая рукой и головой в едином ритме. Размеренные движения успокаивали, но недостаточно: в очередной раз осознав, что пытается потереться о простыню, Гарри медленно выпустил член изо рта с хлюпающим звуком, выпрямился и сел.

– Я тебя хочу, – сказал он и обхватил мокрый от слюны член ладонью. – Ты...

Грудь Снейпа резко вздымалась, он закусил губы, явно пытаясь сдерживаться, и у Гарри запершило в глотке от одного взгляда на его некрасивое лицо. Всё чувства, которые Снейп тщательно скрывал за маской безразличия, сейчас были как на ладони: страсть, желание, похоть – и его выдержка восхищала.

– Не нужно, – шепнул Гарри.

– Не нужно что? – Снейп приоткрыл глаза и посмотрел на него из-под черных ресниц.

– Не сдерживайся, – он сжал ладонь, и, поколебавшись, просунул внутрь еще один палец, медленно и осторожно растягивая мышцы, – ты возбуждаешь меня до чертиков.

Снейп явно подбирал слова, а потом, после громкого вздоха, пробормотал:

– Сильнее.

У Гарри в паху что-то сжалось, и пришлось себе напомнить, что кончать от одного только голоса ненормально.

Он ускорил движения, продолжая следить за реакцией Снейпа: как тот дышит, вздрагивает или едва слышно постанывает, когда Гарри нажимает пальцем на какое-то уплотнение внутри – значит, все правильно, значит, это действительно простата. А потом ноги Снейпа разъехались в стороны еще шире, будто приглашая, и Гарри остановился, глядя на него вопросительно.

Зная свою способность делать неверные выводы, он боялся поступить неправильно – черт, да даже если Снейп опытный и умелый – это еще не означает, что для него легко лежать здесь под голодным взглядом бывшего ученика, выставив себя на обозрение. Плевать, что

собственные яйца ноют от напряжения, а капли пота, стекающие со лба, жгут глаза – на этот раз он всё сделает правильно.

А потом рука Снейпа взметнулась вверх, очертила линию носа Гарри, палец легко коснулся губ – и бедра качнулись навстречу, словно приглашая.

Гарри охнул и повалился на него сверху, целуя всё: щеки, губы, лоб – и никак не мог остановиться, скользя своим животом по его и тяжело дыша. Почему-то рядом со Снейпом все его планы летели к чертям: сложно было контролировать собственные порывы, когда настолько желанный мужчина предлагал себя так открыто.

Снейп прерывисто выдохнул и, просунув руку между их телами, обхватил член Гарри ладонью.

В ушах грохотали удары собственного сердца, и Гарри мог думать только о том, что сейчас – еще мгновение – вот-вот – и он будет трахать, мать его, Снейпа.

Потрясающе!

А потом толкнулся – и потерялся в ощущениях.

Даже после подготовки Снейп был охренительно узким – до боли, и Гарри сдерживался, проникая в него небольшими толчками. Пот застилал глаза, а руки, на которые он опирался, дрожали, но это было лучше, чем в мечтах – в тысячи, миллионы раз.

Войдя целиком, он прижался грудью к груди Снейпа, а губами – к его губам, давая привыкнуть и привыкая; когда профессор сжал ногами его бедра – Гарри подался назад, потом снова вперед – и пропал.

Его будто засасывало внутрь, он что-то шептал, говорил, кричал, и двигался, все быстрее и быстрее, не в силах остановиться. И только когда Снейп выгнулся дугой, выстреливая длинными белыми нитями себе на живот и грудь – Гарри вспомнил, что должен был лучше о нем позаботиться, но остановиться не мог, и трахал это восхитительное тело все быстрее и резче. Когда его накрыл оглушительный оргазм – он вошел до основания, остановился, вздрагивая всем телом, и рухнул на профессора сверху.

**** я спросила в ЖЖ, на что именно в тумбочке Снейпа мог наткнуться Гарри, и на вариантах Kitsune(<http://www.hogwartsnet.ru/fanf/member.php?id=30484&l=>) и funny сломалась:*

- 1. Лента с надписью "Участнику гей-парада 1979 года".*
- 2. Вазелин в холодной металлической тубе с надписью "Бархатные ручки".*
- 3. Замусоленный пергамент с текстом "Магической Камасутры", описывающий особо извращенную позу.*
- 4. Колдография бывшего любовника с дарственной надписью. Надпись, само собой, наипошлейшая, нехай Гарри мучается от ревности. :)*

5. Продолжая тему пергаментов - письмо от бывшего, есно, наипошлейшее.
6. Шарик, используемый в БДСМ - зеленого цвета (Снейп романтичен).
7. Гольфы (конечно, зеленого цвета!) в комплекте с килтом (Снейп - затейник).
8. Бумажный пакет - надевать на голову. На пакете приклеена фотка Поттера Гарри.
9. Седло (как в киноклассике "Секретарша") для использования в ролевых играх.
10. Значок "It's OK to be gay!" в радужном оформлении.
11. Помада. Красить, значицца.
12. Белое платье (как в классической песТне "Мальчик-ловец", написанной как раз о снарри).
13. Фотография Г.Поттера со следами чмоков (помада взята из п.11).
14. Дневник С.Т.Снейпа, описывающий его грязные фантазии. Особое внимание следователей должны заинтересовать годы 1995 и 1996. Намек на ДМ/СС. В ряде высказываний - явный намек на АД/СС, причем в особо извращенной форме. Ненормативная лексика. Мягкий переплет.
15. Подштанники (те самые).
16. Шелковые подштанники (сюрприз, правда?).
17. ШАМПУНЬ для окрашенных волос.
18. Как вариант - шампунь для блондинов. :))
19. Презервативы XXXXXXXXXXXL. (Шок - это по-снейповски!)
20. Сборник сонетов Шекспира с закладками.
21. Д.Карнеги "Как общаться с трудными подростками" в картинках. *представила картинки и рыдает*
22. Коробочка с кольцом. Камень - изумруд, есно.
23. Написанное Снейпом четверостишие. Ямб изумительный. Рифмы божественны.
24. Как вариант - хокку, написанное Снейпом:
Знаю, я слишком стар.
Знаю, что я звезда.
Но ты - так манящ.
25. Парик, розовое боа и туфли на каблуках (запихивать ли в тумбочку складной шест для стриптиза - на усмотрение автора).
26. Лак и стразы для ногтей.
27. Выпуск "темного" журнала с Крамом на обложке (Крам топлесс, естессна).
28. Залитое чернилами фото Лили Эванс. Там, где чернил не видно, проступает четкая надпись "НИКАНОН!".
29. Комбинезон и набор цветных резинок для йоркширского терьера.
30. Ошейник с шипами и надписью "Harry-honey".
31. Маггловское медицинское заключение, гласящее "Да, вы маньяк!" и номером телефона лечащего врача с сердечками вместо ноликов.
32. Вибратор, НО исполненный в виде волшебной палочки.
33. Парик блондинистый и перчатки в сеточку. (Вспомните третий фильм, где Снейп играл бабушку Невилла! Я до сих пор умиляюсь!)
34. Трусики-танга с драклами.
35. Объявление из салона, на котором большими буквами написано "Только сегодня! Скидки на интимные стрижки!"
36. Конечно, кожаное белье. И его явно уже носили.
37. Ошейник с шипами. На шипах запеклась чья-то кровь.

38. Обрывок статьи из журнала - "Как завоевать парня своей мечты за пару часов".

39. Кольцо Всевластия (тупо, но эффективно).

40. Книга В.Мессинга "Легилименция как гипноз или сила взгляда".

31. Фарос-Эмираты

Каждый день со Снейпом не походил на предыдущие, и Гарри пора было перестать удивляться, но он не мог: пялился на профессора, приоткрыв рот, пока тот договаривался со зрителем Александрийского маяка насчет посещения верхней колоннады. В такое время туристов уже не пускали, но Снейп снова продемонстрировал свои таланты – лезть и несколько крупных купюр помогали всегда и везде – и Гарри осталось только покачать головой и поплестись подняться следом за ним по винтовому пандусу. Видимо, у слизеринцев в школе был тайный спецкурс по взяточничеству, на который ученики других факультетов не допускались.

Гарри бы так не сумел.

Между колоннами верхней башни гудел ветер – никакого ограждения или защитных чар не было. Гарри поежился и решил, что к краю подходить не стоит. Он, конечно, тяжелый, и вряд ли его просто так снесет порывом ветра, но летать, увы, не умеет. Кроме того, вид отсюда тоже впечатлял: лунная дорожка, бегущая по морю, переливалась серебром, а Александрия с такой высоты казалась совсем небольшой – как Хогсмид с вершины Астрономической башни.

– А почему огонь не горит? – спросил Гарри, повернувшись к Снейпу.

– Когда порт перестал принимать корабли из-за скопившегося в бухте ила – надобность в маяке отпала, и медные пластины-отражатели переплавили на монеты. Сейчас маяк зажигают в праздничные дни – дань истории, и только.

– И снова волшебники маггловское чудо прикарманили, да?

– Потому что магглам оно было не нужно, – Снейп покосился на Гарри, вытащил из кармана носовой платок, и, увеличив его до размеров покрывала, постелил у каменной чаши. – Присядешь?

Тот поморщился.

– Я лучше постою.

Снейп хмыкнул и сел, сложив руки на коленях, а Гарри продолжал стоять, глядя вниз.

Заниматься любовью с утра до вечера хорошо только в мечтах, думал он, рассматривая огни ночной Александрии с высоты ста с лишним ярдов. Болело все тело – поясница, шея, даже икры, хотя Снейп напичкал его зельями под завязку и измазал с ног до головы

лечебной мазью – что, разумеется, закончилось еще одним оргазмом.

Хотя эта боль была приятной – истома и пресыщенность вкупе с зельями вызывали легкую сонливость – для ощущения полного счастья недоставало самой малости.

– Кнат за твои мысли, – сказал Снейп пару минут спустя.

– Я тебе и так восемнадцать тысяч должен, – Гарри бросил взгляд на покрывало и, подумав, всё же сел рядом с профессором. – Хотя... я думаю о тебе.

– И что именно ты обо мне думаешь?

Он повернул голову и подавил желание поцеловать этот полуулыбающийся рот: даже в упадочном настроении злиться на Снейпа по-настоящему не получалось.

– Завтра...

– ...я знаю, что завтра ты уезжаешь. И не вижу смысла портить твоё впечатление об отпуске.

– Да почему оно должно испортиться?! – фыркнул Гарри. – Разве что ты сколотил армию из оставшихся в живых Упивающихся и собираешься воскресить Волдеморта – и то!..

– Да неужели? – хмыкнул Снейп. – А если я лгал тебе с первой встречи? Если я пользовался тобой для удовлетворения собственной похоти, если манипулировал тобой – тебе тоже будет всё равно?

– А ты... – Гарри выдохнул и попытался взять себя в руки: – ...ты снова пытаешься сменить тему, да?

Снейп был всё тем же мастером увиливаний и двойных смыслов мастером какого-то дела/действия можно быть, либо меняй на глаголы, либо что-то другое – мастером по скрытности/недомолвкам/уклончивости. Временами это раздражало.

– Нет. Я спрашиваю.

– Угу, и я должен выстроить собственную теорию, объяснить, выслушать твои подначки – и всё равно не получу ни единого ответа.

– Поттер...

– ...прекрати, – буркнул Гарри. – Надоело уже одно и то же.

– Правильно ли я понимаю причину твоего плохого настроения: дело не во мне, а в том, что завтра тебе нужно возвращаться в Лондон?

Сначала он хотел возразить, но решил, что это бесполезно: Снейп прекрасно изучил его за эти две недели – и, по сути, в этот раз был прав.

– Ты так ничего мне не рассказал, хотя обещал.

– Для тебя узнать источник моих доходов настолько важно?

– Дело не в источнике! Дело в твоём отношении!

– Ах-х.

– Да! – Гарри отодвинулся и уставился на огни города. – Не только в плане ответов. Ты...

– Продолжай, Поттер. Не стоит держать обиды в себе. Выскажись, облегчи душу. Я – весь внимание.

– Ты... уф, – Гарри тряхнул головой. – Не хочу. Это бесполезно.

– Не рано ли ставить на мне крест?

– Прекрати... передергивать! – он вытащил палочку и наложил на себя согревающие чары – становилось холодно, а потом добавил устало: – Мне надоело. Правда.

– Я зарабатываю на патентах.

Гарри вздрогнул, повернул голову и снова посмотрел на Снейпа.

– Мне не слышалось? Ты только что сказал о том, как на самом деле зарабатываешь?

– Не язви, тебе не идет.

– Ладно, – оживился Гарри, – на каких патентах?

– На зельях, разумеется. Мне удалось создать зелье еще до... еще до второй войны. Приехав сюда, поначалу я не мог найти способа заработать – не зная языка, будучи иностранцем в консервативной мусульманской стране, это практически невозможно, и Абефорт посоветовал запатентовать зелье. Я обустроил в его доме лабораторию, изготовил несколько образцов и отправился в здешнее Министерство. К счастью, для этого не требовалось подтверждение личности, а волшебные патенты действительны во всех странах, где... кхм.

– Где? – спросил Гарри настойчиво: он рассчитывал услышать всю историю, и раз Снейп начал говорить – нужно было вытянуть из него побольше информации.

– Где на эти зелья был возможен спрос.

– И?

– И теперь я получаю пять процентов стоимости от каждой проданной бутылки. С этим мне тоже повезло: в Османской империи традиционно принято избавляться от растительности на лице, поэтому...

– ...зелье супергладких щек! – выдохнул Гарри изумленно. – Твою... Черт. Я должен был догадаться!

– Не только оно, но – да.

– И ты только на патентах огреб себе кучу денег и замок?

– Замок – просто резиденция, – сказал Снейп, если Гарри не померещилось – чуть смущенно. – Я не рассчитывал, что зелье будет настолько успешно продаваться: волшебники веками пользовались заколдованными бритвами, а к любым прогрессивным новшествам относятся с нездоровым скепсисом. Мне просто повезло. Откровенно говоря, я до сих пор удивляюсь, как меня по этому патенту никто не вычислил – на каждом флаконе стоят мои инициалы.

– Это ладно, – Гарри все еще пытался переварить новость, – а почему «резиденция»?

Снейп открыл рот, чтобы ответить, но именно в этот момент между колоннами что-то мелькнуло, и ему на плечо спланировал вихрь.

– Прости, одну минуту – и я продолжу, – он отвязал письмо и развернул, – Люмос.

Гарри следил за его взглядом, бегающим по строкам, вновь ощущая себя недалеким и ограниченным типом. Наверняка копии патентов хранятся и в английском Министерстве, и если бы он вместо того, чтобы живописать Гермионе свою печаль из-за невозможности извиниться, действительно попытался найти Снейпа – наверняка нашел бы.

Я придурок, грустно констатировал Гарри. И совершенно зря придумывал какие-то нереальные сценарии со Снейпом в главной роли: от кражи казны Волдеморта до работы шпионом на османскую разведку. Придурок-придурок-придурок!

Черт!

– Поттер...

– А? – он обернулся и задумчиво мигнул.

– Мне нужно идти, и это срочно.

– Ладно. Ты ж скоро вернешься?

– Это вряд ли, – Снейп встал и отряхнул брюки. – Прости, но я вынужден аппарировать нас обоих домой – я должен переодеться. А тебе придется подождать меня там.

– Ладно, – сказал Гарри, подумав. – Подожду. Хотя бы ради того, чтобы услышать остальное.

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

С остальным вышла небольшая заминка: уже было за полночь, а Снейп не вернулся, и Гарри, вдохновленный его рассказом, долго продумывал новые вопросы, лежа на кровати и уставившись в потолок. Если дело сдвинулось с мертвой точки – значит, решение остаться было верным. Он больше не боялся получить отказ и сумел себя убедить, что Снейп хочет услышать нужные слова, а раз хочет – Гарри готов сделать первый шаг.

От радостного предвкушения то и дело сбивалось дыхание, и неудивительно – не каждый день человек собирается радикально изменить жизнь.

Рациональная часть сознания нашептывала, что самые светлые мечты обычно разбиваются с самым громким звоном, но Гарри не пытался сдержать свой неумный оптимизм: Северус обрадуется. Точка.

Из-за потока мыслей ему долго не удавалось заснуть, но, стоило задремать – и над ухом раздался звериный рык:

– Поттер!!!

Гарри вынырнул из сна, вздрогнул и приоткрыл глаза. Комнату сразу же залило светом огромной люстры, и пришлось прикрыть ладонью лицо.

– Зачем так орать?

– Где твой чемодан?

– Зачем тебе мой чемодан? – сонно уточнил Гарри.

– Поттер, твою мать, где тот пергамент, который ты копировал для Грейнджер?!

– В чемодане.

– Отдай его мне!

– Зачем?

– Поттер, твоя тупость невыносима! – Снейпа натуральным образом трясло, и не от страсти – он был в крайней степени ярости. – Немедленно отдай мне пергамент, иначе я наложу на тебя «Империус»!

– Орать зачем? А за «Империиус» тебя могут посадить в Аз... – он осекся, сел на кровати, вытащил из тумбочки чемодан и увеличил его «Энгоргио». – ...вот, пожалуйста, – достав из потайного кармана пергамент, Гарри протянул его Снейпу. – А теперь объясни, что случилось?

– О, я с удовольствием объясню, что случилось! – тот выглядел так, будто готов если не убить, то ударить – точно: глаза метали молнии, по лицу пошли пятна, а руки то и дело сжимались в кулаки. Но сначала, – он вырвал пергамент из рук Гарри, – я верну правительству Османской империи его собственность.

Снейп развернулся, быстро подошел к дверям – между створками Гарри успел увидеть нескольких мужчин в галабеях – и вышел, оставив его в смятении и растрепанных чувствах.

32

32. Эмираты-Каир

Он прислушивался к разговору на повышенных тонах за дверью, но не мог разобрать ни слова – Снейп и его гости говорили на арабском, а о кулоне Гарри благополучно забыл.

Когда голоса стихли, встревоженный Снейп вернулся в комнату, грохнув дверью так, что с притолоки осыпалась штукатурка.

– Теперь ты объяснишь, что случилось? – Гарри задрал подбородок и посмотрел на него из-под насупленных бровей.

– С превеликим удовольствием, – прошипел тот таким тоном, что стало понятно – ни сна, ни плотских радостей Гарри в ближайшее время не светит. – Тебя обвиняют в краже государственного имущества.

– Какой краже? Что за б...

– ...Заткнись! Ты, Поттер – ходячая неприятность! Только ты мог умудриться украсть документ, датированный двести восемьдесят девятым годом, который представляет не только историческую, а и материальную ценность!

– ...я ничего не крал! – возмутился Гарри. – Я просто скопировал!

– Скопировал? Ты его перекопировал, идиот! Перенес на свою бумажку текст манускрипта! Но в Александрийской библиотеке даже копирование запрещено, и там повсюду висят таблички! Даже за копирование ты мог лишиться права въезда в Османскую империю, а за воровство здесь отрубают руку! Правую!

Гарри машинально потер плечо.

– Ну... всё же решилось, да?.. Извини, – промямлил он виновато. – Я не знал.

– В этом весь ты! Не удосужился ни прочитать, ни проверить! Тебя ищет половина министерских сотрудников, и ты даже не представляешь, что могло бы... уф.

– Что? – спросил Гарри, когда Снейп замолк на полуслове и уставился на оконный проем.

– Ты – хренов Мальчик-Который-Победил! Тебя могли бы упрятать в каталажку на пару месяцев и выторговать за твое освобождение у Кингсли половину Британии. И он отдал бы, потому что ты, твою мать, Гарри Поттер!

– Я не понимаю, – сказал Гарри, пытаясь не сорваться. – Могли бы, но они же этого не сделают?

– Да, потому что я... – он осекся и отвернулся. – Одевайся. Мне приказано откомандировать тебя в Каир, и там решат, что с тобой делать.

– То есть... мне могут отрубить руку?

Снейп едва слышно пробормотал какое-то ругательство и отрицательно покачал головой.

– Надеюсь, что нет.

– Как это – надеешься? Охрене-еть, – протянул Гарри. – Мне могут отрубить руку!

Снейп скривился, явно сдерживаясь

– Одевайся. Надень брюки и рубашку, в Министерстве много обскурантистов.

Он решил не уточнять, что значит это незнакомое слово: Снейп явно не был расположен к диалогу. Когда Гарри натягивал джинсы, его внезапно накрыло осознанием того, что он серьезно влип, и даже пожаловаться сейчас некому – похоже, Снейп сам был готов его прихлопнуть.

Вот черт!

.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....oooo.....

– Жди меня здесь, – бросил Снейп и вышел.

Это были единственные сказанные им слова с того момента, как он переместил их обоих в Каир и долго вел Гарри по темным коридорам тамошнего Министерства.

Комната напоминала типичные камеры британского аврората – разве что стены были не зелеными, а коричневыми. Два стула, металлический стол и решетка на окне – идеальное место для допросов.

А еще Снейп забрал палочку, бумажник и уменьшенный чемодан, оставив Гарри с пустыми руками.

Не то чтобы он не доверял профессору, но через пять минут начал мерить комнату шагами, через полчаса – вытащил из кармана амулет, подаренной девочкой в Дамаске, и принялся перебирать деревянные бусины, словно четки. Это ни черта не успокаивало; Гарри сел, повесил бусы на шею и начал барабанить пальцами по столу.

Через час он встал и подошел к двери.

Снейп сказал ждать, но Гарри решил в случае чего отговориться желанием посетить уборную.

Дернув пару раз за ручку, он выматерился и стукнул по двери кулаком. Наверняка помогла бы обычная «Аллохомора», но беспалочковая магия засекалась любыми датчиками, и после такого всем было бы плевать на его объяснения.

Гарри фыркнул, снова сел за стол, закрыл глаза и попытался думать о хорошем. Вспоминался Милос с его бирюзовым морем, танец пери, Снейп – и, восстановив в памяти картину того, как профессор выглядел во время оргазма, Гарри почувствовал легкий дискомфорт в том месте, где ширинка давила на член. Он встал, поправил джинсы и снова сел.

В чужой стране, в кутузке – а это была кутузка, Гарри не сомневался – без документов, денег и палочки он был никем. И если со Снейпом что-нибудь случилось – гнить Гарри в арабской тюрьме.

Посчитав трещины на потолке, он сложил руки на столе, уронил на них голову и засопел, пытаясь разогнать тишину звуками своего дыхания.

Только сейчас, представив, что могло бы случиться, Гарри действительно испугался. Нет, он, конечно, не боялся – гриффиндорец все-таки. Но остаться без руки, как и просто сидеть в здешней тюрьме, не хотелось. Даже простое заключение означало бы конец его карьеры аврора и множество мерзких статей в магической прессе родной Британии, вопиллеры от возмущенных поклонников и перспектива объясняться перед каждым, кто будет задавать вопросы. Поскольку у Гарри был определенный опыт общения с прессой, он предполагал, что рассказывать историю своей оплошности придется раз сто, не меньше.

А еще...

Джинни.

Свадьба послезавтра. То есть, уже завтра. И если отсутствие писем Гарри наверняка сможет объяснить, то неявку к алтарю ему точно не простят – ни Джинни, ни прочие Уизли.

Он не собирался менять принятое решение – свадьбы не будет, но все же бросать невесту без объяснений не просто недостойно – это самая настоящая подлость. Им нужно поговорить. А из арабской тюрьмы вряд ли получится даже письмо отправить, да и выглядеть это будет премерзко: «Привет, Джинни. Я сижу в тюрьме и, кстати, решил тебя бросить, потому что влюбился в мужика». Тьфу!

– Пиздец, – сказал он столу, – я придурок.

Двери распахнулись, и на пороге материализовался Снейп в распахнутой галабее, из-под которой были видны обычные черные брюки и белая рубашка; он швырнул на стол палочку, чемодан и бумажник и сказал:

– Всецело согласен... Ты свободен.

– Правда? – Гарри недоверчиво улыбнулся и покосился на свою палочку. – Так просто?

Снейп прислонился к стене и сложил руки на груди, пытаясь сделать вид, что спокоен и никуда не спешит, но Гарри изучил его достаточно хорошо, чтобы понимать, что это – просто поза.

– Нет, не просто. Тебя депортируют. Тебе запрещен въезд в Османскую Империю даже по государственным делам, в случае пересечения государственной границы любой из стран Империи тебе будет предъявлено обвинение в краже, а судить тебя будут по местным законам.

– Но... это ж не страшно, да? Подумаешь – депортируют. Ну и ладно. Я все равно видел здесь всё и вряд ли захочу верн... – он осекся, осознав, что несет околесицу. Да и Снейп, который живет в Османской империи, наверняка не обрадуется, узнав, что Гарри здесь ничто не держит. – ...Прости. На самом деле я нервничаю, и... Когда мне нужно покинуть страну?

– Прямо сейчас. Для тебя уже открыли камин, я сообщил вашему Министерству, так что там тебя встретят. С почестями.

Гарри посмотрел ему в лицо: Снейп был бледным, с покрасневшими глазами, глубокой морщиной на переносице – и выглядел смертельно уставшим.

И все это – из-за меня, подумал Гарри; ему стало неловко. Пускай он не крал пергамент, но невольно стал причиной неприятностей профессора – и Мерлин знает, каких именно.

– Северус, – Гарри встал со стула и приблизился к Снейпу, надеясь задержать его хоть

ненадолго и попытаться объяснить. – Извини меня за пергамент – это не назло, а по неосторожности, но ты и сам это знаешь. Я... виноват. Не перед правительством – перед тобой, и... я не знаю, как извиниться. Прости. Но раз меня выдворяют из страны прямо сейчас – может, ты все-таки расскажешь правду? Мне действительно важно знать, чем ты занимаешься.

– Поттер, – он громко выдохнул и посмотрел Гарри в глаза. – Последние пять часов я оббивал пороги, убеждая здешних служителей закона, что в твоём поступке отсутствовала злонамеренность. Мне пришлось пойти на... неважно. Для того, чтобы твоё наказание обошлось только депортацией, я пообещал сделать несколько вещей, на которые раньше не соглашался – и я уверен, что обязательно об этом пожалею, когда дойдет до выполнения требований Министерства. Все пять часов я только и делал, что говорил, и сейчас мне совсем не хочется еще о чем-то кому-то рассказывать. Тем более, тебе.

– Но я же сейчас вернусь в Лондон!

– Именно.

– Ты обещал! – сказал Гарри возмущенно. – И снова-здорово!

– Ты мне тоже пообещал! – тон Снейпа резко сменился с усталого на раздраженный. – Ты сказал, что не будешь причиной моих проблем, а такого, как сегодня, я не испытывал со времен возрождения Лорда – когда доказывал ему свою лояльность!

– Я не нарочно!

– Тебе двадцать четыре года, Поттер, так веди себя соответственно! Мне плевать, нарочно ты или не нарочно – у меня из-за тебя крупные неприятности, а ты даже не понимаешь, что натворил!

– Я извинился!

– Да плевать мне на твои извинения! Ты... ты всё такой же.

– Какой? – вспыхнул Гарри. – Идиот, да? Я для тебя всегда буду идиотом. Ладно, – он развернулся к столу, взял бумажник и чемодан, запихнул их в карманы и схватил палочку.

– Всё ясно, можешь не продолжать. Я готов.

– Поттер...

– ...Ты достал называть меня по фамилии. У меня есть имя.

– Поттер, ты забываешься! И выражение оскорбленной невинности на мне не работает, о чем ты прекрасно знаешь! В данном случае ты легко отделался – и я не уверен, что это к лучшему, потому что ты не-ис-пра-вим!

Гарри повернулся и посмотрел на Снейпа, прищурившись.

– Тебе всё равно, что я говорю – какой смысл объяснять?

– Ты не видишь дальше собственного носа!

– А ты видишь?! – Гарри сделал шаг и почти прижался к Снейпу, вынудив его опустить руки. – Я весь вечер думал, как сказать тебе, что хочу остаться, но даже сейчас ты не в состоянии сказать мне правду!

– Какую правду?... – начал Снейп, а потом его бровь медленно поползла вверх: – ...Остаться?

– Да, но тебе это явно не нужно!

Профессор тряхнул головой и кивнул, все еще удивленно.

– Не нужно.

– Сволочь!..

– Поттер, у тебя свадьба послезавтра.

– А я хотел ее отменить! Из-за тебя! Но ты нашел отличный повод от меня избавиться!

– Я тебе не верю, – сказал тот глухо.

– И чему именно ты не веришь? Что я хотел остаться? Хотя... какая теперь разница – тебе ведь это не нужно!

Снейп задрал подбородок и сузил брови, мгновенно становясь тем самым сукиным сыном; Гарри стало не по себе от этого превращения. Северус, которого он наблюдал последние две недели, временами бывал приятным человеком, но носящий эту маску – никогда. Этого мужчину Гарри не знал, не понимал и никогда не посмел бы повысить на него голос. Он был чужим.

– А меня ты, разумеется, спросить не мог. Решил сообщить о своем желании в последний день?

– Потому что я ждал, что ты меня попросишь!

– А с какой стати ты решил, что я этого хочу? – Снейп брезгливо скривился и посмотрел на него оценивающе.

Гарри застыл и пару раз мигнул.

Ему казалось, что в сердце воткнули нож и пару раз провернули. Он ожидал любой реакции Снейпа, но подобную представить не мог даже в самом худшем из сценариев.

– Извини, – выдавил Гарри несколько секунд спустя, когда смог заговорить. – Я не... не думал, что ты...

– ...а ты никогда не думаешь, о чем просто-таки орет мой богатый опыт. Хотя мне следовало догадаться раньше – разумеется, ты не смог бы обойтись без широкого романтического жеста, соблаговоллив сменить свою комфортную уютную жизнь на роль приживалы в чуждой тебе стране, которую ты терпеть не можешь!

– Это неправда! Мне здесь нравится!

– Вранье. Ты постоянно ныл, и не стоит менять точку зрения только из-за того, что тебе понравился секс. Несколько половых актов – не повод считать, что между нами есть что-то большее! Ты мне не нужен, Поттер. Мы замечательно провели несколько последних дней, секс тоже был неплох, но, – он криво ухмыльнулся, – пора и честь знать.

Гарри пытался не слушать, но каждое слово грохотало в ушах, и с каждым мгновением все больше хотелось или ударить Снейпа, заткнув этот поток откровений, или уйти, хлопнуть дверью – однако ни первого, ни второго он себе позволить не мог.

– Неправда, – выдавил он с трудом.

– Правда, Поттер. Тебе пора вырасти и понять, что мир не крутится вокруг твоей драгоценной персоны.

– И поэтому ты потратил пять часов для того, чтобы меня отмазать, да? – спросил Гарри, все еще не веря, что Снейп говорит серьезно, а не преследует какие-то скрытые цели. – Скажи, что ты это специально – ведь так? Ты зол и из-за этого меня отталкиваешь... или решил, что мне так будет лучше, да?

Гарри ненавидел себя за этот умоляющий тон и за то, что не может просто поверить профессору и уйти с достоинством. Всё это было слишком больно.

– Нет. Просто я обещал Кингсли о тебе позаботиться. Твой отпуск подошел к концу – отправляйся домой, к невесте.

– Кингсли? – охнул Гарри. – А он тут при чем?

– Я был с тобой две недели только потому, что он меня попросил.

– Так это он все устроил?! Черт, ты... – Гарри не находил подходящих слов. – ...Я догадывался, что не могло так совпасть – Египет, отпуск, ты...

– ...Да, Шеклболт считает, что за тобой нужно присматривать, чем я и занимался. Секс

был бонусом.

– Да кто ты такой, твою мать?! – выкрикнул Гарри, сжав кулаки и глядя Снейпу в лицо.

– А я еще не сказал? – картинно удивился Снейп. – Я – служащий Османского Министерства. Название моей должности ни о чем тебе не скажет. Здешние магглы уже давно завели специальный отдел полиции, который занимается вопросами, связанными с туристами, а волшебники – следом за ними. Но в силу специфического опыта и знаний я занимаюсь только особо важными гостями Империи.

– Значит, поэтому и резиденция, и французский Министр?

– Да, Поттер. Высокопоставленные гости не живут в гостиницах – они на полном обеспечении Османского Министерства. Так что насчет обедов и круиза не волнуйся – всё оплачено.

Гарри до боли прикусил язык, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего, и взялся за ручку двери.

– Мне пора, – сказал он. – Спасибо за... за всё.

33

33. Лондон

Гарри вывалился на покрытый плиткой пол и тут же был ослеплен вспышкой. Стоило проморгаться и посмотреть в сторону фотографа – его снова ослепило, и снова, и снова, пока сильная рука не потянула за предплечье вверх.

– Привет, – сказал Кингсли вовсе не приветливо и приобнял Гарри за плечо. – Улыбайся, здесь больше десятка репортеров. Довольно многолюдно для пяти утра, не находишь?

Гарри повел плечом и повернулся к журналистам.

– Здравствуйте, – сказал он и улыбнулся. – Я с удовольствием расскажу о том, как замечательно отдохнул в Османской Империи, но постарайтесь уложиться в десяток вопросов: я не выспался и хочу побыстрее добраться домой.

– Поттер, – шепнул ему на ухо Кингсли, – ты должен мне многое объяснить.

– Ты мне тоже, – шикнул тот и еще раз улыбнулся журналистам.

Дом, милый дом, думал Гарри. Прошел всего месяц, а я уже позабыл, что все мои действия и поступки тщательно препарируются на радость читателям газет и

слушателям «Первой Магической Станции».

.....°°°°.....°°°°.....°°°°.....°°°°.....°°°°.....°°°°.....°°°°.....°°°°.....°°°°.....

– Итак, – Кингсли закрыл за собой двери кабинета, – рассказывай.

– Ты первый, – буркнул Гарри. – Что за история с моим отпуском, а?

– Я хотел спросить о том же. Что ты умудрился натворить?

– Ничего особенного. Разве твой друг Снейп не рассказал, как я облажался?

– Нет. И он мне не друг.

– Да? А мне казалось, что только друга можно попросить за кем-нибудь присмотреть!

Кингсли подошел к стулу и сел, сложив на животе руки в замочек.

– Поттер, ты аврор. Мне кажется, что ты в состоянии сам о себе позаботиться, иначе нам пора упразднить институт авроров как таковой.

– Значит, ты его не просил?

– Нет. И Северус мне не друг. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что он способен с кем-нибудь дружить.

– Он... способен.

– Вероятно. Я плохо его знаю. В мой последний визит в Эмираты мы провели вместе два дня, и он занимался тем, что пытался убедить меня пролоббировать в Визенгамоте законы об облегчении въезда для граждан Османской Империи... а я не люблю, когда меня используют. Мое общение с ним ограничивается редкими переговорами через камин. На самом деле... хм, это он предложил отправить тебя в Египет. Да, точно.

– То есть? – не понял Гарри.

– Мы говорили... о делах, и я рассказал ему, как замечательно мы отпраздновали твой день рождения, и что тебе пора в отпуск. И о том, что у тебя скоро свадьба. Слово за слово – и он предложил там за тобой присмотреть. Я не возражал, – Кингсли пошевелил пальцами, посмотрел на носки своих ботинок, а потом спокойствие в его взгляде сменилось знакомой Гарри решительностью. – Надеюсь,

мне больше не нужно оправдываться перед вами, аврор Поттер?

– Прости, это всё отпуск, и...

– ...и тебе стоит объяснить, что произошло.

Гарри устало опустил на стул напротив и тяжело вздохнул.

– Я скопировал для Гермионы документ в Александрийской библиотеке, а там копирование запрещено. Еще и скопировал неправильно, вот они и...

– ...ага, снова. Нашли повод.

– В каком смысле? – Гарри потер лоб, несколько удивившись отсутствию нотаций о моральном облике аврора и прочем: временами Кингсли бывал страшным занудой – как любой начальник.

– В прямом смысле. Подозреваю, что от тебя ждали какой-нибудь оплошности, чтобы впоследствии воспользоваться этим как предлогом для давления на меня. Османское Министерство часто использует подобные методы.

– Северус меня отмазал.

– Что за блатной сленг, Поттер?

– Он замял дело. Разобрался с проблемой. Уговорил власти меня отпустить. Договорился о смягчении наказания. Сделал...

– ...хватит! – прервал его Кингсли раздраженно. – С каких пор ты называешь Снейпа Северусом?

Гарри умудрился не покраснеть и посчитал это маленькой победой: если бы их отношения со Снейпом продолжались – он не стал бы их скрывать, но рассказать всё Кингсли сейчас было бы огромной глупостью.

– А это уже к делу не относится.

– Не хами начальству.

– Я не хамлю... Слушай, за последние сутки я спал меньше двух часов и просто с ног валюсь. Прости, но я лучше домой пойду.

– Докладную в трех экземплярах мне на стол в понедельник рано утром, Поттер. И

это только потому, что завтра у тебя свадьба.

– Угу... Кстати, если тебе не сложно – можешь отправить сову в Нору и сообщить Уизли, что я дома?

– Подозреваю, что они в курсе, – Кингсли взглянул на настенные часы. – Уже пятнадцать минут как вышел «Пророк». Но сову отправлю. Молли обычно в ответ присылает изумительные сдобные булочки – не могу устоять перед соблазном.

– Хм, – Гарри остановился у двери, на мгновение задумался и посмотрел на него с легким оттенком недоверия во взгляде. – А почему Северус не знал, какой номер в гостинице ты занимал?

– Последний раз я жил в гостинице пару лет назад, а с тех пор не задерживался в Османии дольше, чем на сутки – кроме того визита, когда Снейп поселил меня в своей резиденции в Эмиратах. Ты там был? Изумительная еда, вышколенный дворецкий, беседка...

– ...был, – перебил его Гарри, – извини, я спать хочу. До завтра, – он тряхнул головой и вышел.

.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....

Гарри вручил Кричеру чемодан, призвал из кухни бутылку молока – желудок подвывал от голода – и отправил эльфа в Гринготтс с указанием перечислить на счет Абефорта Дамблдора восемнадцать тысяч евро.

Выпив молоко, Гарри завалился спать, не раздеваясь.

.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....°Q°.....

– Поттер!

– Черт, – Гарри мигнул и зарылся лицом в подушку. Знакомые стены комнаты казались выцветшими после ярких красок восточного мира, а воздух – затхлым и застоявшимся, как в подвале. – Второй день подряд – сговорились вы, что ли?

– Гарри! – рявкнула Джинни прямо ему на ухо, мазнув по щеке рыжей прядью. – Немедленно просыпайся!

– Спасибо, я уже, – он перевернулся, нашарил на тумбочке очки, напялил их на нос и обернулся, чертыхнувшись.

Кричер стоял в дверях и то и дело прикладывался лбом об косяк – пришлось приказать ему перестать себя наказывать и отправить в гардеробную за чистой одеждой.

– Я тебя позову, – бросил Гарри ему вслед и захлопнул двери заклинанием.

– Ну-ну, – кивнула Джинни

– Я знаю, что я сволочь, – буркнул Гарри и сел. – Извини.

– Знаешь, какое из твоих качеств потрясает больше остальных? Не храбрость и не скромность, а вот это!..

– Что «это»?

– Твоя уверенность, что стоит извиниться – и все будет замечательно!

– Джинни, – Гарри потянул ее за руку и заставил сесть рядом. – Я почти не спал, я устал, как тролль, и меньше всего мне хочется ссориться.

– И именно поэтому ты прятался от меня последнюю неделю?

Он смотрел на ее красивое веснушчатое лицо, гладкие щеки, пухлые губы и пытался почувствовать хотя бы отголосок того, что испытывал рядом со Снейпом, но такого восхитительного, порочного и острого желания, как от одного взгляда на профессора, не появлялось. Гарри не сомневался, что при должном старании смог бы заниматься с Джинни любовью, завел бы с ней детей и даже был бы доволен такой жизнью, но теперь было с чем сравнивать. Довольствоваться полумерами он никогда не умел, и пусть это будет сложно, пусть больше никогда в жизни не почувствует такого же, но жить во лжи, обманывая Джинни и самого себя – низко. И неважно, что Снейпу плевать – хотя важно, конечно, мысленно хмыкнул Гарри – он просто помог понять очевидное.

– Я не прятался! Так... так вышло, – Гарри перевел дух и попытался успокоиться: им предстоял неприятный разговор. – Нам нужно решить один важный вопрос.

– Нет, нам нужно привести тебя в порядок и бежать на репетицию свадьбы! Потом сможешь извиниться. А... что это? – Джинни поддела пальчиком висящий у Гарри на шее амулет. – С каких пор ты начал носить побрякушки?

– Это подарок. Не трогай. Пожалуйста.

– Жуткая безвкусица. И кто тебе это подарил?

– Одна юная леди.

– Леди? – ее рот вытянулся в большую букву «О». – Ты... ты поэтому от меня прятался, да?

– Девочка, ей лет десять! – фыркнул Гарри. – Я потом расскажу, это неважно. Важно то, что... я не думаю, что нам стоит жениться.

Джинни прищурилась.

– Если ты злишься на меня из-за контракта, то это самый idiotский вариант мести – отменять свадьбу из-за твоих дурацких обид, и...

– ...да не в этом дело! – перебил ее Гарри. – Хотя и в этом тоже! Просто я... я не готов. Ты ведь тоже не хотела замуж, мы решили пожениться, потому что твоя мама настояла, но теперь, когда ты решила продолжать играть за «Гарпий», это будет только формальностью! Ты даже жить будешь вместе с остальной командой, у тебя тренировки, сборы и игры, мы будем видеться, как и сейчас, пару раз в месяц, какой смысл в таком браке?

– Значит, виновата всё-таки я, да?

– Нет, – Гарри скривился, собрал в кулак все мужество и с трудом выдавил: – Я влюбился.

Он не рассчитывал, что Джинни воспримет новость спокойно, поэтому, запнувшись, добавил:

– ...в мужчину. Я знаю, что тебе всё равно, что я поступил, как последний мерзавец, прости, просто... я не хотел, правда.

Джинни замерла и смотрела на него, удивленно приоткрыв рот.

– Дело не в тебе, – сказал Гарри тихо.

– Не во мне, значит, – кивнула она какое-то время спустя. – То есть... в мужчину? Это как-то... Мы ведь... Ты...

– Я не гей, – буркнул Гарри. – Я просто влюбился. Я не уверен, что мне понравится какой-нибудь другой мужик, я вообще ни в чем не уверен, просто я должен был тебе сказать. Но даже если бы этого не случилось – нам не стоит жениться.

Он не знал, куда деть руки, куда смотреть, как себя вести: если предыдущим вечером в истории со скопированным пергаментом он не чувствовал себя виноватым, то сейчас был неправ по всем статьям, а Джинни такого не заслуживала. Но что бы Гарри ни сказал – этого было мало.

– Прости меня. Пожалуйста, – добавил он.

– Простить? – выдохнула она со злостью. – У нас свадьба завтра утром, ты пропадаешь неделю неизвестно где, сообщаем мне, что влюбился, и после этого – простить?!

Как успокаивать Джинни, Гарри просто не знал – и не знал, стоит ли. Любые слова, которые могли прийти ей в голову, были бы заслуженными, и Гарри опустил взгляд в пол, приготовившись к гневной тираде и оскорблениям в свой адрес.

– Ты восемь лет морочил мне голову!

– Я не морочил, это случилось, и...

– ...ты выбрал прекрасный момент! Просто замечательный!

– Я не хотел!

– Ты и жениться не хотел! Скажи, что это просто повод не связывать себя браком – и я поверю! Потому что история о влюбленности в... в мужчину, – выплюнула она, – звучит бредово!

– Я хотел жениться, просто не хотел спешить! Это для тебя карьера важнее всего, а я хотел семью! – он не собирался оправдываться – так получилось. – А тебе не нужна семья! – Джинни фыркнула и повернулась к Гарри спиной, тяжело дыша. Его снова накрыло чувством вины, на этот раз из-за того, что не вышло обойтись без обвинений – Джинни и так было несладко. – Прости, я... я просто не думаю, что у нас что-нибудь получится.

– Значит, это повод меня наказать, да? – спросила она минуту спустя. – Я думала, что ты обиделся, когда перестал писать письма и общаться со мной по каминной сети. Кингсли каждый день спрашивала, жив ли ты, всё ли у тебя хорошо, и думала, что ты решил меня бросить из-за контракта, вот и...

Гарри решил не спрашивать, зачем, в таком случае, она начала с упреков и требований – это он понимал и без уточнений: Джинни была из тех людей, которые предпочитают заранее обвинить окружающих, если знают, что неправы. Сейчас он бы закрыл глаза и на большее – только бы побыстрее окончить этот тяжелый для

обоих разговор.

– Да нет же, я тебя не наказываю, ты ни в чем не виновата! Я действительно влюбился и действительно считаю, что нам не стоит жениться. Просто...

– ...просто ты влюбился. Поверить не могу, – Джинни встала, поджала губы и подошла к окну.

Тонкое летнее платье прекрасно подчеркивало ее высокую грудь и тонкую талию, а волосы на фоне ярко-голубого неба казались светящимся золотистым нимбом. Гарри невольно залюбовался, снова попытался захотеть Джинни – и опять не смог. Она была красивой, теплой, знакомой, но – не желанной.

– Извини, – сказал он. – Я бы хотел, но... не судьба.

– Помолчи хотя бы пару минут!

– Извини, – повторил он.

.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....°0°.....

Полчаса спустя Джинни все так же смотрела в окно, изредка всхлипывая и вытирая слезы, а Гарри окончательно осознал, что он последний гад и придурок.

Заговорить не получалось: в горло будто насыпали песка, мысли разбегались, а наряду с раскаянием он чувствовал неправильное, постыдное облегчение – и из-за этого было только хуже.

– Я сам сообщу твоим, – выдавил он с трудом.

– Хорошо, – сказала она и повернулась, будто ждала от Гарри этих слов, – ладно.

Ее глаза покраснели и опухли, а лицо было мокрым от слез – Гарри мысленно обозвал себя ублюдком и встал с кровати.

– Если я могу что-нибудь сделать – что угодно – я сделаю.

– Мы отменим свадьбу. Мама меня убьет – а потом тебя, она на подготовку месяц потратила, но... мы скажем, что решили просто отложить. Потом решим, что делать дальше – и я хочу, чтобы ты понимал: я делаю это только ради мамы!

– Нет, я лучше сам...

– ...не перебивай, пожалуйста! Я согласна, что нам не стоит жениться. И не только потому, что ты влюбился в... черт, Гарри, я не понимаю, как ты мог влюбиться в мужчину! Ты прав в том, что мы поспешили. Но, – она вытерла слезы ладонью, – если честно – я не представляю, как жить дальше. Мы ведь столько лет вместе.

Гарри поежился и нервным жестом поправил очки. В другой ситуации он бы обнял ее и постарался утешить, но сомневался, что попытка прикоснуться к Джинни сейчас останется без неприятных последствий.

– Пойдем в Нору? Нужно твоим сообщить. И... Джинни, ты замечательная. Я очень хочу, чтобы у тебя всё было хорошо.

– Спасибо и на этом, – кивнула она. – Еще ведь журналисты, и... Черт, нас же вопиллерами забросают!

– С журналистами и вопиллерами я разберусь. Я виноват – мне и разбираться. И понимаю, что буду выглядеть глупо, но ты... ты действительно хороший друг. Мне бы хотелось, чтобы так и оставалось.

– Я не хочу с тобой дружить, – Джинни наколдовала на стене зеркало и, наставив на лицо палочку, произнесла нараспев какое-то длинное заклинание – следы слез исчезли бесследно. – Сейчас я тебя почти ненавижу, – сказала она зеркалу. – Лучше бы ты не говорил о своей влюбленности – мне было бы гораздо легче... Держись подальше от меня и моей семьи. Разберемся с мамой – и отправляйся на все четыре стороны.

– Но они и моя семья!

– Тебе следовало подумать об этом до того, как ты... Приведи себя в порядок, я подожду в гостиной.

Джинни вышла, а Гарри спрятал лицо в ладонях и сделал глубокий вдох. Похоже, ему предстоял долгий день.

34

34. Дэвон

Гарри сидел на крыльце Норы, сжимая в руке стакан со сливочным пивом, и медленно, но верно погружался в депрессию.

Беседа с семьей Уизли прошла хуже, чем можно было ожидать: от них с Джинни требовали объяснений не только родственники, но и родители Гермионы, которые приехали на свадьбу, противная тетюшка Мюриэль и почему-то – Габриэль. Она,

видите ли, помогала Джинни с платьем и поэтому считала себя причастной. Рон предсказуемо разозлился, Гермиона утешала плачущую Молли, бросая на Гарри гневные взгляды, Перси, который с каждой новой должностью в Министерстве все больше раздувался от гордости и расставлял локти в стороны, будто старался занять больше места? занудствовал, но – через это нужно было пройти, и Гарри справился. Только теперь, глядя на звезды в прозрачном ночном небе, он чувствовал себя бесконечно одиноким.

Джинни оказалась права в том, что Уизли – ее семья. Гарри был благодарен ей за уверенность и спокойствие, с которым она сообщала родителям, что отмена свадьбы – их общее решение. Но всё равно ее жалели, а Гарри осуждали: Билл многозначительно продемонстрировал Гарри увесистый кулак, пообещав попозже поговорить наедине, а Рон вообще ушел побродить по окрестностям, хлопнув дверью. Похоже, в один день Гарри действительно перестал быть членом семьи Уизли. Их отношения с Роном позже наладятся – так всегда случалось, – но считать этот дом своим он больше не мог.

Если бы у него оставалась хотя бы капля надежды, что Снейп говорил об отсутствии интереса специально, чтобы уберечь Гарри от опрометчивого решения – пережить этот вечер было бы куда легче. Судя по словам Кингсли, предложение насчет Египта поступило именно от Снейпа, и это могло означать, что... Нет, решил Гарри. Нельзя строить воздушные замки, если дело касается Снейпа: всё выйдет ровно наоборот, как он уже убедился на собственном горьком опыте. Тоска давила на грудь, мешая дышать. Такая странная ирония судьбы: популярный, богатый и уважаемый герой влюбляется в некрасивого угрюмого мужика на двадцать лет старше, а тот выставляет героя за двери.

Чертов Снейп.

Жизнь казалась беспросветно мерзкой и унылой, и хотелось по-детски, по-девчачьи зареветь, уткнувшись носом в колени. В четырнадцать это бы помогло, в двадцать четыре – вряд ли. Гарри грустно вздохнул, сделал глоток пива и вздохнул снова: за прошедшие сутки он совершил несколько поступков, которыми не мог гордиться, бесчисленное количество раз извинялся и сейчас пытался собрать в горсть остатки самоуважения – впрочем, безуспешно.

Воздух был по-вечернему прохладным, и Гарри замерз, но возвращаться внутрь не хотелось: там пришлось бы отвечать на вопросы, а Гарри не мог – как не мог бы и просто аппарировать домой. Джинни настояла, что присланные накануне подарки придется разбирать и возвращать именно ему, и несколько больших коробок еще стояло в гостиной. За последние пару часов Гарри в совершенстве овладел чарами копирования, размножая открытки с текстом извинения, и это было бы смешно, если бы не было настолько грустно. «Мистер и миссис Брокхерст, мы вынуждены

сообщить об отмене бракосочетания, просим прощения за причиненные неудобства, блаблабла...»

Он не выспался, перенервничал, устал и чувствовал себя совсем разбитым. Мысль о том, что в понедельник нужно на работу, служила слабым утешением: вряд ли в их коллективе поймут его роман с женщиной – а в том, что Джинни до понедельника успеет по секрету поделиться с близкими истинной причиной их расставания, Гарри не сомневался. Слухи в магическом мире распространялись со скоростью полета самой быстрой совы – значит, будут смешки, издевки и, вероятно, остракизм. Всем плевать на статус народного героя, если всю сознательную жизнь герой от этого статуса отрекся, а в итоге оказался геем. Какими бы толерантными ни были волшебники, такое они вряд ли поймут.

Гарри грустно вздохнул и отхлебнул пива. Стоило прикусить язык и не откровенничать, в этом Джинни была права. Мог бы просто сказать, что влюбился – но нет, решил, что так она легче воспримет расставание – и что в итоге?

Идиот. Полный и абсолютный идиот.

Позади скрипнула дверь, на лестницу упала полоска света, а потом рядом с ним на ступеньку присел Чарли.

– Паршиво, Гарри?

– Ага, – кивнул он и уничтожил пустой стакан заклинанием. – Ты тоже собираешься высказать мне, какой я гад?

– Нет.

– Почему ты здесь, в таком случае, а не обсуждаешь с родственниками... какой я гад?

– Потому что я знаю, что ты не гад, – Чарли хмыкнул и растрепал Гарри волосы. – И знаю свою сестрицу.

– Джинни клевая.

– Угу.

– А я гад.

– Потому что переспал со Снейпом?

Гарри решил, что покрасневшие щеки в такой темноте все равно никто не разглядит, и понуро кивнул:

– Уже все в курсе, да?

– Нет. Я, по крайней мере, ничего такого не слышал. Но мне достаточно знать, что ты провел с ним последние недели, чтобы сложить два и два.

– Я еще и дурак.

– Да не дурак ты, – Чарли положил Гарри руку на плечо и легонько сжал. – Но я тебя понимаю... хотя жаль, что это был именно Снейп.

– Почему? – он повернулся к Чарли. – Он... черт, мне стыдно, но если мне следует о чем-то знать – скажи.

– Да я не о нем, а об...

Гарри моргнуть не успел, как его рот накрыли горячие влажные губы.

Твою мать!

Он только что с Джинни расстался, а теперь его целует ее брат!

Гарри сжался от ужаса, представив, что случится, если кто-нибудь решит выйти на улицу и их застукает, отшатнулся и уставился на Чарли, не мигая.

– П-прости.

– Все нормально, это ты меня прости, – пробормотал тот и отвернулся. – Не знаю, с чего мне в голову взбрело, и...

– ...ты классный, – сказал Гарри, – просто я, кажется, не гей.

– Хм?

– Я... не могу. То есть, ты мне нравишься, но...

– Ага, – сказал Чарли, – понятно. Значит, Снейп?

– Снейп.

– Никогда бы не подумал, что ты и...

– ...я тоже, – оборвал его Гарри. – Я не знаю, к каким выводам ты пришел... и что ты думаешь. Но наверняка ошибаешься.

– Вы не трахались?

В ночной тишине голос Чарли был слышен на мили вокруг, и Гарри шикнул, тихо выругавшись.

– Ну прости. Не вижу в этом ничего... такого.

– И в том, что я не женюсь на твоей сестре – тоже?

– Малышка Джинни не пропадет, а вот ты... – он встал с крыльца и потянулся, продемонстрировав полоску кожи на животе; это выглядело настолько откровенным приглашением, что Гарри поморщился: в другое время и в другом месте – возможно, но не под дверью дома Уизли сразу после отмены свадьбы.

– Чарльз, нам не стоит, – сказал Гарри твердо.

– Ты уверен?

– Абсолютно. И в будущем – тоже не стоит.

– Знаешь, – он провел рукой по волосам, – если год живешь в заповеднике, где даже подрочить в одиночестве – проблема, потому что все там добропорядочные суровые мужики, а потом вырываешься на свободу – ведешь себя, как озабоченный придурок. Так что... извини, если что не так.

– Всё нормально, – кивнул Гарри; ему было неловко.

– Я не... я не потому, что не с кем.

– Можешь не объяснять, – выслушивать извинения было еще неприятнее, чем извиняться самому. – Я всё понимаю.

– Ты был с Джинни. Если бы я знал, что ты... уф, – Чарли нервно теребил мочку уха и переминался с ноги на ногу. – Я бы предложил раньше. Ты всегда мне нравился.

– Ты мне тоже, но...

– ...если передумаешь – я...

– ...я не передумаю, – буркнул Гарри, – перестань, пожалуйста. И... мне нужно побыть одному.

Чарли пожал плечами, снова извинился и вернулся в дом, а Гарри уставился на звезды, думая о том, что мир, похоже, сошел с ума.

35

Эпилог

Он стоял у крыльца, раздумывая – войти сейчас или еще немного посидеть на свежем воздухе. Впрочем, второй вариант мог привести к очередному потоку претензий от Джинни, поэтому стоило вернуться и побыстрее закончить с подарками. Гарри уже собирался открыть двери, но обернулся на звук аппарационного хлопка. К полуночи небо затянуло тучами, и размытую фигуру было толком не разглядеть; Гарри вытащил палочку – нормальные люди в такое время в гости не ходят – и прищурился. Высокий мужчина с каким-то большим тюком в руках сделал пару шагов, остановился, подтянул к себе груз и снова шагнул.

Гарри напрягся: Нора была плохо защищена, никакой охраны, несмотря на завтрашнее торжество, не было – Уизли всегда слишком легко относились к вопросам безопасности, – а прибывший мог оказаться кем угодно, даже Упивающимся. Гарри на всякий случай крепче сжал палочку и отступил в тень от навеса, куда не падал свет из окна.

Мужчина шел медленно – ему явно мешал груз, – и, приблизившись к крыльцу, остановился, глядя на освещенное окно гостиной.

Гарри охнул и прижал ко рту кулак.

Ему пригрезилось.

Из-за недосыпа.

Или это вообще стихийная магия: говорили, что если чего-то страстно желать, то желания сбываются – только у очень сильных волшебников, конечно же.

Снейп в парадном костюме и с тюком длиной в восемь футов не может стоять у дверей Норы и смотреть на окно так, будто мечтает оказаться внутри, но не в силах двинуться. Его лицо перекосилось, словно от боли, он тяжело дышал и выглядел еще более уставшим, чем накануне.

Гарри глядел на него, будто замороженный, и не мог отвести взгляд. Он помнил сказанное Снейпом, верил в то, что не нужен ему, но ничего не мог поделать с собственными чувствами. Сердце застучало вдвое чаще, а ладони вспотели; Гарри задержал дыхание и подумал, что если сообщит о своем присутствии – Снейп наверняка испарится, как любая

иллюзия – потому что это совершенно точно не профессор, он не может здесь быть, это невозможно, Гарри мерещится... а потом покачнулся, оступился и задел ногой выставленные под окнами ведра. В ночной тишине грохот показался оглушительным; Гарри сжался, ожидая, что Снейп – если это действительно он – просто сбежит, но профессор дернулся, медленно повернулся в его сторону и наморщил лоб.

– Выйдите на свет, – сказал он, – иначе я пришпилю вас к стене «Петрификусом» настолько быстро, что вы и пискнуть не успеете.

Гарри шагнул, надеясь, что Снейп не обратит внимания на его по-идиотски счастливую улыбку, и выдавил: «привет», но слово больше походило на что-то вроде «умблф».

– Пот-тер? – тон резко сменился с радостного на сухой – точь-в-точь как в баре отеля, когда они встретились впервые после долгого перерыва.

На этот раз Гарри решил, что не даст сбить себя с толку:

– Ты мне обрадовался, а потом вспомнил, что не стоит это демонстрировать. Почему?

– С чего бы мне?

Гарри в два шага преодолел разделяющее их расстояние и встал напротив.

– Не знаю. Ты мне объясни.

На лицо Снейпа падал свет из окна гостиной, а Гарри стоял спиной к дому – можно было надеяться, что профессор не заметит его состояния. Руки сами тянулись обнять, чтобы ощутить, что Снейп действительно здесь, реальный, и пришлось сжать ладони в кулаки: этот поздний визит наверняка не имел никакого отношения к Гарри.

– Я тебе не рад, – сказал Снейп ровно – слишком ровно, решил Гарри, который успел неплохо изучить все оттенки его голоса.

– Ладно, – улыбнулся он чуть натянуто и махнул рукой в сторону двери. – Не буду тебя задерживать.

Ему хотелось задать множество вопросов: от «что ты здесь делаешь?» до «почему ты соврал о просьбе Кингсли?», от которых Снейп наверняка отмахнулся бы – и Гарри промолчал.

– Я не спешу.

– Ага, – хмыкнул он. – Конечно.

– Разве ты... – Снейп кашлянул и обхватил обернутый в праздничную бумагу пакет обеими руками: – ...разве ты не должен сейчас отмечать последний день свободной жизни

вместе с твоими... друзьями?

В последнем слове было столько пренебрежения, что Гарри поджал губы и фыркнул:

– Должен.

– Почему, в таком случае, ты здесь? Высматриваешь свою Джульетту, прячась от ее нянюшки?

– Нет. Воздухом дышу.

Гарри понимал, что стоит сказать Снейпу про отмену свадьбы, но упрямство брало свое. Если профессор здесь по делу, то сообщать ему последние новости необязательно – тем более, что тот демонстративно изображал равнодушие. Впрочем, не очень убедительно, особенно учитывая его опыт в области шпионажа.

– Ничего не хочешь мне сказать? – спросил Снейп, когда пауза затянулась.

– Нет.

– А спросить?

– Не-а.

Гарри почти злорадствовал. Ему, безусловно, хотелось услышать слова извинения, хотелось, чтобы Снейп признался в том, что их связь была для него чем-то большим, чем секс – и то, как Снейп выглядел, только доказывало правоту Гарри. Обоим было ясно, что если бы профессор в самом деле не испытывал к нему никаких нежных чувств – то не стоял бы сейчас напротив и не пялился голодными глазами так, будто готов умолять, но отчего-то сдерживается.

Поникшее эго Гарри расцветало пышным цветом от одного взгляда на это некрасивое лицо; Гарри готов был сделать первый шаг – снова, в сотый раз, – но сначала следовало убедиться в том, что он всё понял правильно.

– Ты к Артуру?

– Что? – спросил Снейп удивленно – он явно думал о чем-то другом.

– Ты к Артуру Уизли? Я могу его позвать.

– Нет, – он посмотрел на пакет в руках чуть растерянно, а потом подвинул его к Гарри. – Это тебе... Вам. Желаю долгих лет и счастливого супружества.

– Хм?

– Я хотел просто оставить подарок и уйти, поскольку британская магическая почта отказалась его прислать по указанному адресу из-за размеров, а уменьшить его нельзя, – сказал Снейп чуть раздраженно: он явно не любил оправдываться. – Но раз уж ты здесь – поздравляю.

– Это... Уф, – Гарри провел пятерней по растрепанным волосам, – свадебный подарок, значит.

– Да.

– Я не могу его принять.

– Поттер, это просто подарок! Возьми его, и я уйду!

– Не могу, – повторил Гарри. – Свадьбы не будет. Я как раз собирался вернуться в дом и закончить с возвратом уже присланных подарков, так что... Спасибо, конечно, но не стоило беспокоиться.

– Почему не будет?

Снейп, задающий односложные вопросы, был тем еще зрелищем. Его будто подменили: растерянный, запинаящийся и взволнованный Снейп Гарри ужасно нравился.

– Потому что мы решили, что нам не стоит жениться. Я сказал Джинни, что влюбился, и она поняла. Без слез не обошлось, но все уже успокоилось, так что...

– ...влюбился? – повторил эхом Снейп, выпустив из рук пакет, который упал на траву с глухим «бух».

– Ага. В тебя.

– А это... правда?

– Ну конечно, нет! Я ведь известный любитель наврать с три короба. Например, могу сообщить дорогому мне человеку, что он мне не нужен. Или что это был просто совместный отдых с бонусом в виде секса. И что Кингсли попросил меня за ним присмотреть, хотя всё на самом деле ровно наоборот. И что... – к его губам прижались губы Снейпа – Мерлин, Снейпа! – и Гарри пришлось заткнуться.

Он не мог поверить, что это происходит на самом деле: руки, крепко сжимающие его плечи, восхитительный рот, вкус Снейпа, запах Снейпа – Гарри негромко застонал и обхватил его за пояс, прижимаясь сильнее.

Снейп вел себя так, будто пытается отомстить: целовал страстно и безжалостно, сминая губы Гарри, и сжимал пальцы с такой силой, что наверняка должны были остаться синяки, но именно таким он и нужен был Гарри: непредсказуемым, серьезным, заботливым,

временами забавным – самым-самым.

Если бы Гарри попросили описать лучший из возможных поцелуев – он выбрал бы именно этот.

Замечательно.

Снейп отстранился первым; его глаза горели каким-то лихорадочным огнем, он тяжело дышал, а руки безвольно повисли вдоль тела.

– Т-тебе нужно мне многое объяснить, – сказал Гарри.

– Да.

– И мне нельзя в Османскую Империю, поэтому...

– ...да.

Снейп вытащил из рукава палочку, нагнулся, постучал ею по пакету – тюк приподнялся, бумага рассыпалась мелкой серебристой пылью – и Гарри ахнул. Купленный Снейпом в Стамбуле ковер-самолет – тот самый, огромный – развернулся и аккуратно опустился на траву, словно приглашая попробовать его в полете.

– Ты купил его для меня, – выдохнул Гарри изумленно. – Для меня! Но это же – как ты говорил? – символ любви!

– Да, – снова кивнул Снейп.

Похоже, на другие слова его уже не хватало.

– Ты невозможный! – рявкнул Гарри, тряхнув головой. – Я никогда тебя не пойму! Зачем было устраивать весь тот цирк, а?!

– Я был... – он должен был сказать «неправ» или что-то вроде, но после паузы добавил: – не готов.

– Не готов – что?

– Не готов к тому, что ты... Правду говорят, что планы строят только идиоты.

– Хм?

– Я думал, что мы... Ты должен был жениться! Я даже не надеялся, что ты...

– ...обожаю, когда ты запинаешься.

– Гар-ри, – его имя, сказанное этим низким голосом, действовало на Гарри не хуже оглушающего заклинания: дыхание сбилось, сердце пустилось вскачь, а ноги тут же подкосились – он покачнулся и едва не упал. – Что скажешь?

– Знаешь, – улыбнулся Гарри пару секунд спустя, глядя ему в лицо, – я всегда хотел побывать в Японии. А еще – в Испании, мне очень нравится испанская кухня. И в Париже я раньше бывал только в командировках, так что...

– ...полетим в Париж, – сказал Снейп мягко.

– Но у меня нет визы. И документов – они на Гриммо. И ты должен ответить мне на множество вопросов: почему Абефорт не пустил меня в дом, почему твоя мама до сих пор живет в Тупике Прядильщика, чем ты занимаешься на работе... и на все остальные тоже!

– Я отвечу, – Снейп протянул руку, ожидая, когда Гарри поднимется на ковер.

– Сейчас!

– Сейчас, да, – сказал он и улыбнулся знакомой полуулыбкой. – Хотя я рассчитываю прожить еще лет хотя бы сто, поэтому не вижу повода спешить.

– Сейчас!

– Если ты настаиваешь... Узнав, что ты женишься, я решил, что это последний шанс узнать тебя лучше – без вечной угрозы в виде Волдеморта за спиной, без директора, без зрителей. Но когда увидел, то остальное потеряло всякое значение, – его голос стал на тон ниже и обволакивал, словно мед. – Я мог думать только о том, каково слышать, как ты стонешь, как выглядит твое тело без одежды, каков ты на вкус, и с каждым днем становилось все сложнее себя контр... – Снейп оборвал речь на полуслове, уставившись на рот Гарри.

– И?..

Он пару раз мигнул и отвел взгляд, добавив:

– Я даже не надеялся. Так... вышло.

– Ладно, – Гарри решил, что лучше перевести тему – иначе он набросится на Снейпа с поцелуями прямо здесь, во дворе Норы. – Мне нужно разобраться с подарками, сообщить Кингсли, и...

– ... я помогу, – сказал Снейп. – Слетаем на Гриммо, отдашь распоряжения своему эльфу – да, я знаю, что у тебя есть эльф, я знаю о тебе куда больше, чем кажется – потом навестим Кингсли и решим вопрос с твоим отпуском и визой. Итак, – он снова протянул руку, – ты со мной?

– Конечно, – сказал Гарри, сделав шаг. – Сегодня... и, пожалуй, еще надолго.

КОНЕЦ